

ЖУКОВСКОЕ РАЙОННОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ТОЖАРЫ

АЛЬМАНАХ

№ 2(8)

Брянск
2019

ББК 84(2Рос=Рус-4Бря)6
А57

*Авторы выражают глубокую признательность
председателю правления Жуковского РайПО Н.Ф.Ворониной,
генеральному директору ООО «Степное» А.Г.Машурову,
ИП Н.Б.Хамоеву, ИП А.В.Ходулапову, ИП Ю.В.Швыркову,
генеральному директору ООО «Компания Интерметалл»
В.М.Шуравко.
за помощь в выпуске альманаха.*

А57 **Стожары.** / Альманах. Выпуск 2. Составитель и редактор
В.П. Берзин. – Брянск, 2019. – 232 с.

В восьмой литературный сборник Жуковского литературного объединения «Стожары», вышедший в виде альманаха, вошли стихи и рассказы, как местных авторов, так и писателей областного литературного объединения при Брянской писательской организации.

Дизайн и верстка Т. В. Черных
Корректор С. С. Горбарчук
Идея обложки Н. М. Пугачёва

ББК 84(2Рос=Рус-4Бря)6

© Стожары, 2019

Дорогой читатель!

Вы держите в руках второй выпуск альманаха «Стожары». А. С. Пушкин в 1827 писал: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о её движении и успехах». В этом издании участники Жуковского литературного объединения представляют на суд читателя свои новые творения. И зная, что суд Ваш будет строгим, но справедливым, мы кропотливо работали над каждым словом, оттачивая мастерство.

Многие работы уже оценены по достоинству: в 2018 году приняты в члены Союза писателей России руководитель «Стожаров» Вячеслав Петрович Берзин, в 2019 году не раз назывались имена «стожаровцев» на церемониях вручения наград различных литературных конкурсов. Да и сам альманах расширил границы: в новом выпуске наряду со знакомыми Жуковскими авторами вы увидите имена писателей из Брянска. Помня об ушедших друзьях, мы возобновили публикации стихотворений тех, кого сегодня нет с нами.

Оставит ли альманах свой след в истории, покажет главный судья — Время. А сейчас Вас ждёт встреча с множеством историй в стихах и в прозе, правдивых и вымышленных, грустных и веселых о том, что волнует человека во все времена: о Родине, верности и предательстве, войне и мире, дружбе и любви...

Наталья Кандаурова, поэтесса.

Владимир АРХИПОВ

Архипов Владимир Валентинович родился в п. Красная Жуковского района Брянской области. Окончил Брянский технологический институт по профессии «Лесное хозяйство». Много лет проработал в этой отрасли. В настоящее время пенсионер, живёт в городе Жуковка. Стихи и рассказы публиковались в литературном альманахе «Стожары», в областной и местной прессе. Автор сборников стихов и рассказов «Цветы сады» (2018) и «Край черёмуховый» (2018).

Ночлег

Лес шумел, кричали совы.
В тёмной шубе небосклон,
Костерок слегка взволнован,
Месяц щурился из крон.

И комар нагледл немножко.
Что-то шлёпнулось в реке.
Испеклась моя картошка,
А ушица в котелке

Терпким запахом манила
Весь, казалось, горизонт.
Ночь внезапно расчехлила
Над поляной звёздный зонт.

Я и ты, вина бутылка,
Ночь, бесстыдница, не спит.
Счастье трепетно и пылко
В сердце девичьем стучит...

Январь

Зима, немножечко за минус.
Приятно, тихо и тепло.
В туман светило провалилось,
На запад медленно плыло.

Снежинки редкие. Как будто,
Пугались, падая с небес.
Пушистой ваты тыщи фунтов
Держал на спинах сонный лес.

Какая тишь! Не слышно ветра,
Полей серебряный наряд,
Лазури чистой километры
Везде, куда ни кинешь взгляд.

В пролеске девушки — берёзки
В сугроб нечаянно зашли.
Морозец беленькой расчёской
Берёзкам кудри шевелил.

...Зима, немножечко за минус,
Дрожит слегка тумана тень.
На лыжах в лес сегодня двинусь,
Пока зовёт январский день.

Ностальгия по лету

Будет солнце, будет лето,
Синью небу в речке плыть.
Будет в мире столько света,
Что светлей не может быть!

Будет поле всё в ромашках,
Придорожье в васильках,
И берёзоньки в кудряшках
Слушать пенье летних птах.

Будет вечер тёплый, тёплый
И гитарный звук струны.
В дымке рыженькое сопло
Засыпающей луны.

Горизонт гореть в ракетах
Будет утром, а пока
Я морозами убитый
Жду от солнышка звонка...

Утро морозное

Резко подморозило,
Снега нет совсем.
Поле пахнет озимью,
И от стужи нем

Лес стоит, как вкопанный,
Холод от земли.
Серы тучки копнами
На дома легли.

Воробьи нахохлились,
Видно, снега ждут.
Что-то в парке грохнуло,
Сонный старый дуб

Уронил мороженный,
Онемевший сук.
Марью огороженный
Солнца бледный круг.

На макушку тополя
Клеится туман.
Розовым сиропом
Льётся утро к нам...

Начало мая

Вот и май теплом лелеет землю.
Первоцвет проклюнулся уже,
А гроза полям раскатом внемлет
И дождём полощется в меже.

Прилетели ласточки, а значит
Быть теплу и солнцу, и весне.
На глазах белеет наша дача,
Будто вновь идет пушистый снег.

Вывелись скворчата, раскричались,
Пищи не хватает им, растут.
Осторожно на руках качает
Моя вишня белый перламутр.

У берёзы лопаются почки,
А с кудрей серёжки, посмотри,

Вдруг легли, как свеженькие строчки
В мой альбом, где я стихи творил...

Мир цветёт, а красота земная —
В нашем парке, поле и в лесу.
Чумовой, в объятых крепких мая
Я к тебе с черёмухой несусь!

Апрель

Солнце встало рано.
С рыжею зарёй
Поигралось рьяно
За большой горой

И уж слепит землю
Золотом огня.
День пока что дремлет
В спальнoй у меня.

Во дворе скворчиха
С крыши гаража
Льёт без передыха
Песнь, как солнце жар.

В цветнике на цыпочках,
Землю откопав,
Две ладошки выпачкав,
Розовый тюльпан

Машет ими солнцу,
Радуясь весне,
Под моим оконцем,
Улыбаясь мне.

Песней жаворонок
Заливает даль.
День, румян и звонок
Вышел на асфальт...

О весне стишок писал...

О весне стишок писал,
Радовался солнцу.
Лучик розовый плясал
На моём оконце.

Постучала о стекло
Жёлтая синичка.
Небо синее текло
На мои странички.

Грач залётный серый двор
Промерял шагами.
Воробей затеял спор
С воробьиной — дамой.

В палисаднике сирень
Распускала почки.
Согревало солнце день
Рыженьким платочком.

Луч играть перестал,
Кто его обидел?
Вот об этом я писал:
То, что только видел!

Лён цветёт

То ли небыль, то ли былъ,
Как-то всё преобразилось:
Небом сине-голубым
Поле серое покрылось.

То июнь с ума сошёл,
Не спросив у горизонта,
Голубой волнистый шёлк
Застелил по полю фронтом.

Лён цветёт, краса земная,
Сколько силы и тепла,
Красоты такой не знаю,
Чтобы синь рекой текла!

Тронь рукой и ты уронишь
В звонкий бархат вдруг себя.
Поле в синем капюшоне,
Лён цветёт, теплом клубясь.

То ли небыль, то ли былъ,
Всё вокруг преобразилось:
Синеоким, голубым
Льном душа моя покрылась...

Конец февраля

Пушинится верба над речкой,
Хотя за окошком февраль,
И солнце горящим колечком
На плечи накинуло шаль.

Чуть греет, но выше и выше
Стремится оно в небеса.
Сегодня с заснеженной крыши
Упала скупая слеза.

Вдали голубится подлесок.
Берёзок коленки наги,
Кудрявы и статны принцессы,
Изящны красавиц шаги...

Февраль за окошком, но ветер
Заметно уже подобрел.
И небо в сиреновом цвете,
И снег у дорог потемнел.

Синицы затенькали звонче.
Темно, но свежо в сосняке.
Весна, озорная девчонка,
Проснётся вот-вот в ивняке...

Русалка

Лёд трещал, нет клёва рыбы.
Глел уставший костерок.
«Рыбнадзор» на берег прибыл
Под истошный крик сорок.

Поздоровался со всеми,
«Как рыбалочка? — спросил, —
Есть какие-то проблемы?»,
«Есть, — Семёныч пробасил. —

В этом озере, начальник,
Рыба вовсе не клюёт.
Здесь недавно я случайно
Обнаружил перемёт.

В нём завидная Русалка
Утром села на крючок,
Обманула нас, нахалка,
Игнорируя сачок.

Испугала рыб, зараза,
Пруд взмутила здешний весь.
Дед рукой слезу размазал, —
Не видал таких «чудес»...

— Так скажи, товарищ, прямо,
Если крупной ячеей
Деву вытащу из ямы,
Сколько штрафа за неё?»

«Рыбнадзор» кокарду вытер,
Вид начальничий угас:
«Ну, она ж не на орбите,
Так лови, даю отказ.

Штраф накладывать не буду,
Если в этой глубине
Ты поймашь вдруг «приблуду»,
Сообщи об этом мне».

* * *

Порешили, страж рыбалки
В свой отправился «УАЗ».
А Семёныч про Русалку
Не заканчивал рассказ.

«Чай не буду, выпью рюмку,
Чаем боль не утолить.
Доставай с рыбацкой сумки,
За Русалку будем пить...»

Зимняя рыбалка

Рыбка не клевала,
Горечь и тоска.
Солнце чашей алой
Злило рыбака.

Где-то крик сороки
Слышался в кустах.
Ветер одинокий
В снежных лоскутах

Разгулялся шалый,
Жаля рыбака.
Рыбка не клевала,
Горечь и тоска.

Кто-то надоумил
Развести костёр.
Огненный безумец
Душу распростёр,

Выдохнул наружу
Всё своё тепло.
Сизый дым уютжил
Серебристый лёд.

Чай рыбацкий сладок,
Свежий анекдот...
Что для счастья надо,
Если не клюёт!

Людмила АШЕКО

Ашеко Людмила Станиславовна родилась 1 марта 1945 года в Свердловской области, живёт и работает в Брянске — автор шести поэтических книг, трёх книг и двухтомника прозы, книги для детей, соавтор четырёх коллективных сборников стихов, прозы, драматургии. Печаталась в периодической печати, в том числе в газете «Литературная Россия», «Литературная газета», «Экономическая и философская газета» (Москва),

в журналах «Днипро» (Чернигов), «Немига» (Минск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Наш современник», «Российский колокол» (Москва), «На славянском поле» г. Мозырь Белоруссия, в журналах и альманахах Брянска. Член Союза писателей России, Международного Союза писателей и мастеров искусств, Союза писателей Союзного государства.

Л. С. Ашеко — лауреат Всероссийских литературных премий: им. Н. И. Рыленкова 2004 г., им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» 2007 г., им. А. К. Толстого «Серебряная лира» 2017 г., премии им. Николая Мельникова 2019 г., всероссийских литературных конкурсов современной прозы им. В. И. Белова 2008 г., им. В. Шукшина «Светлые души» 2012 г., всероссийского литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» 2006 г., победитель в конкурсах на форуме «Славянская лира» г. Полоцк (номинация «драматургия») 2014 г., им. К. Симонова 2019 г. в г. Могилёв (Белоруссия).

Л. С. Ашеко руководила секцией прозы областного литературного объединения при Брянской писательской организации в течение 10 лет, награждена Грамотой СП России, Благодарственным письмом Министерства культуры, медалями в честь 200-летия Тютчева, 100-летия Шолохова, «75-летия со дня освобождения Брянской области».

Скрипочка играла...

*Так мило скрипочка играла,
И так в висках стучала кровь!
Но я ещё не понимала,
Что это — первая любовь.
Я слушала — всё было мало!
И я тогда ещё не знала:
Бывает вечная любовь.*

Я обернулась на тихое «позвольте...». Прекрасная, да-да, не просто красивая или там элегантная — прекрасная женщина прошла к месту рядом со мной. Наш Малый концертный зал почти заполнился публикой, сдержанной, интеллигентной. Зазвенел третий звонок. Дама опустила в кресло и замерла с выражением ожидания на лице. Я, зная, что скоро погаснет свет, старалась незаметно рассмотреть её. Она поражала с первого взгляда особым нежным очарованием: бледное продолговатое лицо с огромными глазами, цвет которых было не уловить, глядя сбоку, но они были скорее тёмными. Изящная фигура, окутанная тёмно-зелёным шёлком платья, руки с точёными кистями... Причёска подчёркивала её классическую красоту: гладкие, почти чёрные с блеском, волосы на прямой пробор, собранные в пучок. Из украшений только массивное золотое кольцо на левой руке да маленькая золотая искра на длинной тончайшей цепочке — кулон на платье. Она как-то странно смотрела на сцену: напряжённо, взволнованно, порывисто дышала, вдруг быстро облизнула сухие губы. Мне показалось, я её когда-то знала. Когда? Откуда? В каких событиях могла встретить? Память, словно мотылёк в освещённое окно, билась в прошлое, но стекло времени было не пробить... Вдруг пришло на ум слово «ангел»... Ангелина! Да-да! Как? Эта прекрасная дама — Ангелина? Гелька Просыпина? Нагулянная дочка уборщицы Лиды? Не может быть! Начали ворочаться, словно окаменевшие, пласты мозгов,

выворачивая из глубин картины такой далёкой, совсем другой жизни... «Сколько ей лет? Кому? Да этой красавице. На вид, ну... двадцать пять. А Гельке? Она лет на пятнадцать, точно, может меня. Тогда этой уже тридцать. Может быть».

Свет начал таять, невысокая и небольшая сцена осветилась, и вышла ведущая концерта, наша любимица Арсеньева — строгая красавица с лучистым взглядом и нежной улыбкой. Она — музыковед, всегда кратко и увлекательно раскрывает тему концерта. А сегодня рассказала о гостях из северной столицы — ансамбле старинной музыки. Теперь стало понятно, почему был выбран Малый зал — концерт был камерный. Попала я сюда случайно, по билету срочно уехавшей подруги, так что была не совсем в курсе предстоящего. Я время от времени взглядывала на соседку: всё то же напряжение на лице, во всей фигуре. Пальцы сжимают крохотную золотистую сумочку, спина прямая, подбородок чуть вытянут в сторону сцены, словно внутри звучит призыв: «Ну! Ну!»

Первым появился руководитель-дирижёр. Он поклонился и, покачивая своим альтом, указывая на каждого смычком, стал представлять коллег и музыкальные инструменты, характеризуя их особенности, объявляя мастеров-изготовителей, объясняя уникальность старинных и очень ценных раритетов, произнося мало или совсем неизвестные названия. Секстет завершал скрипач, видимо, объявляемый в финале, как особо яркий исполнитель. Тут дама рядом со мной вся вспыхнула, затрепетала, подалась вперёд. Александр Лучин поклонился и повёл глазами, как мне показалось, по нашему ряду. Нет, не показалось, он явно остановил взгляд на моей соседке и снова слегка поклонился именно ей! Наконец ансамбль зазвучал.

Концерт меня потряс. Это была особенная музыка. Микрофоны отсутствовали, живые звуки — голоса неземных существ — пели, шептали, вскрикивали, сплетались в хор и взлетали вывысь... Даже такие знакомые альт и скрипка преобразились, заговорили на незнакомом языке, но о понятном и дорогом: о любви, милосердии, сострадании, верности и о буйстве горячего

веселья. Я вдруг поняла, насколько микрофон меняет восприятие голоса. А соседка... она не сводила взгляда со скрипача, и он постоянно поглядывал на неё. Как он играл! Его пальцы знали, откуда достать ту или иную ноту без всякого колебания, они летали по грифу, а рука, держащая смычок, взлетала, дирижировала настроением скрипача, скрипки и всех, кто её слышал... Музыкант, слегка пританцовывая, отбивал такт правой ногой в тонком, как перчатка, ботинке. Вся его гибкая фигура сливалась с мелодией и ритмом скрипки, голова с густой, слегка пробитой сединой шевелюрой, втискивала подбородок в щедедушное тельце инструмента. Он, поначалу выглядевший человеком лет за сорок, вдруг помолодел, стал прекрасным юношей, принцем из волшебной сказки!

И я всё вспомнила.

Институтский барак, дворик с ковром травки-муравки, огромный старый вяз в середине, лавка под ним. Вон Лида идёт, не идёт, бежит с работы. Она в институте уборщица, уже с шести утра там намыла километры полов и лестниц, туалетов и аудиторий, а теперь ждёт дочку Гелю из школы. Конец мая, заканчивается учебный год, и можно будет не так лететь домой с ещё не разогнувшейся спиной. Сейчас покормит девочку, сварит на завтра, пока та уроки поделает, и пойдут они вместе в баптистский храм, где Лида тоже уборщица. Там Ангелинка снова увидит орган, похожий на дворец из блестящих медных труб. Геля слушала орган не раз, приезжали музыканты из Москвы и были большие концерты. Всё в ней тогда замирало, и наворачивались слёзы. А сегодня мама будет готовить зал к концерту старинной музыки. Сначала старенький дядя на органе поиграет, а потом молодой коллектив выступит. Геля поможет маме, ей уже девять лет, она умеет мыть пол, но мама не разрешает, даст швабру, чтобы дочка подмела и потом собрала мусор, а ещё Ангелина протрёт влажной тряпкой лакированные скамейки. Они успели, орган отзвучал, Геля вытерла слёзы и вот...

Сейчас первое отделение концерта, представляющее народную и духовную музыку неизвестных авторов, закончилось. Во

втором будет музыка известных старинных композиторов. Я шла к выходу в фойе прямо за Ангелиной. Моя жадная писательская душа ныла от желания заговорить, приоткрыть хоть краешек завесы над отношениями Гели и скрипача, как его? А, да, Александра. Он, похоже, мой ровесник. Мы вышли в просторное фойе, я приостановилась: куда она пойдёт? Ангелина не свернула ни в одну из сторон, которые ведут в посещаемые в антракте места, она прошла к служебной двери справа, и тут же вышла оттуда с небольшим букетом. Три жёлтых розы, без упаковки, перевиты золотистой лентой и только у основания букета обернуты целлофаном. Она понесла цветы к окну, положила на подоконник, оперлась на него и стояла, глядя на улицу. Я решилась подойти. Тихо, словно боясь спугнуть, вопросительно позвала:

— Ангелина?

Она повернула лицо с удивлённо приподнятыми бровями.

— Да?

— Извините. Я рада, что не ошиблась. Мы с вами были соседками по институтскому дому. Не помните меня? Не узнаете?

Уже после первого вопроса я поняла, что не помнит. Вглядывается. Но разве можно узнать давно забытого, мало интересного в своё время человека, более чем через двадцать лет? Как увидеть в зрелой тёте девушку из детства? Она не солгала.

— Не узнаю, простите. Но, спасибо, что вы меня узнали. Так давно этого дома нет, там уже новый построен, многоэтажный. А вы...

— Из четвёртой квартиры. Моя мама с вашей много общались. Тётя Зина — не помните?

— Помню, помню! — Она повысила голос, в нём зазвенела радость. — Мама моя у вашей часто деньги занимала, всегда не хватало до зарплаты, хотя и на двух работах трудилась. Да я ведь ваши вещички донашивала. Красивые такие, подходящие. Мы обе худенькими были.

— Но это же были одёжки из сундука. Вы меня на пятнадцать лет моложе!

— Тогда так жилось... бедно, тяжело. Вы нас выручали. До сих пор помню кремовое платье в складочку с бархатным коричневым поясом. Я так его любила! Спасибо.

— Да что вы! Какая может быть благодарность? Радостно было, что такая красивая, нежная девочка могла принарядиться! А... ваша мама?

Её лицо потемнело, словно на солнышко нашла тучка. Глаза затуманились.

— Нет моей мамочки, год тому назад умерла... Так болела! Так мучилась.

— Надо же! И моей год как не стало! Но ваша много моложе была. Вы здесь, в городе, живёте? В каком районе?

Дальше я узнала, что Ангелина живёт одна в однокомнатной квартире, полученной мамой взамен снесённого жилья. После окончания музыкального колледжа (тогда ещё училища) по классу домры работает в музыкальной школе. Её ученица в прошлом году получила гран-при на международном конкурсе в Польше... Она рассказывала про себя просто, охотно, но мне хотелось узнать про другое. Я подступила к теме.

— Теперь понимаю, почему вы так внимательно и горячо слушали скрипача! Вы с ним знакомы?

— Да, как сказать... я... — она искала нужные слова, но тут прозвенел звонок, и мы двинулись за зрителями в зал.

Мне показалось, что Геля обрадовалась возможности прервать разговор. Не могла я настаивать. Досадно было, но что тут поделаешь?

Программа была выстроена так, что настроение зала становилось с каждым новым исполнением всё более вдохновенным, взволнованным. Ангелина всё так же вскользь, одними лёгкими взглядами общалась со скрипачом. Он был неподражаем! Мне порой казалось, все самые яркие краски музыки он дарил ей, зрительнице из третьего ряда. Прямо к ней летели лёгкие птицы-звуки, падали на её колени, плечи, взлетали и трепетали над головой. Чудилось, время от времени и мне доставалось пёрышко из распахнутого крыла... Я тоже смотрела на одного скрипа-

ча, видела его полное слияние с инструментом, с голосом скрипки, с её нездешними мелодиями.

Концерт окончен. Ангелина вспорхнула с места, подбежала к сцене, взлетела на неё и подарила розы Александру Лучину. Он на мгновение задержал её руки в своих и что-то сказал. Она вскинула голову, посмотрела ему в лицо и ответила. Я увидела: это было «да».

Я медлила: подвигала молнией на сумке, одёрнула платье. Геля меня нагнала, тронула за предплечье. Взглянув на неё, я поразилась выражению лица, оно было... даже трудно слово подобрать... было совсем детским, воодушевлённым, немного растерянным.

— Вы спешите?

— Нет, Ангелина, нисколько. Меня никто не ждёт.

— Тогда... может быть, посидим немного на скамейке у фонтана? Он попросил встретиться. Он... — она замолчала почти на полуслове, спазм сдавил горло.

— Я понял, о ком вы. Тогда, в антракте, вы не успели сказать, что знакомы с шарашен. Теперь понятно, знакомы.

— Не поверите, — она справилась с комом в горле, — сегодня вторая встреча с глазу на глаз, возможность поговорить.

— А первая?

— Тогда мне было девять лет. Я в своём — вашем — кремовом платье пришла с мамой на её вторую работу в баптистский храм, помогла ей сделать уборку, и мы, как всегда, остались на концерт. Помните бухгалтершу Антонину? Она так осуждала маму за то, что работает у «нехристей»! Мама всё молчала, она была верующей, православной, но работа в том храме была ей очень нужна. Ну, вот. После короткой программы органиста, вышел этот самый ансамбль старинной музыки, именно эти мужчины, а женщины другие были, пожилые. Я, когда увидела скрипача, услышала его скрипку, вдруг почувствовала, что у меня зашло сердце. Сначала затрепетало, а потом остановилось, помолчало и забило совсем по-другому. Теперь я понимаю, я влюбилась.

— В девять лет?

— Именно. Я не могла оторваться от него: от лица, музыки, от всего его облика и от каждой малой чёрточки всей фигуры. Всё во мне изменилось, перевернулось, я подумала, что сейчас умру. Разве могла я понять, что произошло? Я смотрела на него, и радость накатывала волнами, захлёстывала, мешала дышать! Я отводила на секунду взгляд, и слёзы душили меня...

Они закончили концерт, им аплодировали сдержано, так принято в храме. Мама остановилась с кем-то из служащих храма, а я выскользнула в дверь и побежала к служебному выходу. Там всегда гастролёры ставили машину — небольшой автобус. Я спряталась за куст шиповника, он буйно цвёл, и, трепеща, стала ждать. Через некоторое время мама вышла на крыльцо, огляделась, позвала меня и ушла внутрь искать своего ребёнка. Вот вышли они и они — музыканты. Переговариваясь, стали складывать инструменты в автобус. «Он уедет! Он сейчас уедет!» — отчаяние терзало меня. Я вышла из-за шиповника и встала на дороге, на его пути. Он рассеяно взглянул на меня. Не знаю, но что-то остановило его, что-то он разглядел на моём лице.

— Красавица, маленькая принцесса! Кого вы ждёте?

У меня пересохло в горле, и я почти прошептала:

— Вас.

— Нас? Вам понравился концерт? И музыка?

— Концерт... музыка... всё...

— Это замечательно. Спасибо за такой отзыв. Он непосредственный, искренний. А каково ваше имя?

— Геля. Ангелина.

— Имя прекрасное, очень вам подходящее. Ангелина. Ангел. Вы похожи на ангела. Я думаю, вы и человек добрый, если чувствуете такую музыку. Не учитесь в музыкальной школе?

— Нет, но буду, — соврала я совсем нечаянно.

— Может быть, и я вас когда-нибудь послушаю. Здесь так пахнет розами...

— Это шиповник. Вот он, — указала я на куст.

— Да, только простые розы так ароматны. А эти...

Он поднял на уровень моего лица три жёлтые розы, обёрнутые золотистой ленточкой. Я видела, ему подарила их старушка из зала. Но когда мы разговаривали, я не видела ничего, кроме его глаз.

— Не пахнут, — пролепетала я. — Но они такие красивые!

— Возьмите, прекрасный ангел. Они так идут вашему нарядному платью! До свидания, будьте счастливы.

Он вскочил на подножку, махнул мне рукой, и автобус развернулся, пофыркал немного и поехал по дороге. Я всё смотрела вслед, а потом душа моя заболела, закричала, я упала на пыльную траву газона и зарыдала в голос. Так меня нашла мама. Она испугалась, стала меня ощупывать, отряхивать, спрашивала что-то такое: «Кто обидел? Ударил? Толкнул?» Я мотала головой, повторяла «нет-нет», потом, захлёбываясь слезами, едва смогла произнести: «Уехал!» Странно, но мама поняла, что со мной. Я подняла розы и покорно пошла за мамой.

Потом я вырезала из афиши фотографию группы, потом попросилась в музыкальную школу. На скрипку меня не взяли, предложили домру... вот так. Я училась старательно, но выступать не любила. Стала педагогом. Представьте, через пять лет ансамбль снова выступал в нашем городе. Я нашла такие же розы, как те, что он мне подарил, и которые сухие и грустные стояли в моей вазе, и стоят до сих пор, и пошла на концерт. Невероятно, но он узнал меня! Я, нескладная в свои четырнадцать лет, подаю ему цветы, а он удивлённо так тихо говорит: «Спасибо, мой ангел, Ангелина!» Я и тогда вырезала фото из афиши, другое, новое. Я нашла в продаже альбом коллектива, слушала и словно живую видела его, Александра. Через четыре года они выступали в областном центре соседней области. Я смогла поехать на тот концерт, как нынешние фанатки делают. Снова розы, снова его слова... Мне восемнадцать. У девчонок только и разговоры о любви, о парнях, а я, как заколдована — никто мне не нужен. Вот мне уже двадцать три. Мама страдает за меня, мечтает, что заведу семью. Из статьи в журнале узнала многое: он женат, у него дочь Ангелина и сын Арсений. Замечательные

гастроли в стране и за рубежом, звание Заслуженного... Наверно, он давно меня забыл в своей прекрасной жизни.

В меня влюбился молодой, успешный чиновник, обеспеченный, сделал предложение... Я могла его терпеть, уважала, но не полюбила, и детей у нас нет. Мама моя заболела, я стала за ней ухаживать постоянно, муж раздражался, нанимал сиделку, но я не оставляла маму, со мной ей было легче. Муж встретил другую. Я отпустила его легко. Сама осталась в маминой квартире, без претензий. Только обручальное кольцо передела с правой руки на левую. Потом, то ли слух (сейчас столько врак в СМИ!), то ли правда, а написали, что жена Александра уехала в Германию с каким-то бизнесменом, забрала детей. Мне горько, словно предали моего родного человека! Разве можно его разлюбить? Вот, мамы нет. Этот год прошёл, как каток по душе. Я уже думала, всё, не смогу жить полноценно. Иду после занятий пешком через полгорода, смотрю: афиша. Они! Их ансамбль! Он!.. Бегу за билетом, сердце выскакивает! Он снова меня узнал!

Она замолчала, лицо пылало, глаза словно разлились на поллица. И вдруг она выпрямилась, затрепетала, встала со скамьи. Как она угадала, как почувствовал? Он вышел из дверей служебного входа, и они пошли навстречу друг другу.

Я шла на остановку, вздыхала, как переболевший страдалец. Чувства мои перемешались в горько-солёно-кисло-сладкий коктейль, но давно я не пила такого ароматного, пьянящего напитка! А тост был «за чудо любви!»

04.06.2018 г.

Похвалы

На похвалы мы все, конечно, падки,
Но, разглядев себя со стороны,
Увидишь, не настолько всё в порядке,
Несовершенства многие видны.
Я не за то, чтоб, видя недостатки,

Колоть в глаза, ехидству волю дав,
Рубить с плеча и резать правду-матку,
И удушать живое, как удав.
Доброжелательно судить и помнить,
Что человек — не ангел, не святой,
Что сам ошибками умеешь полнить
Труд, творчество, да и характер свой.
Но так бывают похвалы противны,
Так восхваленья эти нележки,
Когда на них щедры и в них активны
Невежды, пошляки и дураки!

До воскресения

Знаешь, всё уже было!
Я догадку храню,
Что Творца утомило
Видеть нашу возню.
Он сидит у камина,
Угли ищет в золе,
Но Господняя глина —
Человек на Земле —
Всё никак не смирится,
Всё решает войной!
Как Творцу не сердиться?
— Сын, очнись! Бог с тобой!
Я оставил заветы
И, с креста восходя,
Разве жертву за это
Приносил я, дитя?
Я учу тебя миру,
Я люблю, не казню,
Но не знаешь ты меру,
До которой стерплю!

Вот нашёл уголёчек —
Сила духа жива.
Слабый тот огонёчек
Поджигает дрова.
Нет, ещё не утрачен
Пыл добра и любви
Потерплю ещё, значит,
Так и быть, поживи...

День Рождества

Радостное утро
Рождества Христова!
Солнечная люстра
Год венчает новый.
Небо голубеет,
Как весной, но холод
Резче и бодрее
Наполняет город.
Зимнее веселье —
Сказочное чудо:
Нарядились ели,
Украшенья всюду:
Звёздочки, снежинки,
Шарики цветные,
Яркие картинки,
Блёстки золотые!..
День угаснет. Солнце
В полосе заката
К горизонту клонится,
Уходя на запад.
И в ночи, мигая,
Огоньки зажгутся,
Чтобы убегая,

Тут же и вернуться...
День Его рождения
Января седьмого —
Радости явление
Рождество Христово!

Тревога

Ну, что тебе надо, тревога?
Зачем ты приходишь опять?
Вот, вроде бы жизнь не убога,
И горя нет повода ждать...
Но так уж устроено счастье,
Что страшно его потерять.
Ему приходиться кончатся —
Уйдёт и уже не догнать...
Какая там доля досталась?
Живёшь и не знаешь итог.
Корыто разбитое — старость...
И горе, как море у ног,
Штормит или морщится зыбко,
Но вдруг и накроет волной!
И где эта щедрая рыбка,
В своей чешуе золотой?..

Полтавия

Рвём цепи! «Свобода и братство!» —
Вот лозунг, зовущий вперёд.
Любовь — добровольное рабство,
Когда безответна, — гнетёт.
Как опухоль: в множестве клеток
Таится убийственный яд.

Он силой брожения крепок,
Сильней алкоголя в сто крат.
И всё-таки не убивает
(Больному отравой вредит,
Но сам человек выбирает
К «спасению» путь — суицид).
Сравнение с болезнью не точно:
Кто выжил, сомнения нет,
Тому, как защита возможно,
Останется иммунитет.
Любовь не способна на это,
Она, как урок дураку,
Без смысла, без иммунитета,
Измучит не раз на веку!

Чашка чая

Чашка чая, аромат бодрящий,
Тусклый свет, а яркий и не нужен.
Одинокий, грустный, не щадящий,
Переполненный раздумьем, ужин.
Вкуса яств почти не замечая,
Совершая будни ритуала,
Только и оценишь чашку чая —
Успокоит горечью пиала.
Чай вечерний, грешный и несладкий,
Перед сном ненужный и бодрящий,
С привкусом такой же шоколадки —
Чёрной, горьковатой, настоящей,
Дар не дорогой, но дар бесценный,
Данный жизнью за труды благие,
Нет ему отмены, нет замены
Скрашивать минуты дорогие.

Так одна, надеясь и прощая,
Наслаждаюсь, — слава наслажденью!
Жизнь благодарю за чашку чая,
В светлую минуту возрожденья!

Родственность

И правда, что кровь — не водица!
Нам Богом завещана связь,
И в каждой кровинке частица
Любви, что до нас родилась.
Бывает, и ненависть вспыхнет,
И близкий предаст во вражде,
И видишь единственный выход:
Не знать, как они там и где...
Но вдруг разгорается пламя
От искры, сокрытой в крови,
И жжёт неусыпная память
В пожаре предтечи-любви.
И больше не хочется мщенья,
Нет мыслей, угольев черней,
А дух обновляет прощенье
На краешке прожитых дней...

Туманно

В обёртке липкого тумана
Кусты, деревья и дома...
Так неуверенно, обманно
Царит бесснежная зима.
Не та, заботливая мама,
Что, пусть сурова и строга,
Но даст закалку и упрямо

Весь мир укутает в снега.
Нет, разленилась, что ли, эта?
Пустынно, пасмурно кругом,
Земля бессовестно раздета,
Лежит под небом голяком...
И город, словно неухожен,
В грязи размокшей, в серой мгле.
Моей судьбы зима похожа
На эту зиму на земле.
Как в атмосфере из тумана,
Жду разрешения проблем.
Не холодно, но зябко. Странно:
Зима проходит между тем...

Солнышко

Солнце! Настоящая весна!..
Нет, теплом природа не обманет:
Даже первоцветы ото сна
Не восстали. Вновь мороз нагрянет.
Солнечный денёк, но в январе,
Чтоб помыть, не распахнёшь окошек.
А вчера под клёном во дворе
Танцевала стайка глупых мошек.
Вот они, пустой, безмозглый род,
Обольщённые теплом и лаской,
Понадеялись: весна идёт,
И встречать пустились без опаски!
Но весна придёт в свой день и час,
Не наступит на подол товарки,
У зимы припрятаны для нас
Настоящих зимних дней подарки:
Будет холод, затрещит мороз,
Прилетят пороши и метели...

Но сегодня радостно до слёз:
Обласкали, солнышком согрели!
Как бы ни был к нам Создатель строг,
А подаст надежду в испытанье.
Солнышко, земной природы бог —
Радости и счастья обещанье!

Ген предчувствия

Откуда знает лук, что прорасти пора?
Наклюнулся зелёным опереньем.
Расти! И он от ночи до утра
Пролез сквозь шелуху к лучам весенним.
Весь мир земной одним предчувствием живёт,
Что неизменно новый день настанет.
Любой из нас добра и мира ждёт
Хоть от рожденья знает: в вечность канет.
Но в нас заложен ген предчувствия любви,
Дарованной, как торная дорога.
Живи! И жизни зов душой лови,
И доверяйся милосердью Бога.

Жизнь без счастья

Да, что и говорить, живут без счастья люди,
И без любви живут, в тюрьме и в нищете,
Живут, когда уже не верят: лучше будет...
Не верят и в того, кто — жертва на кресте.
Одни из них живут, как клетки организма,
Таящие в себе смертельную чуму,
Другие мучаются, тянут лямку жизни,
Ненужные себе, родным и... никому.

Да, счастье не дано в награду от рожденья,
Нет меры на земле дарам небесных сил.
Оно — то длинный путь, то краткое мгновенье,
Но кто его познал, тот не напрасно жил!

Зимнее время

Морозный ветер мне румянит щёки.
Люблю наждак холодных жгучих ласк.
Всему свой час и качество, и сроки:
Зима до марта не покинет нас.
И жизнь до самой смерти не покинет,
Смешно, но верно. Что ещё сказать?
А сколько лет и зим придёт и минет,
Спасибо, не дано предугадать.
Брожу, глотаю свежий вкус мороза,
Стою, вдыхая аромат зимы!
Кружу, и высекает ветер слёзы,
Но и от счастья часто плачем мы!

У тебя

Понимаешь, мне уже не верится,
Что поможешь жить мне, не скорбя.
У меня за всё в ответе сердце,
И за всё болит.

А у тебя?

Мне ещё надёжной дружбы хочется:
Не умею жить я не любя.
У меня одно спасенье — творчество,
В нём на всё ответ.

А у тебя?

Я людей люблю. Для них в искусстве я
Не жалею сил, покой губя.
Все слова исполнены сочувствия,
В них зерно добра.

А у тебя?

Может быть, тебя напрасно спрашивать,
Отпустить, все связи разрубя?
Для чего руины чувства скрашивать?
В них надежды нет.

А у тебя?

За рулём

Казалось бы, совсем недавно было:
За всех своих, за всё в ответе — я,
И по дороге жизненной рулила,
А пассажиры вы — моя семья.
Теперь сама в своём уединении
Живу, но приезжаю погостить,
Устраиваюсь сзади на сидении,
И не дают мне больше порулить.
Дочь наш шофёр. Она не белоручка,
Дороги знает в городе своём.
Но, боже мой! Сажусь в машину — внучка,
Водитель малолетний за рулём!
Легли спокойно на «баранку» руки,
Включила зажигание, и вот,
По правилам преподанной науки,
Не трусит, не торопится — везёт.
Да, у меня в душе волнение было,
И мысль таилась в пролитой слезе,
Что всё: своё я место уступила
В движении по жизненной стезе.

Но нет, себя не жаль! И радость брезжит,
И гордость разливается в груди:
Ведь держится за руль моя надежда,
А это значит — счастье впереди!

Моя палитра

Наверно, тяжёлое время пришло
Под скверным названием «старость».
Одно хорошо: в нём растаяло зло,
А добрая память осталась.
Она, как палитра, где много цветов,
Но чёрного капнуть забыли,
Она, как художник, рисует любовь
Ко всем, кто в судьбе моей были.
Нет, чёрную краску я не извела,
Она червячком выползает
Из тюбика. В жизни обыденной зла
И в мире, и рядом хватает...
Зачинщиков бед не исправить уже —
Война вся черна, как ни красьте!
Но я о своей, извините, душе,
Изжившей пороки и страсти.
Мне радость дана доживать без долгов,
Без гнёта богатства земного,
Как птица, живу и пою про любовь,
И счастья не знаю иного.

В боренье

Была судьба, как на ладони,
Но клином врезался обман.
Поверила, себя не помня,
Не ощущая боли ран.

И, словно бы в анабиозе,
Ждала, что не оставит Бог,
Как партизанка на морозе,
Шла босиком, не чуя ног.
Не береглась, вступила в битву,
Добро и жертвенность цenia,
Надеясь только на молитву
И веря, Бог спасёт меня!
Но жизнь текла, слагаясь в будни,
Гроша за жертвы не платя,
Вокруг не ангелы, а люди,
И каждый — грешное дитя.
Да и сама... Своё бессилье
Не удавалось побороть:
Никак не выростали крылья,
И дух уродовала плоть.
Надежда в клетке жизни билась,
За правду принимая ложь.
Зачем я о любви молилась?!
...А всё — молитву не вернёшь.

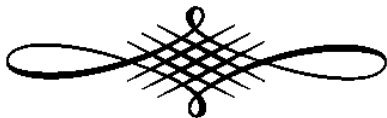
Нежданный гость

Возникло впечатление весомое,
Что мне дана божественная власть:
Мне в комнате явилось насекомое,
Древесный клоп — нежданная напасть!
А по натуре я сентиментальная,
Жалею малость всякую до слёз,
Убить? Да ни за что! Мысль изначальная:
В окно его отправить, на мороз.
В горшках цветочных прятался, проказник,
На листьях находил чего поесть.
Нет, не могу свершить жестокой казни!

Он не кусачий — оправданье есть.
Живёт — он мало места занимает,
Над лампочкой кружит, как вертолёт,
За лето, видно, зиму принимает –
Жужжит, наверно, песню мне поёт.

Свет души

Светись, моя душа, прозрачная насквозь,
Не допускай в себя ни пошлости, ни грязи.
Я научилась жить, смиряя гнев и злость,
Не допуская фальшь в дела, слова и фразы.
Мне правда дорога, и помыслы чисты,
Меня влекут духовные вершины,
Всё больше мир ценю добра и красоты,
В котором нахожу для радости причины.
Светись, свети, душа! На верный твой маяк
Придут искатели взаимопонимания.
Свет, он укажет путь, рассеивая мрак,
А близость душ — защита от страдания.

Валентина БАРАНОВА

Баранова Валентина Лазаревна родилась в деревне Старый Дедин Климовичского района Могилёвской области (Беларусь). Там же окончила среднюю школу, затем Рославльское медицинское училище. Работала на фельдшерско-акушерских пунктах, а в последующие годы (до выхода на пенсию) медсестрой в Жуковской ЦРБ. Живёт в п. Гостиловка Жуковского района. Автор сборников прозы и поэзии: «Святой источник» (2008), «Сердцу милый край» (2009), «Свет далёкой звезды» (2010), «Живая вода» (2015), «Далёкое и близкое» (2018). Участник Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Весна 2019 года

Где-то потопы, где-то разливы,
Где-то совсем без ручьёв.
Лес разыгрался под солнцем игриво
Снова под трель соловьёв.

Так нестерпима весной природа:
Сразу ей всё подавай!
Бурным потоком летит на свободу,
Рвётся река через край.

Кто остановит в движенье стихию?
Неукротим её нрав.
Чем завершится зимы тирания?
Зеленью новых дубрав.

В.А. Крисановой

Вас с детства муза посетила,
В судьбе оставив добрый след,
Талантом щедро наградила,
Счастливый подарив билет.

И даже годы не сумели
Вас хоть немного изменить:
Идти вперед к заветной цели,
Чтоб продолжать писать, творить.

И в небесах звезда поэта
Вам ярко светит в жизни пусть.
Красивой строчкою воспета
В стихах крисановская грусть.

Сыну Владимиру

Я так люблю тебя, мой сын,
И помню каждый твой успех,
Все неудачи... Мне не грех
Признаться в том, что вижу сны.

Вот ты бежишь навстречу мне,
Раскинув руки — два крыла,
Поверь, я счастлива была
В далёком том прекрасном сне.

Ты возмужал и преуспел,
Стал настоящий джентльмен.
Приходит время перемен —
Оно твоё, как ты хотел.

О, как сильна моя любовь!
Крепка, надёжна, как гранит,
Она основа всех основ...
Тобой горжусь, родная кровь!

И вновь судьба благоволит...
Будь счастлив и на всё готов!
Скажу, как мать, без лишних слов:
Пускай Господь тебя хранит!

Сын России

Деревня Туреевка Дубровского района Брянской области — одна из многих, ставших жертвой перестройки конца прошлого века.

12 июля 1947 года в этом населённом пункте в большой крестьянской семье родился незаурядный, талантливый человек — Леонид Петухов. Его отец — Павел Матвеевич — из потомственных землепашцев. После Великой Отечественной войны, вернувшись с многочисленными ранениями и правительственными наградами, он взялся за восстановление колхоза, став его председателем.

Мать, несмотря на многочисленное семейство, работала в колхозе и вела домашнее хозяйство. С малолетства дети трудились наравне со взрослыми в меру своих сил. Маленький Лёня уже с трёх лет присматривал за сестрёнкой, в семь лет помогал деду при вспашке поля, водил лошадь по меже, отгонял оводов, а в более старшем возрасте ходил в лес за ягодами, рыбачил на пещерей, в ночном сторожил лошадей.

Позже Леонид Павлович в своих стихах напишет, как он счастлив, что родился и вырос в русской деревне, что видел рассветы и закаты, туманы и росы; слушал, как колышется рожь от дуновения ветерка; видел, как поднимается после дождя над по-

лем радуга. Возможно, поэтому у него еще в детстве проявился талант к рифмованию строк, написанию стихов. Он часто употреблял меткие выражения по отношению к своим друзьям и односельчанам, за что неоднократно получал тумаков.

Закончив школу, он получил педагогическое образование и некоторое время работал в местной школе. Позднее поступил в Рязанское военное училище. Служил в различных горячих точках. Воевал в Афганистане, Чечне, служил на Дальнем Востоке. Закончил военно-политическую Академию Генерального штаба. Работал в руководящих структурах СССР, СНГ и России. Генерал-майор запаса.

Издal несколько книг стихов. Член Союза писателей России.

И всё это время, где бы ни служил, где бы ни воевал, он был неразрывно связан со своей малой Родиной. Всегда приезжал к родным и видел, как постепенно к лучшему менялась жизнь в родном колхозе. На смену ручному труду пришли машины: сеялки, веялки, комбайны, трактора. Строились новые объекты: детсад, магазины, склады, комбинат бытового обслуживания; дороги с асфальтовым покрытием. Душа радовалась таким переменам.

Но началась перестройка. Всё постепенно приходило в упадок и забвение. Сельский труд оказался не востребован. Люди села вынуждены были искать работу на стороне, уезжать из колхоза на заработки.

Нераспаханные поля пустели, зарастали бурьяном и лесом. Там, где когда-то собирали урожай с полей, в выросшем лесу стали находить грибы и ягоды. Деревня умирала. Сердце Петухова щемило от горечи и обиды. Умерли отец и мать, братья и сестры разъехались по городам и весям, но он по-прежнему приезжал в село, его неудержимо тянуло посмотреть на места детства и юности.

Неугомонный Леонид Павлович на свои сбережения и с помощью верных друзей построил церковь для того, чтобы люди приходили сюда помолиться и помянуть родителей и родных, послушать колокольный звон, будивший тишину родного уголка.

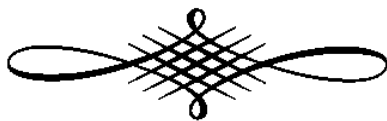
ка. Батюшка из недалеко расположенной Голубеи регулярно по праздникам и в воскресные дни проводит службу в церкви.

Памятник своей деревне отставной генерал построил с такой надписью:

*Родниковый ручей, семь десятков семей,
Шум березовый каждому дому
Жить добром и работать тут каждый умел
И она не могла по-иному.
После войн и разрух, как и все на Руси,
Воскресала из грязи и пепла.
И служила источником праведных сил
Для страны, что под бедами крепла.
Но не стало деревни — державной брони,
Об утраченном сердце болеет.
Грустно память хранит придорожный гранит
Да бездомных деревьев аллея.*

Вот уже несколько лет подряд сюда собираются бывшие жители села, гости из городов Смоленской и Орловской областей. Они читают стихи, поют песни. Это своеобразный уголок поэзии и память по умершим деревням Дубровского района. Школьники подготовили стенды с названием каждой деревни с подробным описанием: сколько осталось жителей и где они сейчас проживают, как раньше жили и работали, веселились вместе по праздникам.

Пусть сама жизнь Леонида Павловича служит примером любви к Родине, патриотизму — не показному, а искреннему и настоящему.

Галина БАРАНОВА

Баранова Галина Александровна родилась 20 мая 1955 года в селе Вороново Осташковского района Калининской области в двух километрах от истока великой русской реки Волги. Окончила Верхневолжскую восьмилетнюю школу, затем совхоз-техникум министерства сельского хозяйства РСФСР в городе Бологое. Работала зоотехником-селекционером, дояркой в колхозе «Родина» Жуковского района Брянской области.

Ветеран труда Брянской области. Выйдя на пенсию, переехала в город Жуковка.

С юности увлекается поэзией. Автор поэтических книг: «Уречки Безымянки», «Души нетленные истоки», «Зима-чаровница».

Публиковалась в различных Всероссийских, областных и районных поэтических сборниках. В 2011 году награждена дипломом Гран-При за участие в областном конкурсе «Любовью мир преобразжай», дипломом второй степени в год Российской истории председателем жюри Народной артисткой РСФСР М.Гавриловой за участие в цикле «Скажи-ка дядя...» (2012 год), дипломом за 2 место районного литературного конкурса «Мой мир неповторимы» (2012 год).

Дипломант национальной литературной премии «Поэт года» (2013 год). Дипломант 1 степени областного конкурса «Это наша с тобой биография», посвящённого семидесятилетию освобождения Брянской области от фашистских захватчиков (2013 год).

Полуфиналист 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016 год). Дипломант литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2017 год). Награждена Почётным знаком призёра Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2017 год), дипломом «Победителя» за 3 место в честь двухсотлетия А.К. Толстого «Свенской ярмарки-2017». Дипломант второй степени межрегионального конкурса, посвящённого году экологии «Цвети, Земля!» (2017 год). Дипломант областного конкурса «Серебряная лира» за авторское признание

в любви к родному краю (2018 год). Лауреат второй степени областного конкурса «Великая сила — могучая Русь» за авторское произведение (2018 год). Награждена дипломом за 1-е место в районном фестивале-конкурсе «Прожил немало, но басню ценю» за авторскую басню «У разбитого корыта» (2019 год). Член Российского Союза писателей. Публикуется на сайте «Стихи.Ру» под псевдонимом «Волжанка-2». Участник Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Миротворица-Россия

Мир творить призвал Мессия,
И нарёк он с высоты,
Чтоб посеяла Россия
Всюду зёрна доброты.

И она дорогой трудной
Миротворицей идёт.
Василисою Премудрой
К единению ведёт.

Ей в кокошник самоцветы
Подарил мороз зимой,
А наряд из красок лета
Сшит природою самой.

Сила есть в походке плавной,
Войнам нет. Окончен пир.
Светлой верой православной
Возрождает в мире мир.

С главной миссией голубкой
Рвётся в высь, не удержать,

И в её натуре хрупкой
Воля, правда есть и стать.

С каждым годом зло спесивей,
Его сложно отвести.
Помоги, Господь, России
Ношу важную нести.

Песнопение Бояново

Нет, не ветра дуновение
Прикасается к нам заново,
А поэта вдохновение,
Да под гусли под Бояновы.

Эта песнь взлетает птицею
И творением художников,
Из истории страницею
Или звонким, летним дождиком.

Долгим эхом, быстрой мыссию
Мчит по округу по брянскому.
Так Боян стремится мыслью
К единению славянскому.

Вся душа в ту песню вложена,
Глубина в ней есть былинная.
Да любовь к Руси умножена
С верой в доблесть соколиную.

По дубравам и по вереску
Слышна песня соловьиная,
То Боян поёт, внук Велеса —
Божества древнебылинного.

*(мысль — белка)

С Днём рождения, Жуковка

Солнце раннее купол целует,
Колокольный разносится звон.
Голубиная стая танцует.
Расцветает зарёй небосклон.

Слышишь, радость в округе витает
И бушует людскою волной?
Это Жуковка праздник справляет.
С Днём рождения, город родной!

Вот толпа разлилась, словно море.
Здесь веселье — раздолье души!
Много выставок разных, подворий,
И концерты всегда хороши.

Изумрудную зелень ласкает
Осень ранняя жёлтой рукой.
Наша Жуковка праздник справляет,
Звонко песня звучит над рекой.

Настроение дарят певуны,
Хор знакомый поёт много лет,
И пестрит разноцветной петунией
Символ города — велосипед.

Здесь немало прошло дней рождения,
Ярко скверы и парки цветут.
И во славу побед и свершений,
Мирным залпом стартует салют.

Двое

Часто вижу: мимо окон,
Возле красочных витрин
Двое, в старости глубокой,
Ходят с сумкой в магазин.

Всё далече: дети, внуки,
А они вдвоём пока...
Крепкой сцепкой держат руки.
Так всю жизнь, в руке — рука.

Мне однажды рассказали,
Будто бывшего бомжа
Эта дама на вокзале
Забрала себе в мужья.

Их судили и рядили —
Чьё-то счастье застит глаз.
Всё с любовью пережили
И в любви живут сейчас.

А завистники? Ну, что же,
Ведь у них своя стезя.
Все под оком ходим Божьим.
Осуждать других нельзя.

Отпусти любовь

Ах, как мне хочется любить!
Я от тоски такой волчицей вою.
Хочу летать! Хочу парить!
Но ты унёс любовь мою с собою.

Иду к тебе в слезах, как будто в дождь,
К могиле, по ромашковому полю.
Я знаю: ты не встретишь, не придёшь,
Так отпусти любовь мою на волю.

Счастливой жизнью без неё не жить.
Всю радость гасит горечи удушие.
Ведь без любви я не могу любить,
Я без неё в плену у равнодушья.

Ты отпусти, пожалуйста, любовь.
Ей холодно, твой мрак её погубит.
Освободи от уз и от оков,
И, может быть, она ещё полюбит.

Нынче празднуем Сороки

С крыш сосульки зазвенели.
Слышно треньканье синиц,
На рябину возле ели
Опустилась стая птиц.

Пурпур красит неба полог.
Свет янтарный вездесущ.
Птах считаю: ровно сорок
Севастийских, будто душ.

Грудки алые пылают,
Словно кровью запеклись.
Ищут семечки, щелкают,
Значит, всё-таки спаслись!

В пенье птичьем слышат люди
Голос Бога и Отца:

«Тот спасён, со мною будет,
Кто претерпит до конца».

А весна торопит сроки.
Талый снег бежит ручьём.
Нынче празднуем СорОки —
«Жаворонков»* напечём!

* Жаворонок — печенье в виде птицы.

Поздняя осень

Плачут окна, что поздняя осень.
Видно, лета прошедшего жаль.
Снова вижу, как бродят меж сосен,
В сером капоре грусть и печаль.

Незаметно прозрачную тенью
В мокром городе ищут уют,
И наводят сон запахи тленья,
И дождливые струны поют.

Терпкий привкус и горький, и сладкий.
Вспоминаю я, друг мой, о том,
Как по листьям шуршащим, украдкой
Мы гуляли с тобой под зонтом.

Не беда, что порой одиноко
Поздней осенью чаще грущу.
Пусть проходит печаль мимо окон,
На крыльцо я её не пущу.

Отгуляла осень, откружила

Предвещают ранние морозы,
Холода отнюдь недалеко
И в багрянец солнечный берёзы
Сыплют золотые пятаки.

Королева осень на «Пречистой»
Надевала бархат дорогой.
А теперь янтарное монисто
Захрустело льдинкой под ногой.

Отгуляла осень, откружила,
Уходить пришёл её черёд.
Кисеёю белой запуржило,
И зима хозяйкою идёт.

У неё совсем другие вкусы,
Натуральной шубы белый цвет.
Нарядится в кружево и бусы
И затмит предшественницы след.

Предложив галантно даме место,
День предзимний восхищённо стих.
Позабыв про рыжую невесту,
Выбрал белокурую жених.

Я с возрастом в гармонии живу

Гоню из дома прочь печаль и грусть
И дорого мне каждое мгновение.
Пойду, шикаю, шоппингом займусь,
И подниму плохое настроение.

Без повода, но всё же наряжусь.
Жаль, не блещу ни возрастом, ни статью.
Да просто я по городу пройдусь,
«Выгуливая» новенькое платье.

Любви моей ушедшей узел туг,
А новой просто неоткуда взяться.
Напрасно ждёт признаний давний друг,
Мне нравится с ним просто прогуляться.

Вот фото-сессий движется черёд,
Пред камерой кокетливо позирую.
А возрасту со мной всегда везёт,
И я ему весьма симпатизирую.

В подушку от обиды не реву
И обожаю розы и бегонии.
...Я с возрастом в гармонии живу,
В духовной и физической гармонии.

В утро январское

В утро январское, утро студёное
Иней украсил порог.
Миру явилось счастье бездонное —
Сына послал к людям Бог!

И загорелась звезда полуночная,
Вдруг воссияв в небесах.
Где Божья Матерь грехом непорочная
Спаса качала в яслях.

Словно ребёнка обыкновенного,
Дева рождала в мороз

Бога — младенца к скорби смиренного,
И просветил мир Христос.

Дабы познали досель неизвестное —
Истину праведных слов.
Двери открылись в царство небесное,
Где торжествует любовь!

Таблетка

Вот уже и осень у порога
Занимает срока череду.
Я в неё не сирой и убогой,
Лучезарной женщиной войду.

Нет у жизни возрасту попятной,
Абсолютных правил и мерил.
Мне сегодня дедушка приятный
Тихо комплименты говорил.

Он женат, но в этом что плохого?
И не нужно сплетни собирать!
Кавалера не ищу чужого,
У жены не буду отбивать.

Мой сосед, а вы вольны не верить,
Отчебучить лучшего не мог:
Вдруг сорвал и подарил у двери
Мною же посаженный цветок.

А весной сиреневую ветку
Вдруг протянут просто, без причин.
Принимаю будто бы таблетку —
Для души таблетку от мужчин.

Хмурая погода

Дождь стучит по стёклам
И щекочет нервы,
Вешает на блёклом
Тусклые шедевры.

И снуёт на кроснах
Тучи-одеяла.
Где-то в хмурых соснах
Солнышко застряло.

Снег мешает с глиной,
Обморозив пальцы,
Пишет дождь картины
На сыром асфальте.

Я плыву по лужам,
Словно старый катер.
Одолела стужа,
Портится характер.

Вижу у кормушки
Ссора назревает:
Серая кукушка
Воробьёв гоняет.

Всё, как у народа —
Сильный обижает.
Хмурая погода
Очень раздражает.

Вячеслав БЕРЗИН

Берзин Вячеслав Петрович родился в 1952 году в г. Кирсанов Тамбовской области. Окончил среднюю школу № 8 г. Великие Луки Псковской области, позднее Смоленский государственный медицинский институт. Живёт в Жуковке. Работает в Жуковской межрайонной больнице Брянской области, заведует травматологическим отделением. Поэт и прозаик. Член Союза

писателей России, международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России. Руководит Жуковским районным литературным объединением «Стожары». Автор поэтического сборника «Бесконечность» (2010), сборника рассказов «Новеллы дождя» (2015), повести «Стройотряд» (2016), прозаического сборника «Что будет, то будет» (2018). Финалист литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2018). Обладатель поощрительного приза литературного конкурса «Степные всполохи» (2018, Ростов-на-Дону). Стихи и рассказы печатались в альманахах «Литературный Брянск» и «На крыльях Пегаса (Тула, 2018).

Ася

Она умирала медленно и мучительно. Болезнь каждый день забирала кусочек тела, отчего Ася постепенно превращалась в истощённую маленькую женщину с жёлто-землистым лицом. Тем не менее, по утрам, тяжело переставляя ноги, шла в ванную. Сегодня стоять было трудно, поэтому она присела на край ванны и после умывания стала у зеркала наносить тени на веки, че-

го давно не делала. Захотелось себе понравиться. Разглядывая впавшие щёки и заострившийся нос, Ася понимала, что жить осталось немного.

Пройдя облечение, она отказалась от химиотерапии.

— Зачем? — спрашивала она мужа. — Затягивать мучения, зная, что метастазы уже и в лёгких, и в печени? Не хочу. Скорее бы всё это закончилось!

Аппетита не было совсем. Пытаясь угодить Артёму, который старался разнообразить рацион, Ася съела несколько ложек и, извиняясь одними глазами, вышла из-за стола.

Супруг не обижался. В душе была одна только жалость. Страшно смотреть, как любимая женщина превращается в ходячую мумию. Он неумело делал обезболивающие уколы, стремясь хоть чем-то помочь. Сидя у кровати задремавшей Аси, вспоминал, как они познакомились.

* * *

...В тот день он ушёл в «самоволку» и старался не попадаться на глаза патрулю. Посетив кинотеатр и наевшись мороженого, торопливо шагал окольными путями в сторону воинской части. Вдруг прямо перед ним девушка подвернула ногу и, охнув, присела на тротуар. Застонав, она схватилась за щиколотку. Артём быстро приблизился и спросил:

— Вам помочь?

— Да, если не трудно. Мой дом рядом, за углом.

Парень подхватил её на руки.

— Как Вас зовут?

— Ася.

— А я Артём. Не волнуйтесь, сейчас доставлю в целости и сохранности.

Потом они пили чай. Опоздав на вечернее построение, солдат попал на гауптвахту, где очень скучал по девушке. А она ежедневно ждала его и бежала к двери при каждом звонке. Это была любовь с первого взгляда.

Наконец, долгожданная встреча состоялась. Все увольнительные они теперь проводили вместе.

— Совсем забыл друзей, — подтрунивали пацаны из взвода, направляясь гурьбой в сторону городского парка.

Затем был «дембель» и вскоре свадьба. Родились близнецы — мальчик и девочка. Дом наполнился счастьем. Артём во всём помогал жене: пеленал младенцев, купал их в ванночке, укладывал спать, хозяйничал по дому.

Дети подросли. Окончив школу, обзавелись семьями. Дочь уехала жить к мужу в Швецию, а сын осел на Дальнем Востоке. Родителей навещали редко.

Жизнь была ровной, практически без эксцессов. После того, как «птенцы вылетели из гнезда», первые годы супруги ездили отдыхать на море. Потом всё приелось. Однообразие опостылело. Наверно, это и сгубило семейный ковчег. Артём «загулял» с бывшей коллегой Тамарой. Ася, на удивление, спокойно восприняла известие. Только спросила:

— Ты хорошо подумал?

Молча, смотрела, как муж собирает вещи. Попрощалась кивком головы.

Он потом и сам не мог понять, на что надеялся? Мужуку за пятьдесят, Тамаре неполных тридцать. Жили на квартире её тётки, которая недавно умерла. Всё складывалось вроде бы неплохо, пока Артём не потерял работу. Фирма развалилась, и всех сотрудников уволили. Вот тут-то и проявилась вся сущность сожительницы. Терпела она недолго. Когда благоверный отказался купить дорогую шубу, Тамара выставила любовника за дверь.

Сначала скитался по друзьям. Летом жил на даче. А зимой пришёл мириться.

Ася встретила на пороге, дальше не пустила. Только спросила:

— Нагулялся?

— Прости, мать. Бес попутал.

— Может, не бес виноват, а ты сам?

Она хотела ещё язвительно что-нибудь спросить, но Артём стоял такой понурый, как нашкодивший кот. Ася разглядела по-

ношенную куртку не по сезону, затёртую шапку. И куда делся прежний лоск? Что-то в женской душе зашевелилось. И почему-то так жалко стало его, что она махнула рукой и, открыв настежь дверь, пригласила:

— Заходи, Казанова.

Отношения складывались тяжело. Вроде бы жили под одной крышей, но прежнего доверия не было. Вместе сидели за столом, смотрели телевизор, но разговаривали мало. Всё шло к окончательному расставанию, но тут Артём заболел. «Скорая помощь» увезла его в хирургию с панкреатитом. Тяжёлая операция, капельницы, перевязки, уколы — словно кадры плохого фильма. Лечащий врач не исключал фатального исхода, но не старый ещё организм справился с бедой.

Ася выхаживала мужа, как могла: готовила пищу на пару, протирала на ситечке, кормила с ложки.

Выздоровев, Артём сказал:

— Ты мой ангел-спаситель. Мы теперь навсегда вместе. Если с тобой что-то случится, мне не жить.

— Тёма, не говори глупости. Живи долго и счастливо.

Когда у Аси обнаружили рак, доктор об этом сообщил прямо, без обиняков.

— Сколько мне осталось?

— Этого я не могу сказать. На всё воля божья. У кого-то болезнь течёт год-два, у других счёт идёт на месяцы.

Ася закончила неотложные дела: сдала документы на работе, написала завещание, перевела деньги с банковского счёта на карточку мужа.

Пока силы не покинули её, они каждый день гуляли, взявшись за руки. Далеко не юные люди исходили все дорожки в парке, на набережной, центральные и окраинные улицы. Потом она совсем ослабела и в последние недели уже не выходила из дома. Только иногда стояла у окна, задумчиво глядя вдаль.

Знакомые предлагали Артёму:

— Отправь жену в хоспис. Там хорошие условия для онкологических больных: обезболят во время, перестеляют постель, психолог на месте, священник приходит.

На что он отвечал:

— Я сам справлюсь.

* * *

Артём, сидя на краю кровати, держал жену за руку. Она лежала в забытьи. Болезнь ещё сильнее изменила лицо, и в нём с трудом угадывались прежние черты любимой. На иссохшей кисти синими жгутами проступали вены. Он нежно гладил шершавую кожу, целовал ладони. «Пальчики, мои пальчики. Что же вы стали такими тонкими?»

Ася зашевелилась. Внезапно она открыла глаза и с трудом сказала:

— Сегодня я умру... Не перебивай! Я это чувствую... Ни о чём не жалею... Плохо только, что родила всего двоих детей... Надо было больше.

Она улыбнулась, глубоко вздохнула и так, с улыбкой на устах, затихла.

Хоронили через день. Приехали дети. Пришли родственники, соседи и сослуживцы Аси. Оркестр играл траурный марш, вышибая из глаз горькие слёзы.

На поминках дочь предложила:

— Пап, может, к нам переберёшься?

— Куда мне за границу? Тут как-то привычнее.

— Может, ко мне? — обняв за плечи, спросил сын.

— Нет, я буду возле матери.

Дети уехали. В квартире стало пусто и тоскливо. Всё вокруг напоминало об Асе: фотографии, вещи, какие-то мелкие безделушки. «Эту статуэтку я ей привёз из Кисловодска. А вазу она приобрела в Ленинграде. Картину с ромашками покупали вместе. На годовщину свадьбы».

И до того Артёма овладела безысходность от потери, что он тихо заскулил, кусая кулак. Остановился, только заметив выступившую кровь. Вспомнил, как когда-то сказал Асе: «Если с тобой что-то случится, мне не жить». Посидел на подоконнике. Встал. Походил по квартире. Отомкнул сейф, достал охотничье ружьё. Присел на диван. Тупо уставился в потолок, закинув под затылок руки. Резко поднялся, написал на большом листе: «По-другому не могу». Сел на стул, поставил на пол ружьё, упёрся стволом в подбородок. Взглянув на фотографию жены, прошептал: «Прости!» И положил палец на курок...

Телефонный звонок в тишине — словно утренний будильник для спящего человека. Артём отбросил двустволку, откинулся на спинку стула и застыл, стуча зубами. Телефон продолжал дребезжать. Схватил дрожащей рукой трубку:

— Алло!

— Деда, мы скучаем! Приезжай скорее к нам. Ждём с папой и мамой!

Голос внучки лился, а он, вытирая ладонью пот со лба, словно возвращался из далёкого путешествия — оттуда, где находится граница между реальностью и полным забвением...

Счастье

Булат торопился вернуться в часть до комендантского часа. Война хоть и закончилась два года назад, но всё равно было как-то беспокойно: чужая страна, чужие люди, косо поглядывающие на солдат с Востока. Не секрет, что и неприятности случались. Вон, вчера в Берлине патрульная машина подорвалась ночью на дороге. Сколько раз ездили привычным маршрутом, а тут на тебе... Что это, как не диверсия? А тремя днями раньше рядом с их авиабазой солдатика зарезали. Говорят, что местный бюргер свою фрау к нему приревновал. Как бы там ни было, а парня не вернёшь. И это после Победы. Обидно! Дома, поди, мать ждёт...

Их воинская часть располагалась недалеко от столицы Германии, в Рангсдорфе. Когда-то тут был фашистский аэродром. Казармы, конечно, местами пострадали после бомбёжек, а взлётно-посадочная полоса почти полностью сохранилась. Говорят, отсюда планировали эвакуировать Гитлера. Правда это или нет, кто же теперь расскажет?

Добравшись до КПП, Булат козырнул дежурному офицеру и зашагал по аллее. Стряхнув грязь с сапог на крыльце дома офицерского состава, он прошёл в свою комнату. Скромное помещение с крашенными в зелёный цвет стенами; три кровати, застеленные байковыми одеялами; тумбочки, платяной шкаф с зеркалом. Никаких излишеств. «Иван с Сергеем, наверно, курят после ужина на улице. Хорошо, что Аня меня покормила. Всё равно бы не успел».

Не снимая сапог, Булат прилёт на постель, закинул руки под голову и потянулся. «Господи, как хорошо, что у меня есть Аннушка!»

Они познакомились в штабе, куда Булат зашёл по служебным делам. Он сразу обратил внимание на миловидную телеграфистку, которая ловко работала на ключе. Коротко стриженная кареглазая девушка едва уловимыми движениями быстро посылала сообщение невидимому респонденту и, при этом, успевала рассматривать вошедших военнослужащих. На Булата невозможно было не заглядеться: скуластый смуглолицый татарин при небольшом росте был складно сложен, передвигался мягко с кошачьей грацией, а добрая улыбка располагала к себе. Посторонние люди даже не догадывались, что за его плечами больше сотни боевых вылетов, пару десятков сбитых вражеских самолётов, три ранения и что, вообще, он парень бесшабашный и смелый.

— Девушка, начштаба у себя?

— Нет, отлучился. Обещал вернуться через полчаса. Будете ждать, капитан?

— Придётся.

Он присел на гнутый венский стул и взял со стола затёртую газету. Делая вид, что внимательно читает, сам незаметно поглядывал на незнакомку. Не выдержав, спросил:

— Рука не устаёт?

— Дело привычки. За годы службы освоилась.

— Давно в армии?

— С сорок третьего. Как закончилась оккупация, так и записалась на курсы телеграфистов.

— Чего дома не сиделось?

— Дома нет. Разбомбили. Вместе с матерью и сёстрами.

— Простите, я не знал.

— Ничего, к сожалению, свыклась.

— Как Вас зовут?

— Аня. А Вас?

— Булат.

— Какое необычное имя...

— Ничего особенного. У нас, в Татарии, распространённое.

В следующий раз Булат намеренно нашёл повод, чтобы пойти в штаб. Аня сидела на прежнем месте. На столе высились кипа бумаг.

— Много работы? — спросил сочувствующе.

— Не то слово, — вздохнув, кивнула она.

— Свободное время хоть бывает?

— Почти нет.

— Сегодня вечером в клубе будут показывать «Небесного тихохода». Я Вас приглашаю.

— Во сколько?

— По-моему, в семь часов.

— Хорошо, я к этому времени освобожусь.

Клуб, конечно, клубом был с натяжкой. Полуразрушенное здание немного подремонтировали, поставили внутри рядами длинные скамейки, на окна повесили армейский брезент. Вместо экрана натянули сшитые в одно целое три белых простыни.

Но уставшие от войны солдаты и офицеры радовались и этому. Советские фильмы как бы возвращали их души на Родину и сглаживали тяготы службы.

В темноте зала Булат украдкой поглядывал на Аню. Она то становилась серьёзной, то заразительно смеялась, то грустила. И чем больше капитан смотрел на неё, тем больше она ему нравилась.

Потом они гуляли вдоль озера. Дважды из ниоткуда появлялись часовые, но, услышав пароль, вновь исчезали в ночи. Когда на фоне заката показалась аэродромная башня, Булат сказал:

— Дальше нельзя. Запретная зона.

Где-то крякали утки, квакали лягушки, пару раз послышалось уханье филина. Аня удивилась:

— Вроде бы война только закончилась, а сколько птиц вокруг! Как можно было выжить в этом аду?

— Природу невозможно уничтожить за несколько лет. Каким катком ни пройдишь по ней, всё равно восстановится. Так и люди.

Булат обнял Аню за плечи. Она сначала вздрогнула, но потом доверчиво прижалась к нему. Булат сжал девушку в объятьях и страстно поцеловал.

Теперь капитан, когда позволяла обстановка, старался после службы встречать Аню на улице и провожать домой. Соседи по комнате подтрунивали:

— Что, Булат, скоро свадьба?

Парень отмалчивался, но однажды ответил:

— Наверно, женюсь. Мне с нею тепло и спокойно. С такой не страшно и под венец.

Решили справить свадьбу к Новому 1948 году. Интендант обещал выделить дополнительный паёк, кое-какие запасы были у Ани.

Как-то рано утром Булата разбудил топот.

— Чего не даёте спать, паразиты? — закричал он на сослуживцев.

— Ты ещё спрашиваешь? — Иван натягивал на себя гимнастёрку. — Вставай, лежебока! Деноминацию денег объявили по радио! Срочно надо избавляться от старых!

— Чёрт возьми, мне только позавчера дали отпускные! Где я столько поменяю?

— Командир сказал, новые купюры придут неизвестно когда. На старые надо покупать всё подряд, лишь бы не остаться с ними!

Сергей добавил:

— Ищи любой магазин, только быстрее! Все, кто свободен от службы, умчались в Берлин.

Булат, застегнув шинель, побежал на КПП.

— Куда вас всех несёт?

— В Берлин.

— Увольнительная есть?

— Я в отпуске с сегодняшнего дня.

Покрутив в руках бумажку, дежурный открыл ворота. У обочины стояли три офицера. Подъехала «полупортка». Все запрыгнули в кузов. Прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть, они переговаривались:

— Что, тоже менять деньги?

— А куда же ещё!

Домчались быстро. Магазины, где продавали товары за рубли, красовались пустыми полками.

— Ну, конечно, столичные опередили! — со злостью произнёс майор.

— Неужели нигде не затаримся?

— Было бы чем! Всё размели!

Мимо пробежал молоденький лейтенант с бидоном в руке.

— Что несёшь?

— Мужики, не поверите, спирт!

— Где взял?

— Да тут, за углом в буфете.

— За рубли?

— За них, родные!

Буфетчица развела руками:

— Тары нет, ищите, во что наливать.

Булат в отчаянии оглядел стеллажи. Увидев детские горшки, решительно показал на них пальцем:

— Давайте два!

Выйдя на улицу, он оценил всю авантюренность затеянного мероприятия: спирт в переполненных горшках при каждом шаге плескался, норовя перелиться через край. Чтобы не пропадали драгоценные капли, приходилось периодически отхлёбывать обжигающую рот жидкость. Какая-то женщина (немка, судя по одежде), прижавшись спиной к стене дома, с приоткрытым от удивления ртом и выпученными глазами смотрела на офицера, который мелкими шагами семенил по заснеженной дороге, но не бросал ношу. Булат представил, как он выглядит со стороны — в длиннополой шинели, сползающей на лоб шапке, со сбившейся португеей, да ещё с горшками в руках — и ему стало стыдно. Офицер, называется!

Через три квартала он почувствовал головокружение и подумал: «Если не найду другую ёмкость, лишусь всего!» Увидев шофёра на «Виллисе», попросил:

— Друг, дай твоё ведро за пол литра.

Сержант скосил взгляд, но, принявшись, быстро согласился на обмен.

Свадьбу сыграли скромно. Собрались в комнате у Булата несколько его сослуживцев, командир части да три подруги Ани. Тут пригодились и добытый спирт, и дополнительный продовольственный паёк. Танцевали под трофейный патефон, пластинки, правда, были только немецкие. Невеста блистала в довоенном платье, жених красовался при парадном мундире и наградах.

На ночь Иван и Сергей удалились из комнаты к соседям, а молодые остались одни. Тесно прижавшись друг к другу, они под утро заговорили о будущем.

- Булат, — спросила Аня, — ты любишь детей?
- Хочешь спросить, сколько у нас в семье их будет?
- Да.
- Чем больше, тем лучше.
- А прокормишь всех?
- Справлюсь, я настырный.

Вскоре пришёл приказ о демобилизации военнослужащих. В их число попала и Аня. Уезжая, она теребила рукав мужниной гимнастёрки и всё приговаривала:

- Булатушка, ты береги себя.
 - Не переживай, дай Бог, летом приеду в отпуск. Жди.
- Жена замаялась, потом тихо сказала:
- У нас скоро будет маленький.

Булат обнял её за плечи:

- Что же ты раньше молчала?
- Да я только сейчас это поняла!
- Отправляемся! — скомандовал проводник. Аня зашла в

тамбур и оглянулась. Перед ней возвышались рослые мужики, заслоня обзор. Она, задрвав голову, на цыпочках высматривала в толпе Булата. Он стоял на краю перрона, подняв руку. Паровоз громко загудел, чихнул густыми клубами дыма и тронулся, потянув за собой вагоны: сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, увозя на Родину его Аннушку.

Прошло два года. Булат только теперь получил отпуск, а до этого обстановка в Германии не позволяла расслабляться. Загрузив в вагон подарки, он устроился на нижней полке. Что-то лязгнуло, и станция «поплыла» назад.

Ехали неспешно. В окне появлялись и плавно исчезали вокзалы без крыш, разбитая техника, заросшие поля, руины зданий. Ночью пересекли границу. Наблюдаемая картина почти не изменилась. Везде одна разруха.

Утром зашла в вагон молодая женщина.

- Капитан, не потеснитесь?

— Попробую.

Разговорились.

— Я Светлана. Едете из Германии?

— Оттуда. Меня зовут Булат. А вы откуда?

— Была в оккупации в Прибалтике. Возвращаюсь домой в Смоленскую область.

— А я в Вязьму.

— Значит, по пути?

— Выходит, так.

Сошли вместе на станции пересадки. Везде толкотня, суета, крики. Булат сунулся было к кассе. Не подступиться.

— Света, постережёте мои вещи?

— Конечно. А потом Вы мои, хорошо?

На том и сговорились. Когда Булат вернулся, не было ни Светланы, ни его вещей. Уплыли и отрез на платье Ане, и «цейсовский» фотоаппарат, и старинные часы с русалками, и серебряные ложки с вилками. Хорошо, что документы и деньги были с собой.

Вокзал в Вязьме, как и в других городах, стоял без крыши и окон. До родной деревни жены Булат добирался на попутной повозке. Трясая по грунтовой дороге, всё переживал о случившемся. «Как так можно — обворовать фронтовика? Ни стыда, ни совести у человека!» Не столько было жалко потерянного (хотя, не без этого), сколько мучили переживания, что его облапошили, как мальчишку!

Показалась Узмень. Аня рассказывала, что дом расположен на самом высоком месте у реки. Вот, кажется и он. Во дворе родное лицо. Аннушка! Она, охнув, бросилась на шею и стала горячо целовать. Косынка сбилась, волосы растрепались, но краше её для Булата никого не было.

— Прости, жена, что без подарков. Ограбили на станции. Вот такой я несчастливый.

На крыльце появился старик, который вёл за руку русоголового малыша.

— Несчастливый, говоришь? Дурачок, вот оно — наше счастье! — Аня подтолкнула мужа в спину. Он нерешительно подошёл к мальчику. Тот, на удивление, не испугался, а потянулся к нему. Булат схватил мальчугана на руки, поднял высоко над собой и закричал:

— Счастье моё!

Мальш засмеялся, а Булат опять подбросил его вверх, и так ещё несколько раз, повторяя:

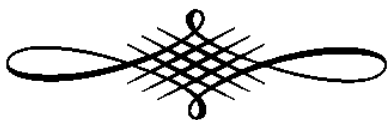
— Счастье моё!

Сын заливался громким смехом, а Аня бегала вокруг и всё приговаривала:

— Ты ж поосторожнее! Не урони малого!

А теть на крыльце снял кепку, перекрестил их и тихо сказал:

— Храни вас, Господь!

Валентина БЫЧКОВА

Бычкова Валентина Георгиевна родилась и постоянно живёт в Жуковке. Окончила Ленинградский институт культуры по специальности библиотекарь — библиограф. Работает заместителем директора МБУК «Централизованная библиотечная система Жуковского района» Победитель первого Жуковского районного литературного конкурса «Мой

мир неповторимый» в номинации «поэзия» (среди взрослых). Стихи публиковались в районной и областной прессе, в федеральных профессиональных изданиях «Библиополе» и «Берегиня», в поэтических сборниках районного литературного объединения «Стожары».

О любви

Звуки музыки в воздухе тают,
Зазвенели весной соловьи,
С переливами песня простая
О любви, и опять о любви.

Ты небесная или земная?
На вопрос не получим ответ.
Несчастливой любви не бывает-
Уверяет известный поэт.

Вот и верится в доброе чудо,
И поёт на гитаре струна,
Но к добру или, может быть, к худу
Начертает судьба письма.

И не розою благоуханной,
Что мечтами о счастье полна,
Липой — деревом сладким, обманным
Распускается часто она.

Было так непонятно, несмело,
Только огненный сгусток в груди,
От кого-то любовь улетела,
Заблудилась на Млечном Пути.

Улетела туда, «без обратно»,
Где густая звенит синева,
Заманили её, вероятно,
Возле дальней звезды острова.

Даже если обманут рассветы,
И не тот будет избран маршрут,
Композиторы, барды, поэты
Всех в туманную даль увлекут.

Наконец-то я будто очнулась,
Так о чем эти мысли мои?
Прочитала. И так ужаснулась:
О любви, и опять о любви.

Три богини

Когда-то в пору сновидений,
Внезапно проявив каприз,
Вдруг три богини легкой тенью
С Олимпа опустились вниз.

«Смотрите, вот дитя земное,
Прядем мы этой жизни нить,

А, можем, мы сегодня трое
Её хоть чем-то одарить?»

«Ну, нет», — сказала тут Венера, —
Такие вот мои дела:
Своим любимцам щедрой мерой
Всю красоту я раздала».

«Любви ни капли не осталось,
Пылать не будет чувств пожар,
Сестра Афина, может, малость
Девчонке все ж найдёшь ты в дар?»

Нахмурясь, молвила Афина:
«Всю жизнь к науке быть в пути...
А этот путь тернистый, длинный
Не хватит сил его пройти.

Не вижу данных у девчонки,
Не одолеть ей виражи.
Диана, что стоишь в сторонке,
О чем ты думаешь, скажи».

«Подарок будет, пусть и проще:
Родные отчие края,
Разлив полей, прохлада рощи,
Цветы и пенье соловья.

Всей окружающей природы
Я красоту ей подарю,
Зеленый лес, речные воды
И разноцветную зарю».

И тут растаяли мгновенья,
Оставив легкий аромат,

Умчались голубые тени,
Не возвратиться им назад.

А я ведь помню и поныне,
Хотя прошло немало дней,
Как наклонялись три богини
Над колыбелькою моей.

Мимолетности

И вновь, как вчера, мои мысли
Не лягут на белую гладь,
Устало в эфире зависли,
В раздумьях: упасть или пасть?
И вновь я одна, как и прежде,
Но мысли, что душу гнетут,
Пока пребывают в надежде,
Что выберут верный маршрут.
И быть иль не быть мне поэтом,
Но разве лишь в этом вопрос?
Мечтами, как солнцем согрета
Я в мире печали и грёз.
И вновь засмеюсь и заплачу,
Сквозь тьму пробивается свет,
Строфа мне предскажет удачу,
Поверю в неё или нет.
Но я не решила задачу,
И не о чем больше сказать,
И в стол поскорее запрячу
Пустую большую тетрадь.

Царевна-лебедь

В.К.

Этой ночью девочке не спится,
Потому что в лунной тишине
Оживает сказочная птица,
Будто на экране, на стене.

Бродят тихо сумрачные тени,
Ручка возле чистого листа,
Может, это просто сновиденье,
Или затаённая мечта?

Там царевны-лебедь волхованья,
Женщины ль с улыбкой на устах?
Доброта и таинство признаний
Плещется в сапфировых глазах.

Шепчет тихо: «В полночь вдохновенья
Я тебя сейчас с собой зову,
Где все грёзы счастья и сомненья
Падают на росную траву».

Девочка, душой всему поверив,
Уловила солнечный призыв,
Перед ней навек открылись двери,
В мир чудесный творчества впустив.

И порой в минуты откровений,
И в стихах, что излучали свет
Возникал вдруг врубелевский гений
И царевны-лебеди секрет.

Басня

Лев как-то выпустить в лесу
Задумал стенгазету,
Позвал он Волка и Лису
Решить проблему эту.

«Заметку нам напишет Волк
О плане и всём прочем,
Он в этом деле знает толк
И быстренько настрочит».

Подумал Волк: «Ну, вот беда,
Писать мне неохота,
Попробую-ка, как всегда
Свалить всё на кого-то».

А вслух сказал: «Я очень рад
Заняться стенгазетой,
Но зубы у меня болят.
Так, что не вижу света».

Лев продолжал: «А вот, Лиса,
Я знаю, поэтесса.
Она и гордость, и краса
Всего большого леса».

«Ты выяви в своих стихах
Все недостатки честно,
Чтобы вокруг, во всех лесах
Им не осталось места».

Лисица, приняв томный вид,
Слегка поправив платье,

Вздохнула: «Голова болит,
Как не могу сказать я».

«А, если Зайцу поручить,
Он примется за дело,
Стараться будет услужить,
Известно — он несмелый».

Позвали Зайца. Вот и он,
Глазам своим не верит,
Отвесил общий всем поклон
И робко стал у двери.

Лев рыкнул: «Чтобы к январю
Была бы стенгазета,
Ты слышишь, что я говорю,
Ясна задача эта?»

«Работать мне совсем не лень
Прими лишь в оправданье,
Что это за последний день
Четвёртое заданье».

«Мне за игрушками бежать
Для праздничного бала,
Потом плакаты рисовать
Для украшения зала».

Тут закричали Лев и Волк:
«Молчи и выполняй,
А если вдруг не выйдет толк,
Получишь нагоняй».

И грустный он побрёл домой,
Вновь получив урок,

Не спал ночей зайчонок мой,
Но выполнил всё в срок.

Найдем и мы без лишних слов
Мораль, конечно, здесь:
Как хорошо для Львов, Волков,
Что всюду Зайцы есть.

Поэзия

Орлиный клёкот в поднебесье,
Призыв священного огня
И шёпот не рождённой песни
Исчезли на закате дня.

Плоды не принесли уроки,
Мир погрузился в темноту,
И рассыпаются все строки
По раскалённому песку.

Томительно лишь только верить
Мне простодушно в бытиё,
Зачем же закрываешь двери
Ты, вдохновение моё?

Тянуть в исканьях руки к небу,
В тупом безмолвии кричать?
Но почему и быль и небыль
В душе сплетаются опять?

Признаюсь, даже если поздно:
С тобой и ад мне будет рай,
Поэзия, пылинкой звёздной,
Прошу меня, не покидай.

Поэт и Слава

Притча

Он — душа веселья и пирушек,
Небольшими были те грехи,
Для своих товарищей, подружек
Сочинял прекрасные стихи.

Их друзья с восторгом повторяли,
Мысли те несли добро и свет-
Так и жил без горя и печали
Неизвестный молодой поэт.

Как-то раз к нему явилась Слава
В белом платье, в лавровом венке,
Улыбнулась юноше лукаво,
Палочкой притронулась к руке.

И исчезла в солнечном сиянье,
Закричал ей вслед Поэт: «Постой!».
Но она всего лишь на прощанье
Помахала весело рукой.

И решил Поэт: «Её добуду,
Зря умчалась Слава, поманя,
Мой удел — искать её повсюду
Темной ночью и при свете дня.

И, объятый пламенем желанья,
Он трудился, не жалея сил.
В поисках познания и признанья
Все тропинки мира исходил.

Создавал порой кривые строки,
Даже эти темы не любя,

Только лишь бы выдержать все сроки,
Лишь бы только показать себя.

Время шло — и меньше всё открытий,
Неудачей замыкался круг.
Тонкие серебряные нити
В волосах густых сверкнули вдруг.

Будто вкопанный он вмиг остановился:
«Ты прощай, надежда на успех,
Ничего я в жизни не добился»
Но раздался рядом звонкий смех.

Ах, как близко так она стояла,
Кажется — вот руку протяни...
И услышал: «Ты ходил немало,
Я твоя, но только догони».

Белым облачком опять она взлетела,
И послушно шел Поэт за ней,
Медленно сначала и несмело,
А потом быстрее, быстрее, быстрее.

Он не видит ни жары, ни вьюги,
Все равно: гроза иль тишина,
Позабыты все друзья, подруги,
В жизни цель осталась лишь одна.

Голова кружится, очень круто,
По инерции с трудом идет вперед.
Все ж достигнул Славы и о, чудо,
Свой венок она ему даёт.

Наконец-то этот миг желанный,
Что приходит все-таки порой,

Посмотрел на дар, так долгожданный,
И седой поникнул головой.

Тихо-тихо Слава опустилась,
И присела вдруг у самых ног,
Но не видел он — слеза катилась
На зеленый лавровый венок.

Орех чилим

В волшебной долине, в озёрной воде
Мы дивное диво храним:
Рассеян на мягком и илистом дне
Рогатый орешек чилим.

Реликтовой славой овеян орех:
Он помнит немало времён-
Жестокий татаро-монгольский набег,
Кочевья славянских племён.

Сверкают в прозрачной и тихой воде
Зелёные гроздь-розетки
«Рогульник» мы скоро не встретим нигде,
С ним встречи давно уже редки...

Маргарита ВАСЕЧКИНА

Васечкина (Голикова) Маргарита Викторовна родилась в селе Ржаница Жуковского района Брянской области. После окончания школы обучалась в Брянском строительном техникуме им. проф. Н.Е.Жуковского по специальности «анализ хозяйственной деятельности и планирование в строительстве». Работала в плановом отделе Бежицкого сталелитейного завода, начальником отдела кадров Сельцовской МСЧ БХЗ.

В 1982 году вышла замуж за офицера, после чего познала кочевую жизнь. Около года обучалась на подготовительном отделении Саратовского государственного университета журналистики имени Н.Г.Чернышевского, но по семейным обстоятельствам учеба была оставлена. Работала по месту службы мужа в секретных отделах воинских частей, организовывала досуг офицерских семей и военнослужащих, писала сценарии праздников, была ведущей тематических вечеров. Освоила фото и видеосъемку. Изучив азы монтажа видеоклипов, снимала свадьбы, выпускные вечера в школах и вузах.

В детстве ежегодно посещала праздники поэзии на родине матери в Овстуге. Получала уроки мастерства у В.Д. Гамоллина, делясь с ним своими первыми стихами. Сотрудничала с газетами «Десница», «Брянский перекресток», «Брянские факты».

В настоящее время на пенсии. Живёт в селе Ржаница. Публиковалась в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

Окна из детства

У новых окон недостаток есть:
Нет на стекле морозного узора,
Красу из льдинок заменяет штора,
Где мир морозный отражался весь.

Нарисовав дыханьем ледяным,
Диковиннее сказочных, деревья
На ветках ели птиц волшебных перья
Под стать большим сугробам снеговым.

Они из детства — окна в кружевах,
Там, на стекле мороз рисует сказку,
Знать, у метели одолжил раскраску,
Забрав снежинки в белых облаках.

Чем злей мороз, причудливей узор.
К стеклу подставив теплую ладошку,
Прильну тихонько к мёрзлому окошку,
Чтоб разглядеть сугробы, зимний двор

И красоту заснеженного дня.
...Огонь в печи и окна запотели,
Но не стереть загадочной пастели,
Той, что зима дарила для меня.

Зимой

Метель как будто подустала
Расправив нежно покрывало,
До леса, поля добралась,
А там под утро улеглась...

Слепят алмазы, жемчуга
У ели на зелёных ветках,
А ивы в сказочных беретках
Реки сокрыли берега.

И кисти алые рябин
Качнёт снегирь, красы добавив,
На бархате сверкнёт рубин,
В сугробе яркий след оставив.

* * *

Наш альманах — как быстрая река
Вместил в себя слияние разных строк,
Журчание лесного ручейка
Или с горы стремящийся поток.

И жизнь кипит у разных берегов,
Разнообразие тем, обрывки фраз,
Есть строчки из загадочных миров,
Есть строчки как раздумья, как наказ.

Спешат ручьи, и ширится река,
Ещё строка. Ещё один ручей.
Местами мель, местами глубока,
Впадает в океан людских страстей.

Утро морозное

Скрип шагов морозным утром,
В инее ресницы.
Серебристым перламутром
Зорька молодится.

Тишиной морозный воздух
До небес пронизан,
На ветвях снежинки-звезды
Словно на карнизах.

И метель алмазной пылью
Делится сполна,
То ли сказкой, то ли былью
Полнится она.

Наш город

Город молодеет год от года,
На площадках детских — голоса,
Цвет цехов у старого завода
Синевы добавит в небеса.

Разлетаясь, каркают вороны,
Как и много лет тому назад,
Колокольный звон разбудит кроны,
И прохожий в вечность бросит взгляд.

Летнею порою бродят пары,
У свиданий те же адреса,
Вновь с зарёй вечерний звук гитары
И окрест разносится попса.

А на пьедестале тот же Ленин
На дома прищурившись, глядит
«Артефакт» из прошлых поколений
Никого теперь не удивит.

И замрёт лазурь небес живая
Над притихшей утренней Десной,

А фонтаны брызгами играя
Освежают жаркою порой.

Город мой не только день вчерашний:
«Дом с оленем», множество цветов.
Со своей водонапорной башней
Ты один такой среди городов.

Засентябрило

Засентябрило... осень за окном.
Шуршит листва, туманный лес тревожа.
Загадочной печали приумножат
Деревья, что в убранстве колдовском.

Засентябрило...плачет дождь с утра.
Последний гриб небрежно сдвинул шляпку.
Сухой травы, листвы собрав охапку*
Колючий ёж прошелестит: «Пора».

Засентябрило...Журавлиный крик
Разбудит эхом тихую опушку,
И солнце сквозь сосновую макушку
Посеребрит заботливо родник.

Засентябрило...Будто бы цветы
Распустятся зонты в руках прохожих,
И откровением желтые листы
На письма прощальные похожи...

*Осенью, готовясь к зимовке, ёж кувыркается по земле, накалывая на иглы сухую траву и листву, в итоге становится охапкой.

*Снежинки из пылинки.**

Любуюсь гранями снежинки,
Морозным утром на стекле,
Тонки, как нити, паутинки
В своем хрустальном серебре.

Какое сказочное чудо,
Где сотни, тысячи таких
Летят как будто ниоткуда
В своих круженьях колдовских.

Как звёздочки на покрывале
Сверкнут, узорами маня,
В конце, а может быть, в начале
Иль декабря, иль января.

А летом малые пылинки
Поднимет ветер вихрем ввысь.
Зимой чтоб белые снежинки
В едином облаке слились.

*Ученые смогли разглядеть частицы, спрятанные в сердцевине снежинки — это частицы почвы. Затем вокруг маленькой пылинки образуются кристаллы льда.

Признание в любви... (Жуковке)

Мой провинциальный Амстердам*,
Край велосипедов и поэтов,
Не подвластен никаким годам,
Множество тая в себе секретов.

Даже клумбы городских цветов
На колесах чуть притормозили**,

Лепестки из сказочных садов
Уличный ландшафт преобразили.

Тихий парк, в тени его аллей
Ждут детей забавные игрушки,
А в вечернем свете фонарей
Кажутся ожившими зверушки.

И стучат по рельсам поезда,
Не запомнить улицы и лица,
Тот, кто побывал здесь иногда,
В город мой захочет возвратиться.

*Амстердам называют велосипедной столицей Европы.

**На улицах города стоят велосипеды с цветниками на багажниках.

Посвящения

Антонине Тереховой

Прораб человеческих душ,
Строитель людских отношений,
Ты серые будни разрушь
Строкою своих откровений.

В них город в прохладе ночной
С мелодией звуков сольётся,
И дождик, весенний порок,
Живительным ливнем прольётся.

Опять разболится душа,
Читая про боль ветерана,
Война, словно свежая рана,
Встревожит, покой мой круша.

И крик улетающих птиц
Печалью в душе отзовется,
«Молчун» из-под влажных ресниц
Задумчиво так улыбнется.

И поезд из прошлого мчит,
Не притормозив в настоящем,
Как будто бы стуком кричит
Всем нам, на перроне стоящим.

Умеет любить и ценить
Туманы в сиреновой дали,
И «выюги ее окрыляли»,
Желанием всё объяснить.

Прораб человеческих душ,
Строитель людских отношений,
Ты серые будни разрушь
Строкою своих откровений.

Валентине Чирок

Так пусто стало вмиг, когда
В тоскливой дали ледяной
Погасла яркая звезда,
Что освещала путь земной.

В том декабре морозным днём
Снежинки-слезы упадут,
Неслышно под твоим окном
«Медведи белые» бредут.

Любимых рук хранят тепло
Страницы из знакомых книг,

И невозможно, тяжело
Закреть раскрытый черновик.

Где Вифлеемская звезда
(Твой стих талантом покорила)
В ту даль, в холодное туда
Ушла ты, так Господь решил.

Так сложно боль принять и всё ж
С годами боль ещё больней,
Быть может, ты в стихах придёшь
И тихо постучишься в дверь.

Валентине Крисановой

Душой прозрачна и чиста,
И нет в ней лжи, и нет в ней фальши,
И жизнь как с чистого листа,
И с ожиданием, что же дальше?

А дальше: музыка меж строк
То затихает, то разбудит.
И правды жизненный урок
Порой подобен амплитуде.

Звучи, «Волшебная свирель»,
Гори, свеча, во мраке ночи,
В страниц волшебных акварель
Вливаясь звуком между строчек.

И скажем честно, без прикрас
Без пафоса, с любовью нежной,
Скучны занятия без Вас,
Сегодня, завтра и сейчас
Пусть будет встреча неизбежной.

Николаю Серякову

Его стихи лежат передо мной —
 Учителя, поэта, Дон Кихота.
 Какая-то загадочная нота
 Таится здесь за каждой строкой.

В них отраженье любящей души,
 Неравнодушной до чужого горя,
 Не праздные раздумия в тиши,
 А откровения, пожеланиям вторя.

Где «ивы косы в воду опустив»
 Прошепчут что-то из любимых строчек,
 «Барашков серебристых напоив»,
 «Заголубеет» небо у обочин.

Где «дикий хмель ползет через плетень»,
 А у луны «загадочно свеченье»,
 И на Поссори поудить не лень,
 На Ипути ночь просто в упоенье.

Где клёнов листья, словно «купола»
 И в «платях броских» шелестят берёзки,
 Где ночь зимой по— зимнему светла,
 Где ливень смочит сей пейзаж неброский.

«Десняночки» раздаривают сок,
 Израненные, лишь забавы ради,
 «Их слезы, молча, капают в песок».
 Про всё, про это — на листках тетради.

Его стихи лежат передо мной,
 Учителя, поэта, Дон Кихота.
 И кажется, как будто он живой,
 Что нет его, не верится мне что-то.

Мария ЗУБОВА

Зубова Мария Ивановна родилась 1 декабря 1955 года в д. Салынь Дубровского района Брянской области. После школы окончила Шанталовский сельскохозяйственный техникум. Работала на Дубровской мебельной фабрике, позднее секретарём-машинисткой в колхозе имени Калинина (д. Пеклино Дубровского района). Живёт в Жуковке. Пенсионер. Публиковалась в литературных сборниках Жуковского

районного литературного объединения «Стожары». Автор поэтических сборников «Лечу по свету птицей белой» (2017) и «Кто на свете лучше всех?» (стихи для детей, 2017).

* * *

Я, право, лёгкой жизни не искала,
Жила, живу и буду жить как все.
Люблю и суету, и шум вокзала,
И лес, и речку, и траву в росе.

Весну люблю, капли звук звенящий,
И солнышко, слепящее глаза,
И месяц май цветущий, настоящий,
Прозрачный воздух, чистый, как слеза.

Проснувшись рано утром на рассвете,
Любуюсь, как из тьмы встаёт заря,
Приходит день на солнечной планете,
Резвятся и играют наши дети,
Свои улыбки щедрые даря.

Шальные ветры и лихие стужи
Не могут омрачить тех светлых дней.
Забуть бы только то, что было хуже,
Печальнее, суровой и больней.

Казанова

Смотрел он с неподдельным интересом
На её носик, вздернутый слегка,
Как ветер, шалунишка и повеса,
Играл кудряшкой светлой у виска.

Глаза озёра, губы цвета вишни,
В руках букет цветов из нежных роз.
Как будто Муза на прогулку вышла
Среди акций белых и берёз.

Такая хрупкая, совсем ещё девчонка,
Она похожа на родную дочь!
— Как далеко родимая сторонка! —
Вдохнул, те мысли отгоня прочь.

Но вспомнил всё, до мелочей буквально,
Что так забыть хотел наверняка.
И слёзы навернулись моментально,
И старческая дрогнула рука.

Была семья, жена, выросла дочка,
Всё как у многих — радуйся, живи!
Но он на счастье вдруг поставил точку,
Хотел свободы, страсти и любви...

...Прошли года и не вернуть их снова,
Беспутной жизни наложили след.
Состарился любовник Казанова,
И в прошлое назад дороги нет!

Поздняя осень

Поздняя осень, унылая осень,
Неба бездонного редкая просинь.
Всё опустело: леса и поля,
Отдыха жаждет родная земля.

Воздух морозный, иней на травах,
Лужицы в тонких хрустальных оправах.
Солнце остывшее землю не греет,
Ветер промозглый вновь с запада веет.

Скучная осень, плачевная осень,
Яркий наряд наземь влажную сбросив,
Слезы прольёт затяжными дождями,
И навсегда распрощается с нами.

* * *

Кружатся и падают снежинки
На берёзки, ёлочки, осинки.
Изменилось старое село,
Всю округу снегом замело.

Под пуховым снежным покрывалом
Всё уснуло ровно до весны.
В сказочном наряде небывалом
Осени огрехи не видны.

В тёплые края умчались птицы
И не слышен бойкий их трезвон.
Снегири, сороки и синицы
Задают теперь весёлый тон.

А придёт весна, звеня капелью,
Всех разбудит, всё разворошит.
Соловей зальётся звонкой трелью
И теплу навстречу поспешит.

Воспоминания

Уже к закату близился тот день,
И летней ночи надвигалась тень.
Над быстрой речкой сквозь густой туман,
Девичий вырисовывался стан.

Та девочка — как хрупкий стебелёк,
Божественное, милое создание.
А вот идёт избранник — паренёк,
У них сегодня первое свидание.

Нет у любви начала и конца.
Сплетенье нежных рук, волненья трепет.
И громко в унисон стучат сердца,
Заветных слов любви невнятный лепет...

Как будто бы привиделось во сне...
Но первое свиданье не забыто.
И где-то, в глубине души, на дне
Густым туманом прошлое укрыто.

О женщине

Осень бросила на плечи расписную шаль,
На глаза легла вуалью тихая печаль.
Паутинки разбросала по копне волос,
Унесла мечты шальные тех, девичьих грёз.

А зима на смену мчится, запорошил снег,
И звучит всё реже, реже тот задорный смех.
Ветер, стужа в сердце рвутся — злые холода,
Лишь душа, как у девчонки, так же молода.

Ей бы звонко рассмеяться, спеть, потанцевать,
И, с любимым распроцавшись, встретиться опять.
И навстречу счастью мчаться. Только позови!
В лёгком вальсе закружиться от большой любви!

Лунный свет

С небес струится лунный свет.
Не спят провидец и поэт.
О, друг — волшебница-луна!
Желаний их душа полна.

А ты исполнить можешь вмиг:
Поэт напишет лучший стих,
Провидца сбудется мечта.
Пусть миром правит красота!

Влюблённым тоже не уснуть.
К себе манит их млечный путь.
Но от земли дойти до звёзд
Не каждый сможет — путь не прост.

Свети, луна, лишь ты одна
Своим влиянием сильна,
И если к ним благоволишь,
Сияньем лунным озаришь!

* * *

Люблю дорогу, что без края
Ведёт к мирам других планет!
И я лечу по ней, сгорая,
И излучаю мыслей свет!

Тот свет мне под перо ложится,
Стихов сплетает кружева.
Парю над миром белой птицей
И ощущаю, что жива!

Жива, жива и сердце бьётся,
И строчки трепетны, чисты!
Мне солнце мило улыбнётся
С небесной синей высоты.

И зашумят в лесу дубравы,
И перезвон весёлый птиц...
Какое счастье, Боже правый!
...И опущусь на травы ниц.

Женщина загадка

Женщина мечта, женщина загадка,
Только жизнь порой ни горька, ни сладка.
Песни все пропела, встретила восходы,
Счастье было близко, были и невзгоды.

Вечер наступает, и на сердце скука,
А друзьями стали лишь печаль да мука.
Красота увяла, грудь щемит от боли,
Где её желанный, ждать его доколе?..

Как ей одиноко, никому не скажет;
Синенький платочек на груди завяжет,
Подрисует бровки, волосы уложит,
Словно её душу ничего не гложет.

Нежно улыбнётся — розой расцветает,
И мужское сердце, словно воск, растает.
Как всегда красива! Как всегда желанна!
И для всех загадка, как это не странно...

Лети, душа моя, лети

Лети, душа моя, лети!
Ты встретишь счастье на пути.
И на земле бывает рай.
Твори, дерзай. Не унывай,

А ввысь стремись, к другим мирам.
И ты узнаешь, что есть там.
Но не гордись, назад вернись
И низко Богу поклонись

За то, что дал добро тебе
Жить по любви, не по злобе.
Увидеть солнце, тьму и свет,
Закат и ласковый рассвет,

И как приходит новый день,
И пробуждается земля,
Цветут черёмуха, сирень,
С весёлой трелью соловья!

О, море, море...

Одна стою на берегу
В лучах вечернего заката,
Волшебным пламенем объята,
И насмотреться не могу.

Лазурный берег, тихий пляж,
Корабль, стремящийся куда-то...
Могла ли я мечтать, когда-то,
Что это будет не мираж?!

Шумит и пенится прибой,
Летают чайки над водой,
В морскую призрачную даль
Пусть мчатся горечь и печаль!

Моё одиночество

И снова не могу уснуть —
Мечта зовет в далекий путь.
Она всегда живет во мне,
Тревожит сердце в тишине.

Вся жизнь осталась за спиной.
Лишь одиночество со мной
(Смогло во мне приют найти).
Возможно, нам с ним по пути.

Вот так вдвоем и налегке
Постигнем то, что вдалеке.
Мечта волнует и манит,
И душу тянет, как магнит.

Вся жизнь моя ошибками богата

Вся жизнь моя ошибками богата,
На недругов за это не ропщу.
Не в тех людей поверила когда-то,
Простила всех, себя я не прощу.

Какая была глупая наивность
За масками не видеть лживых лиц,
Их скверную, продажную взаимность,
Их подлости, не знавшие границ.

Те люди, и коварны, и фальшивы,
Мне преподали не один урок.
Лихой судьбы жестокие мотивы
Доверие закрыли на замок.

Хотелось бы всю жизнь начать сначала.
Уроки заучила наизусть,
И в людях чуть разборчивее стала
Но в сердце недоверие и грусть.

Как жаль, теперь ты не со мной

Как жаль, теперь ты не мной
И крик души моей не слышишь.
Холодный дождь стучит по крыше,
И город спит во мгле ночной.

Как тускло светят фонари
Промокшим, зябким, мутным светом.
Печальным видится сюжетом —
Нам вместе не встречать зари.

Забуть пора, ты стал чужой,
Не предназначенный судьбою.
Расставшись навсегда с тобою,
Не гнаться за пустой мечтой.

А утром новый день придёт,
Окрасит радугой просторы,
Пустые стихнут разговоры,
На небе солнышко взойдёт!

Наталья КАНДАУРОВА

Кандаурова Наталья Викторовна родилась 19 февраля 1986 года в п. Тросна Жуковского района. В настоящее время живёт в Жуковке. Библиотекарь читального зала Жуковской центральной библиотеки. Дипломант открытого поэтического фестиваля «Великий праздник молодости чудной» (2015 г.), финалист Всероссийского литературного конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева «Родине поклонитесь»; победитель областного творческого конкурса «Я пишу» в номинации «Поэзия» (2018 г.),

победитель Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы-2018», Лауреат 1 степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба» в подноминации «Мой Стародуб», лауреат 2 степени Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Литературное творчество для детей: стихи». Стихотворения публиковались в альманахах «Литературный Брянск» (2010), «На крыльях Пегаса» (Тула, 2018), журнале «Юность», сборниках «Родине поклонитесь», «Герои Великой Победы-2018», литературных сборниках Жуковского литобъединения «Стожары». Автор книги «В двух минутах от мая».

* * *

Я закликаю тишиной
Над распускающимся садом,
Не нарушать ее войной.
Не надо, я прошу: «Не надо».

Я заклинаю вас слезой
Ребенка, что шагает рядом:
— Пусть грохот будет лишь грозой,
А не разрывами снарядов.

Любым путем, любой ценой!
Об этом песни и молитвы:
Спасите, люди, шар земной!
Храните мир, оставьте битвы.

* * *

Уставшая осень
Пощады не просит,
Лишь плачет ночами навзрыд.
То серость, то слякоть...
Ну, как тут не плакать
От давних горчащих обид?

В холодную зиму
Накинув на спину
Мешок непомерных забот,
По белому снегу
К зовущему берегу
Каликой продрогшей пойдет.

Весна-озорница
Заставит влюбиться,
Резвиться, забыв о былом.
Промокшие в росах
Котомку и посох
Оставит лежать за углом.

С ней лето попляшет,
Подарит ромашек,

Цветочного ситца отрез,
Пыльцою измажет,
Вот только не скажет,
Что времени, в общем, в обрез.

Завянут одежды,
А с ними надежды,
И сбросив постылый наряд
В унылую слякоть,
Она будет плакать
Все долгие ночи подряд.

* * *

Рукавом слезу утираю,
На кофейной гадаю гуще.
Я с тобой вдвоем пропадаю.
Без тебя пропадаю пуце.

У ромашек сорву лепесточки,
Засушу, заварю себе чаю.
Я с тобой дохожу до точки.
Без тебя и строки не чаю.

Переулком пройду темным,
Что-то в жаркую ночь не спится.
Без тебя я была бездомной,
А с тобой заперта в темнице.

То ли радуюсь, то ли маюсь.
Фонари ли зажглись? Звезды?
Я с тобой вдвоем задыхаюсь.
Без тебя не могу просто.

* * *

Мне осталась всего страница
До того как наступит лето.
То ли выспаться, то ль напиться,
То ль опять достать сигареты.

Набросаю еще десяток,
И в окно постучится осень,
Ровно в срок свой и без накладок,
Как у всех, кто ее не просит.

Одолею едва полкниги,
Шарф найду, выйду встретить зиму,
В диком страхе плетя интриги —
Задержать ноября картину.

А когда все мосты и бульвары
Белым-белым заснежит вьюжность,
Я начну превращать в мемуары
Черновик, что строчила юность.

* * *

Он был мальчиком, знавшим Слово,
А я — женщиной средних лет,
Распознавшей, что всё не ново,
Но с надеждой глядящей вслед:

— Обернись, ну, хотя б случайно,
Юный паж престарелых муз,
Подойди — приоткрой мне тайну,
Для меня неподъемен груз.

* * *

*«Я не люблю, когда наполовину...»***В.С. Высоцкий**

Я не хочу быть тем, кто не дошёл,
И не добрал свои три сотых балла,
Стоять в тени, надвинув капюшон,
В каких-то трех шагах от пьедестала.

Я не хочу в прицепленный вагон,
Чтоб после тихо выйти на разъезде.
Я режиссер и show must go on,
Ползти вперед, а не трусцой на месте.

На острие, у бездны на краю,
В горячке наступающего бреда
Я на коне хочу быть и в строю,
И очень не хочу быть тем, кто недо...

* * *

Это не я там бумажною крысою
Пыльные кипы трясу за конторкой.
Зырякая злобно, мол: «Черта вам лысого!»,
Мягкие сотни таскаю по норкам.

Это не я в три дуги под авоськами
Прячу свой лик, что давно отутюжен.
Между рекламами яркими, броскими
В мыслях одно: что состряпать на ужин.

Это не я, как заезженный сингл
Старой-престарой затертой пластинки
Зауми вашей ответственю: — «Nihil»
И укрываюсь плащом-невидимкой.

Спросите вы: — Ну, а что же осталось?
Где-то внутри под фальшивой разметкой
Я. Среди всей этой лжи потерялась
И вместо лестницы выбрала клетку.

* * *

В мельтешении человеческих судеб
В фейерверках падающих звезд
Я бегу от тех, кто лжет и судит,
И не верю тем, кто слишком прост.

Я живу на свете, как умею,
Понапрасну, вроде, не грешу,
Не ползу, не лезу выше шеи —
В лабиринтах судеб мельтешу.

* * *

Поэзия — не рифмы, не размер,
В ней глубина бездонного колодца.
Один пригоршню зачерпнет — напьется,
Другой не принимает полумер.

Порой крива строка и рифмы грубы,
И кляксой расплзаются следы,
Но вдруг заломит душу, словно зубы
Глоток прозрачной ключевой воды.

Позвольте влюбиться!

Разбейте замки, отворите темницу!
Душа бьется в клетке израненной птицей,
И сердце, волнуясь, стучится, стучится
В предчувствии робком — вот что-то случится...

Позвольте напиться
Высокого чувства,
Шутя, приобщиться
К святому искусству,
Взмывать в поднебесье,
Парить и искриться...
Позвольте влюбиться!
Позвольте влюбиться...

В томлении страстном ночами не спится.
Мечта заждалась, ей пора уже сбыться —
Восторженно в вальсе любви закружиться,
Не помня потерь, не боясь ошибиться...

* * *

Руку подняла, перекрестила
И застыла около крыльца.
Не дышала, взгляда не сводила
С дорогого, милого лица.

С тихой грустью скрипнула калитка...
В спину поплевала не со зла.
Подняв рожки, времени улитка
В завтрашнее утро поползла.

И крадутся дни, на дни похожи,
Краткое забвенье дарит ночь.
Ждёт с рассветом у крыльца прохожих:
Не встречал ли кто в дороге дочь?

От сомнений никуда не деться,
Письма открывает чуть дыша...
Где-то там родное бьётся сердце,
Рядом — материнская душа.

Не уснуть

Сверчковый стрекот залепляет уши,
Последний блик лучей сбивая с крыши,
И пулеметной лентой режет душу,
Истерзанную писком старой мыши.

Луна взойдет обгрызенною коркой,
И светлячки, объевшиеся солнца,
Устроят хоровод над мшистой горкой
У сруба пересохшего колодца.

Смахнет звезду рассеянная фея,
И, наглотавшись этой звездной пыли,
Плывет послушно разум в мир Морфея,
Сплетая сказки из унылой были,

Где Млечный путь, вбирая моря рокот,
Роняет искры в лунную дорожку...
Но проникает в сон сверчковый стрекот
В стенаньях мыши, потерявшей крошку.

* * *

Побежали по облакам!
На закат, на восход — не важно.
Ни губам твоим, ни рукам
Не дано унять этой жажды.

Убери поскорее зонт!
Видишь — я раскрываю крылья.
Полетели за горизонт,
Перепахавшись звездной пылью.

Оборви паутины нить.
Я сегодня не дева — птица.
Если сможешь ты отпустить,
Я смогу назад возвратиться.

* * *

Подари мне букетик ромашек
На излете пьянящей зари.
Просто так, безо всяких отмашек,
Без намеков, прошу, подари.

Будет день ослепительно ярок,
Из таких, что навряд ли забудешь.
И, уткнувшись лицом в твой подарок,
Я спрошу: — Неужели любишь?

* * *

Открой окно, пусть шёпот дождевой
Ворвётся в лабиринты пыльных комнат
И захлбнётся, пойман тишиной...
Неумолимо о себе напомнят

Другая осень и другая боль,
Пришедшая с разгулом непогоды.
А ты, как престарелая Ассоль,
В мечтаниях напрасных тратишь годы.

Но тень шагов, чей звук всё ещё ждёшь,
Неразличима в сумраке осеннем.
Открой окно, не зря стучится дождь.
Впусти его. Он принесет спасенье.

Валентина КРИСАНОВА

Крисанова Валентина Александровна родилась в 1954 году в д. Храбровичи Брянского района. Обучалась в Овстугской школе имени Ф.И. Тютчева. Окончила режиссёрское отделение Брянского культурно-просветительного училища. Работала директором Дома культуры в п. Тросна, корреспондентом ряда газет, сотрудником музея братьев Ткачёвых. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, член правления Брянской областной писательской организации.

Публиковалась в различных литературных сборниках. Автор стихотворных книг «Имени твоему» (1985), «Русалочки песни» (1994), «Синий колодец» (2004), «Волшебная свирель» (2015). Награждена медалью «В память 200-летия Ф. И. Тютчева», почётной грамотой губернатора Брянской области, Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Живёт в Жуковке. Пенсионер.

Нимфа слёз

Вчера во сне на утренней заре
Привиделась мне ива в серебре.
Склонялась и звенела над ручьём
Серебряная жалоба её.

Сестра моя, озерная нимфея,
Я плакала меж сосен и берёз.

Скажите мне, какие чародеи
Могли соткать гармонию из слёз.

Мой нежный жемчуг многие не любят,
Но верен мне услады слёзный ключ.
Он сердце мне ласкает и голубит,
Его родник целебен и горяч.

Я пью нектар, вкушая божью милость,
Роняя слёз огнистую росу...
Смотри, как утро дождиком умылось,
И капельки сверкают на весу.

Художнице Н.М. Пугачёвой

Я нарисую вам девчонку:
В свече, придвинутой к холсту, —
Глаза лесного оленёнка
Глядят в далёкую мечту.

Окно, распахнутое в лето,
Дождинок нити на весу.
И в дополнении к портрету
Три капли солнца на носу.

С чистосердечностью ребенка
Она ликует у холста,
Изображая кистью тонкой
Святые русские места.

В картину просится ромашка
И белорусских далей дым. —
Цветок — по имени Наташка,
Душа с сердечком золотым.

* * *

Летящий снег похож на птичьи перья.
И птичьи трели полнят наши сны...
Колокола, колодцы, колыбели —
Серебряные крылья тишины
Кольшутся в преддверии весны.
Пусть каждому достанется по вере
И каждому воздастся по слезам.
Закон причин и следствий, как сезам,
Нам открывает в будущее двери.

* * *

Как я люблю по вечерам
Следить за красками заката.
Земля и небо — божий храм,
Небесным таинством объятый.
И ветер, словно в полусне,
Ни трав, ни веток не колышет.
Земля спокойно, сладко дышит
И отзывается во мне
Чудесной музыкою свыше.

Библиотека

1.

Меня пронизывает трепет,
Библиотека — звездный Храм,
Где Слово нас как глину лепит,
Сопровождая по мирам

Раскрытых книг в читальных залах,
Казалось, лба касался Бог.

Душа от счастья замирала
И Млечный путь лежал у ног.

Все эти звездные скитанья
Забыть теперь я не могу.
В библиотеку на свиданье
С далёкой юностью бегу.

И если есть на свете рай,
То этот рай — библиотека:
Сады блаженных — тихий край,
Моя читательская Мекка.

На полках дремлют очевидцы
И смерть поправшие провидцы.
Так искра в пепле — спит и ждёт,
Когда заветный час придёт.

В листву крылатую одеты,
Так спят пророки и поэты
За рубежом телесных битв.
Одни хранят свои обеты,
Другие шёпоты молитв.

И я в святынях книгу чту,
Она как птица оживает.
Когда я книгу открываю,
Я открываю дверь в мечту.

Мгновенья странствий по страницам
Счастливой делают меня.
И зачарованные птицы
Роняют перышки огня.

2. Сонет библиотечный

Куда летишь, родная стая,
В какие дивные края?
Перстом извилины листая,
Ты пишешь в книге бытия.

А в небе россыпь звёзд густая
И синий сумрак тишины.
Пером извилистым блистая
Ночь перелистывает сны.

Мои небесные олени —
Поэты прошлых поколений
Над миром суетным встают:

Творцы, сказители, кумиры
В своих ветвях качают лиры,
Но даром в руки не дают.

* * *

Куда ведет дорога наших грёз?
За золотом Есенинских волос,
За голосом блуждающих огней
За отроком на розовом коне.

Не самого ли воздуха дыханье,
Не самого ли ветра колыханье
Слетает в сны, касается лица.
Но так никто не понял до конца —

Не он ли проплывающий над нами
Преобразился в розовое пламя
Из тех времён, где Слово было Светом.

Из тех, кто певчим ангелом задетый,
Скитальцев зачарованной дороги,
Я потеряла многое и многих.

Найдутся ли ответы на вопросы?
О если бы опять расцвёл мой посох.
Моя мечта, мой дождь златоволосый,
Мой мальчик, мой мужчина, мой герой
Блуждающий за синюю горой.

* * *

О сон поэзии, о мёд...
Какое сердце не поймёт
Чудесной музыки созвучий.
О Муза, кто меня измучил?

Не ты ли — музыки сестра
Со мной в тиши уединенья,
Мои мечты, мои моленья.
Мои святые вечера.

Не ты ли, мой крылатый странник,
Мой заколдованный цветок,
Мой зацелованный и дальний
Воспоминаний уголок.

Прости за всё, прости заране,
За то, что жили не по лжи.
О, Грёза, кто меня изранил?
Остыли счастья миражи.

И только — облачные кони —
Небесной тяги полоса...
Твои зовущие ладони,
Твои летящие глаза.

* * *

Чужой успех меня не гложет.
И не завидую тому,
Кто терпеливо, бездорожьем
Идёт к успеху своему.

Любой из нас с зерном завета
Безвестный сеятель в пути.
Что передал, что исповедал —
Тому и должно прорасти.

Пошли и ты ему подмогу,
Добра и блага пожелай.
Ведь ты-о знаешь, что дорога
Любая в мире тяжела.

Но не прельщайся глупой славой,
Пойми, кто славен — тот и нищ.
Там на челе под каждым лавром
Ты след кровавый различишь.

Николаю Иволге

Здесь в зимней заснеженной сини,
Под вьюгой теряется след...
Он снова родился в России —
Простой деревенский поэт.

Наследник Есенинской хаты,
Певец неразменной души.
О поле, о доле солдата
Он добрые песни сложил.

И можно судьбе удивиться, —
Не Царь ли небесный нарёк:
С фамилией певчей родиться
И в наш залететь уголок.

Быть может, склоняясь над криницей,
И Тютчев, в своём далеке,
Заслушался иволгой-птицей
И держит её на руке.

А в песню нельзя не влюбиться,
Нельзя обойти стороной.
Красивая, гордая птица —
Кудесница чаши лесной.

Сирены

Морской простор сиянием просвечен,
А над волнами парусник летит.
Они поют, особенно под вечер
И волосы им солнце золотит.

Не повторяйте имени любимых,
Когда любовь оставит вас в бреду,
Не вспоминайте мифы о дельфинах,
На этот раз дельфины не придут.

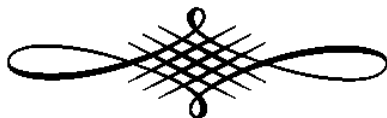
Не прикипайте сердцем к островам,
Где вырастает горькая трава.
Всё станет болью, гибелью, расплатой.
Когда в бреду придётся рвать канаты.

Я видела, как гибли в этих чарах,
Как сильные ломались на любви.

Храни вас Бог от гибели задаром,
От бури закипающей в крови.

Они поют... Залейте воском уши.
Чтобы не слышать это и не слушать.
Не знать, не помнить горя и измен, —
Поющих сладким голосом сирен.

Морские девы ловки на уловки,
Их голоса особенно тонки.
Когда всплывают юные головки,
То, обезумев, гибнут моряки.

Наталья МИШИНА

Мишина Наталья Викторовна родилась 3 августа 1980 года в городе Брянске. Окончила Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского и Московский педагогический государственный университет, оба — с отличием. Член Союза писателей России. Член Союза писателей Союзного государства. Член Правления Брянской областной общественной писательской организации.

Учитель-логопед высшей категории. Живёт в Брянске. Победитель и призёр региональных и международных литературных конкурсов: «В единстве наша сила» (г. Могилёв, Беларусь, 2012, 2016, 2017, 2018). «Верю в Россию и верю в народ» (2014, 2015 и обладатель Гран-при этого конкурса в 2017 году), «Рифмы детства» (2011), «Хрустальный родник» (г. Орел, 2014) «Заповедная строка» (Заповедник «Брянский лес», 2016). «С любовью к поэту» в номинации «Будущему поколению» (Смоленск, 2016) и других. Делегат I съезда Международного союза писателей и мастеров искусств (г. Сумы, Украина, 2011). Участник, победитель и дипломант интернет-конкурсов. В 2014 и 2015 годах — участник и дипломант литературно-музыкального фестиваля «Славянский венок» (Брестская область, Беларусь). Участница международного проекта «Фестиваль поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (Таганрог, 2017, 2018, 2019). Автор книги стихотворений «Поиски героя» и логопедической методички для занятий с детьми «Давай раскрасим радугу!».

Стихи публиковались в альманахах «Литературный Брянск», «Пересвет», «День поэзии» (Москва, 2015, 2018), «Дзвіна» (Витебск, 2018), «На земле Бояна», «Парад литератур» (Москва, 2018), в «Литературной газете» (2015), в «Медицинской газете» (2018), в антологии «Брянские писатели», «Наша Победа» (Брянск, 2016), в коллективных сборниках в Брянске, Орле, Таганроге, Курске, на Украине и в Беларуси, в брянской периодике, а также в газетах

«Северная надбавка» (Магадан), «Колымский тракт» (Магадан), «По горячим следам» (Брянск), «Гомельские ведомости» (Беларусь) и других изданиях, также на сайте «Стихи.ру». На несколько стихотворений написаны песни. В 2018 году награждена премией В.И. Нарбута «Пять хлебов» (Украина) и Почётной грамотой Союза писателей России.

Июлька памяти

Бывало, вместе с бабушкой мешки
Готовили мы летом для картошки.
Мои, не слишком ровные, стежки
Прокладывали хлопковые стёжки.

Мы на крыльце садились, как в раю,
Довольный кот мурлыкал по соседству...
Вплетала я тогда в судьбу свою
Спокойное, улыбчивое детство.

Прошли года... И я смотрю в окно:
В минувшее нигде не скрипнет дверца.
Нет бабушек и дедушек давно,
Иголкой память больно колет в сердце.

Зимний Тютчевский парк

Плавают утки и лебеди
В Тютчевском зимнем пруду.
Слышится тихое «Ich liebe dich...»
Снова к тебе я приду...»

Птицы ныряют за крошками.
Как же не холодно им!
Мы тут своими сапожками
Возле беседки стучим.

Лёгкие рифмы по зёрнышку
Мысленно строятся в ряд.
Смотрит на дом цвета солнышка
Мюнхенский наш дипломат.

Овстуг, покрытый сугробами,
Смотрит на спящий ручей.
Шапками, правда, не новыми,
Кажутся гнёзда грачей.

В парке дорожки расчищены
Чьей-то хозяйской рукой.
Значит, поэты не лишними
Стали по жизни такой.

Пятнадцатый камень

Нет, не к морю меня отвези
(Мне на пляже лежать неохота),
А в таинственный сад Рёан-дзи,
Знаменитый не только в Киото.

Мне б спокойствие древних камней,
Мне бы силу и дух самурая,
Мне бы цепкость и гибкость корней
И любви — ни на что не взирая.

Мы с тобой обойдем тихий сад,
«Сотни миль сокращая до фута».

А когда обернёмся назад,
Нам покажется веком минута.

Пусть нахлынет, улыбкой маня,
Чувство счастья, цветное, как пламя.
Я хочу, чтоб взглянул на меня
Сокровенный пятнадцатый камень.

В часовне на Буйничском поле

И вновь качнется маятник в часовне,
Среди венков и строгой тишины:
Я всех вас поименно помню, помню,
Погибшие за Родину сыны!

Тик-так... Пример показан был, как надо
Вести тяжёлый бой без лишних слов.
Не зря зовут отцом для Сталинграда
Отважный, сильный город Могилёв!

Тик-так... С тех пор на Буйничском поле
Росой ложатся слёзы матерей
Солдат, не знавших об исходе боя,
И в ополчение собранных людей.

Тик-так... Стоят зенитки, пушки, танки,
Сдержавшие ход немцев на восток...
А с неба молча смотрят спозаранку
Семён Кутепов, Симонов и Бог.

Тик-так... Считая мирные минуты,
Качнётся снова маятник Фуко.
Вся жизнь — меж крайних точек амплитуды,
Ушедшая от войн недалеко.

Тик-так... А мы опять несём гвоздики,
И красный флаг Победы вознесён.
И кажется, что проступают лики
Сквозь мрамор плит и золото имён.

*Брянским писателям,
не спящим ночью*

Время камень бросит в нас,
А не детский мячик.
И закончится рассказ
Сотнями болячек.
А пока что надо жить,
Жить без промедленья.
И судьбу свою вершить
Каждое мгновенье.
Знаю, легче нам порой
Говорить стихами,
Где лирический герой
Плачет вместе с нами.
Светит лампа до утра,
Жгутся киловатты,
Но идут из-под пера
Буквы, как солдаты.
Отоспимся: тихий час
В божьем царстве долог...
Может, кто-то вспомнит нас,
Пыль стирая с полок.

Чернобыльская боль

*Посвящается всем пострадавшим
от аварии на Чернобыльской АЭС*

Мальчишки и девчонки босиком
Играли у большой цветущей лужи...
Кто ж знал, какая боль придёт потом,
И с каждым годом будет только хуже?!

Молчали СМИ, весна всю цвела...
Не зная про зловещие угрозы,
Не ведая замедленного зла,
Мы впитывали пагубные дозы.

И у кого-то нет теперь детей,
Кому-то загорать нельзя на солнце.
Убийца-йод добрался до костей,
А с ним и радиоактивный стронций.

Хоть гены наших прадедов сильны,
Лишился каждый шансов быть здоровым:
Мы стали беззащитны и бледны,
А жизни путь — каким-то тупиковым.

Чернобыльская Брянщина моя
Затягивает пояса потуже...
Я пятилетней девочкой была,
Я тоже зачерпнула боль из лужи.

Защитникам Брестской крепости

Солдаты умирали, не сдаваясь,
Но крепость защищали, как могли.
И древнее Берестье содрогалось,
И плакал аист за рекой вдали.

В боях ожесточённых шли недели,
Сгорали жизнь и счастье, как мосты.
Казармы приграничной цитадели
Пустели без продуктов и воды.
Где Мухавец сливался с тихим Бугом
И плакала под ивами роса,
Солдаты уходили друг за другом
Из смертной схватки прямо в небеса.
Но дух бойцов отважных не был сломлен.
Он и поныне в крепости живёт.
Гудериан частично был разгромлен,
Не оправдался вермахта расчёт.
И что бы там теперь ни говорили,
Мы подвигом гордимся мировым.
Останется в веках и Пётр Гаврилов,
И смелый комиссар Ефим Фомин.
С почтеньем посещала я немало
Израненных войной священных мест.
И к Вечному огню Мемориала
Я поклониться вновь приеду в Брест.

Косички

Словно младшенькой сестричке,
Заплетал ты мне косички...
Целовал за прядью прядь.
Повторить бы всё опять,
Как любовь вплеталась тонко
В аромат густого шёлка,
И твоих ладоней жар
Нестерпимо искушал;
Как, смеясь под шёпот свечек,
Ты, мой милый человечек,
Обнимал меня любя,
Вечер тот не торопя.

Как с проворством летней пчёлки
Поправлял легонько чёлку,
Как друг другом увлеклись,
Что косички расплелись!

На пляже

Кромкой прибоя уходит в закат
День этот южный, румяно-фруктовый.
Зноем объят, как столетья назад,
Берег Горгиипии, древний и новый.

Волны смывают цепочку следов,
Словно стирает мгновенья и лица
Время течением быстрых годов,
Чтобы ничто не смогло повториться.

Ярче становится свет маяка,
Свежий загар чуть щекочет мне кожу.
Виден вдали силуэт рыбака,
Чем-то на крест православный похожий.

Волны нагонят рапанов с утра,
Чайки порадуют лёгким полётом.
Вечны вода, и песок, и ветра,
Только лишь мы на земле — мимоходом...

А. К. Толстому

Две сотни лет прошло, как две недели...
И мы идём к Толстому на поклон,
Чтоб снова колокольчики глядели,
Как по лугам стрелой несётся конь.

Я не умею гвозди гнуть руками,
Играть с бумажной, лёгкой берестой,
Зато могу дышать и жить стихами,
Как наш земляк — известный граф Толстой.

Я не могу охотиться, стреляя,
Медведей никогда я не убью,
Но чувствую, бруснику собирая,
Что Брянский лес я с детских лет люблю.

Я не сижу в усадьбе со свечами,
Осмысливая жизнь, как граф Толстой,
Но так же иногда не сплю ночами
И увлекаюсь рифмой непростой.

Козьму Пруткову не создам с друзьями,
А, впрочем, повторяться не хочу.
Но я горжусь своими сыновьями
И ребятнёй, которую учу.

Вновь Красный Рог гостей своих встречает,
И дух поэта чувствует земля.
Как жаль, что граф Толстой меня не знает,
Но, слава Богу, с ним знакома я!

Земля на Марсе

Земля на Марсе очень дорогая.
Её там столько!.. Нам с тобой не счесть!
Не чернозём, а «звёздная» такая,
Как раз для тех, кто не имеет честь.
Для тех, кто миллиарды получает
От недр земных, не сдерживая спесь.
Не думая, что кто-то голодает

И что больные дети где-то есть.
Участок Марса — вот предел мечтаний
Для тех, кто эту землю не копал,
Цветов не посадил весной ранней
И ближним никогда не помогал.
Соседняя планета станет краше,
Раз олигархов явится орда.
Послать бы их на Марс и даже дальше,
Чтоб не смогли вернуться никогда.

Весенний авитаминоз

Не ношу я веселые маски,
Не стираю чужие носки.
В понедельник тошнило от краски,
А сегодня тошнит от тоски.

То ли зимняя лень и усталость
Растворяются в талой воде...
Черепашкой ползущая старость
Притаилась уже в темноте.

От конфет не становится сладко,
И от лука не горько в крови.
Может, это всего лишь нехватка
По весне витамина любви?

На рассвете

Как же весело птицы щебечут
На рассвете в воскресное утро,
Будто жаркий мой сон снова лечат,
Но меня пробудить-то не трудно.

Нараспашку душа и окошко...
Шелест листьев домашних растений...
Побывать мне ещё бы немножко
В царстве грёз без забот и волнений.

Да куда там! Теперь вдохновенье
Прилетело, как летние птицы.
И рождается стихотворенье,
Как ребёнок, готовый родиться.

Я с балкона насыплю пернатым
С благодарностью гречневых зёрен.
Будет пусть дорогим и приятным
День, идущий под звон колоколен!

Александр НИКИТИН

Никитин Александр Александрович родился 28 августа 1974 года в г. Стародуб Брянской области. В 1991 году окончил Жуковскую среднюю школу № 2 и поступил в Самаркандское Высшее военное автомобильное командное училище им. Верховного Совета УзССР. В связи с распадом СССР в 1992 году перевёлся в Российскую Федерацию на новое место учёбы — в Борисоглебский

филиал Воронежского высшего военного авиационного инженерного училища. Прервав по семейным обстоятельствам армейскую учёбу, окончил Брасовский сельскохозяйственный техникум по специальности «правоведение». Работал юристом в Жуковский эксплуатационно—техническом узле связи (филиал ОАО «Брянсксвязьинформ»). В декабре 2000 года ушёл на пенсию по инвалидности после полученной травмы.

Живёт в Жуковке. Стихи публиковались в литературных альманахах, коллективных поэтических сборниках, в областной и районной периодической печати. Автор книги стихов «Облаком небо играло...» (2014). Дипломант V Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2 место в номинации «Философское стихотворение»). Член Международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России. Участник Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

* * *

И погоде под стать я сегодня, как август дождливый.
 Равнодушный к печалям и радостям, ждущим тепла.
 Может, позже поддержит сентябрь их палитроречивый,
 А сегодня пускай отдохнут от хлопот два крыла.

Хорошо будни лечат усталость от пряничных праздников,
Не снести длиной в век изверженья вулкан куража.
Похожу-поброжу, пожалею моих соучастников,
Приуставших от яркого неба моих два крыла.

И не ангел, не бес, а всего на постой обыватель
Удивлённый возможностью в небе не часто парить.
И, спускаясь с небес, начинает свой день созерцатель,
Чтобы снова печалью и радостью небо взбурлить.

Был сентябрь

Был сентябрь. Отголосками лета
Переполнен выше краёв,
В бесконечное эхо одетый
Из тепла лучезарных оков.

Ни дождей, ни прохлады бодрящей.
Переспелое чувство любви
Пересытившее и хандрящей
Ленной массой, не к месту жары.

Той, что вдруг, не спросив и неожиданно,
Вытесняя всё прочь, на века.
Как бы благо, но чувствуешь странно
В этой сказке чрезмерной себя.

Не ко времени? Что для природы
Наших образов строчечный пыл?
Нет для нас у неё той погоды,
Чтобы был этот образ двукрыл?

Нет бы вплавь по теплу этой сказки,
По течению жаркой реки.

Сердцу с разумом в дружеской связке.
Вот и скучно уже от любви.

А сентябрь дарит нам бескорыстно
Без вопросов, ответов, тепло.
А к любви относиться капризно —
Значит, в чём-то не повезло

Человеческой нашей природе.
В золотой середине тая:
Постоянно вопросы к погоде,
Словом, важный момент бытия.

Был сентябрь. Отголосками лета
Переполнен выше краёв
В бесконечное эхо одетый
Из тепла лучезарных оков.

* * *

Сбежать хотел, с небес дождём вернулся,
Проникнув с каждой каплей в суть вещей
И от возможностей таких чуть не свихнулся,
Почувствовав раскидистость ветвей,

Почувствовав былинки стойкость в поле,
Почувствовав стремительность реки,
Почувствовав бескрайность чувства воли,
Как связаны вершки и корешки.

Намёк небес: «Дружище, прежний разум
Не подойдёт для новых величин,
Теперь всё сочетать ты будешь разом,
Но, как и прежде, будешь ты один».

Откроется тропа. И путь-дорога
Не сразу, но куда теперь спешить?
Родили небеса земного бога
Без права с человеком говорить.

Пройдут года, столетия. Быть может,
Утихнет спор небес на счёт меня.
Но что же так сомнения-то гложут?
Что ж, по тропе вперёд, начало дня.

Знать бы

Знать бы, где молчать, где говорить
При общенье с Богом и Природой.
Трудно человеку путь торить:
Быть железорудною породой.

Брать себя в себе и насыпать
На весы. Затем в плавильной печке
Отливать металл и после ждать:
Заспешит ли, застучит сердечко?

Заспешит, так оживёт, металл.
Воцарятся радости, печали.
Ржавый след от слёз предельно мал,
От стихий велик, пройдя сквозь дали.

Сказка про живой металл иль быть?
Пусть решает каждый для себя.
С ржавчиной сдаём мечты в утиль.
С ржавчиной извечная борьба?

*Зима.
Оконца ночных деревенок*

Оконца ночных деревенок
Теплом говорящим в снегу.
Близки, далеки. Современник,
Вглядись в бытие на бегу.

По трассе из автомобиля
Не многое выхватишь. Всё ж
Вглядись, там пока ещё в силе
Так жить. Новый смысл обретёшь,

Задумавшись (то ли в печали),
Над разностью величин
Которые не замечали:
Под солнцем не тот груз кручин.

Опять между светом и тьмою
Вопрос, за вопросом встаёт
На грани — холодной зимою,
Где жизнь смысл и силы берёт?

И кажется, что словно пленник
По счёту, какой уже век
В оконцах ночных деревенок
Живёт и живёт человек.

* * *

Скука без печали — жизнь в полтона,
Словно без палитры яркой грёзы.
А в усмешке ждущего бутона
Зарождается улыбка розы.

Испытанье чувствами чревато,
А без испытаний пусто в жизни:
Нет того объемного охвата,
Зришь когда на многое с вершины.

Без хандры хотя бы и минутной
Не познать в себе потенциала.
Свет звезды иголкой занудной...
Не спасает от него забрало.

Окунуться бы в святые воды
Как младенцу: на поруки к Богу.
Но не смоешь, окунаясь, годы
И не станешь от эмоций с боку.

Всё внутри тебя: и Бог и годы.
Чувства и эмоции так рядом.
Знать не могут: радости, невзгоды
Друг без друга, как и рай без ада.

Что даёшь вкушать, то и занозит
Сердце, разум, душу и печёнку
Организм всегда чего-то просит,
Не уластишь под одну гребёнку.

Начинаешь жить одним из многих
Чем-то, жертвуя всегда из прочих
И со временем из действий строгих
Будут прочие не так охочи.

Весенним деньком

Как, золото солнца в реке серебрилось,
Играло полуденно после дождя.
Эстетство сквозило, эстетство храбрилось,
Входило в округу с упрямством гвоздя.

И образы сыпались щедрой рукою
Бессвязанно и не логично на взгляд,
Который выискивал связь, острогою
Пытаясь поймать, уловить всё подряд.

И два острия укололи друг друга
И не разойдясь, продолжали давить
С упрямством. Но только от этого трюка
Ни строчки, ни слога не смог оживить.

Смотрел и смотрел, как река серебрилась
От золота солнца, почти чудеса.
И образов ждущих когорта грудилась,
Но только молчали во мне словеса.

И было достаточно лишь созерцанья,
Улова на память, до лучших времён.
И будущих строчек в сознание мерцанье.
Случилось всё это весенним днёмком.

* * *

N.

То ли миг прощанья, то ли встречи.
Предстоящий долгий разговор.
Август, день последний, вот и лето
Костюмеру свой сдаёт убор.

Мы с тобой как звёздные актёры,
Спутавшие акт второй, финал.
И ночные наши разговоры:
Маски: то улыбка, то оскал.

Эпилог, пролог житейских будней
(Облака и синь, как давний спор.)

Август и сентябрь. Да, им уютней
Будет, если канет разговор.

А вокруг ленивые вороны
Соревнуются в протяжном эр-р-р.
У любви земной свои каноны,
А у нас, из нам привычных мер.

Наши чувства, наши разговоры:
Лето, осень, зимушка, весна.
То закаты, то рассветы. Споры
К истине ведут, но пелена

Из эмоций, от которых слепнем
И не знаем путь держать куда.
День последний лета, словно кремнем
Искру высек, вновь зажжёт сердца.

На грани светотьмы

1.

Скучал, признаюсь(в Овстуге), лирично.
Не первый раз, вторгаясь в старый парк.
Он всякий раз встречал чуть иронично,
С рассветом пряча в дальний угол мрак.

Входил. И мне привычно скрип калитки
Едва ловимый в спящей вышине...
И звук шагов моих (аллеей) зыбких
Неровно отзывался в тишине.

2.

В ночи поэзной не бродил, не знаю.
Как шелестят, молчат деревья в нём.

Быть может в ночь, войдя, я поменяю
Привычный скуки бриз на строчный шторм?

В глубины окунусь живущих мифов
И заведу неспешный разговор,
И избегу дневных, привычных рифов,
Закончу свой с собой усталый спор.

3.

На грани светотьмы острее слово
Его не удержать, не проглотить.
Эмоциям в эмоциях — сурово,
На первый взгляд, в кулисах ждущей тьмы.

4.

Познания сознание стреножат. А дальше?
Дальше буду снова я. Искать слова,
Стараться что б без фальши
Шумела в кронах парка строф гульба.

О свете, о дневном явленье жизни
В ночь говорить в границах новых строк.
В лиричной скуке, что-то есть от тризны.
И солнца, и луны не хватит впрок.

На грани светотьмы — на перепутье
(Меж тьмой и светом) выбор не велик.
Деревья парка смотрят, словно судьи
Им строф гульба, как перечень улик.

И пусть текут минуты безвозвратно,
А старый парк при свете и при тьме
Всегда встречает, но одно отрадно:
Что Овстуг был и есть в моей судьбе.

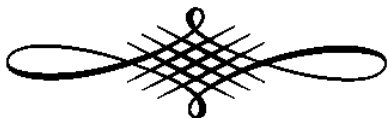
Вечер

На исходе дня скупая просинь
Разгулялась, обнажив закат.
Вечер суетливо молвил: «Осень,
Упроси светило дать антракт.

Упроси и тьму в её величье
В закулисье задержаться дочь.
Пусть напудрит звёздами обличье,
Пусть неспешной будет эта ночь.

Мне найдётся, что сказать прилюдно.
Короток мой век и всякий раз
Не хватает мига, так паскудно
От зачатых, не рождённых фраз.

А с закатом суть совсем иная:
Отблески зари и зрелость дня.
Философский час. А жизнь взрывная
Ощутит спокойствие огня».

Ольга ПРИЛЕПОВА

Прилепова Ольга Юрьевна (в девичестве Сипачёва) родилась 18 декабря 1985 года в г. Брянске. В 2003 году окончила среднюю школу №67, а в 2009 году с отличием лесохозяйственный факультет БГИТА. С 2009 года аспирантка этого факультета. С 2006 г. работает помощником лесничего Белоглавского участкового лесничества. Замужем. Воспитывает сына и двух дочерей. В настоящее время проживает на хуторе Поляковка Жуковского района.

Поэт и прозаик. Стихи печатались в районных газетах и сборниках литературного объединения «Стожары».

Пчёлки

1.

Стоял жаркий майский день. В тенистом саду под раскидистой старой яблоней на скамейке сидел дед Степан и плёл лапоть. Рядом в ивовой корзинке лежало лыко. Потемневшие от времени и солнца руки отлично знали дело, и вскоре рядом с одним новеньким красавцем-лаптем появился второй. Дед положил оба лаптя в корзину с оставшимся лыком и было уже собирался пойти из сада в дом, как вдруг услышал пронзительный крик маленького мальчика.

Из зарослей кустарников, где стояли колоды с пчёлами, выбежал его пятилетний внук Данька со слезами на глазах, тряся маленькой ручкой с покрасневшим и опухшим пальчиком. Под-

бежав, уткнулся ему в колени и горько заплакал. Старик погладил мальчишку по русой кудрявой головке и спросил:

— Ну что с тобой, внучек?

Глотая слёзы, Данька ответил:

— Плохая пчёлка, злая! Она за пальчик меня кусь! А я..., а я... не буду больше к пчёлкам подходить, они плохие!

Степан достал спрятанный от жары в траве около скамейки кувшин с прохладной водой:

— На-ка, малец, попей водички и расскажи по порядку, что случилось.

Мальчик сделал несколько жадных глотков, перестал, наконец, всхлипывать и произнёс:

— Деда, мне интересно стало, чего они там жужжат, летают, ну пчёлки, много их там, целые тучи! Я подошёл к одной колоде, заглянул в леток. Пчёлки красивые, полосатенькие, некоторые с шариками на задних лапках, будто в штанишках. Одна пчёлка мне на ручку села, я испугался и стал её стряхивать, а она меня за пальчик укусила.

Тут опять у Даньки слёзы подступили, но дед, заметив это, снова предложил ему попить водички, и мальчик успокоился окончательно.

— Так потому пчёлка тебя и укусила, что испугался ты, Данечка. Видишь ли, не любят этого пчёлки. Живность разная вообще страха людского не терпит, злиться начинает. Ко всему живому надо с любовью внучек, как к друзьям своим.

2.

Надо сказать, что Данька к советам деда всегда прислушивался. Родители его жили далеко. Дочь Степана, красавица Меланья, вышла замуж за отставного офицера. Он увез её с собой в город, приучил к светской жизни. Вскоре у них родился сын Даниил, попростому Данила. Девушка стала постепенно забывать то, чему учил её отец. Ничего не мог поделаться старик и забрал внука к себе.

Дед Степан, несмотря на свой солидный возраст (а шёл ему уже седьмой десяток), в отличие от селян — одногодок выглядел

вполне моложаво. Седые, почти белые волосы кудрями рассыпались по всё ещё богатырским плечам. Крепкое могучее тело, угадывающееся под белесой потёртой льняной рубахой из грубого полотна, большие босые ноги, торчащие из под подвёрнутых штанов — всё это говорило о том, что не стёрла жизнь из этого старика ни силу ни здоровье.

Слышал Данька, как называли деда в селе, кто знахарем, а кто и колдуном. В доме его, стоящем не в самом селении, а рядом на лесной опушке, всегда стоял пряный терпкий аромат развешанных по бревёнчатым стенам разных трав, связанных в пучки. Собирал их старик везде: в поле, по огородам, на лугу и в лесу. Знал он силу каждой травинки. Ездил дед в повозке, запряженной молодым красивым лосем по кличке Буян, немного прихрамывавшим на одну переднюю ногу. Подобрал он его в лесу ещё лосёнком, раненным охотниками, вылечил и оставил у себя. Старик и лось были почти неразлучны

Спросил Данька как-то Степана:

— Дед, а дед? А почём ты не на лошади в лес ездишь? Наша Ночка старая уже, но ведь можно и жеребёночка молодого себе завести?

Только улыбнулся хитро дед:

— А лосик-то у нас с тобой волшебный! Вишь, как быстро и ловко через завалы лесные скачет Буян. И без дороги к нужному месту выведет, да потом обратно домой привезёт!

Знал Степан, что по лесу лось идёт быстрее лошади, не пугается звуков лесных и плохой дороги. Жила у деда старая кобыла Ночка, которую он почти и не запрягал никогда, но, помня о её былой верной службе, всегда предоставлял еды вволю и крышу над головой.

Вообще Степан любил животных, и их было много на его усадьбе: туда-сюда шмыгали ежи, совершенно не боясь человека, возле сарая жили ужи, по деревьям скакали белки, птиц было видимо-невидимо. Приходили к нему, особенно зимой и лесные звери. Рассыпал старик по краю леса зерно, орехи и ягод сушёных припасал для птиц. В доме жил крупный серый в по-

лоску кот Васька и маленькая пушистая собачка Жучка. Вся-вся степанова живность была дружна между собой и уважительно относилась к своему хозяину.

Данька, живя в таком окружении, привык видеть много разных животных, общался с ними, но никогда не переставал удивляться как тот или иной зверь понимает деда.

Засмотрелся как-то мальчонка на птичку-синичку, улыбнулся ей. Она глядит на него внимательно, но близко не подлетает. Дед Степан увидел такую картину, подошёл ближе, руку протянул, и лесная птица раз и села ему на ладонь. Поднес тогда старик птичку к внуку, дал погладить, а она жмурится от удовольствия и не улетает.

— Почём не боится тебя птичка, деда? — спросил Данька. Хоть не раз видел он, как дед Степан и медведя с виду грозного по холке треплет и волка, а всё ж изумился.

— погоди, малец, дело-то не хитрое, и ты всему научишься, — сказал и с хитринкой улыбнулся, как всегда, Степан.

Часто брал дед внука с собой ездить по всяким нуждам. И видел Данька лес, нескончаемый и могучий, с густыми, как будто тёплыми и приветными дубравами, залитыми медовым светом солнечными сосняками, ельниками, немного пугающими и тёмными, и, наконец, ажурными березняками. Иногда в одном месте росли разные деревья — осины, берёзы, дубы, ели, сосны, перемежаясь разнообразными, диковинными для Даньки кустарниками, имевшими причудливые цветы и плоды. Участки леса разделяли полянки, наполненные ароматом пряных трав и цветов, перелески, лесные озёра, речки и ручьи, с кристально чистой водой, иногда и болота с их обманчивым полупрозрачным редколесьем. В низинах выходили на поверхность меловые слои, ручьи местами размывали их, вымывая пещеры и впадины, обнажая древние валуны, окатанные водой и ветром. Лес граничил с заливным лугом, который пересекала большая река. Всё это населяло множество зверей и птиц. Мир вокруг маленького мальчика был поистине огромен и многообразен.

3.

Шёл июнь месяц, и лес, в это время наполненный сладким ароматом зреющей земляники и черники, просто манил к себе всех любителей ягодного лакомства и особенно детей.

Утром дед Степан, как обычно, возился со своей живностью. Данила, слегка перекусив, подбежал к нему и радостно сообщил, что собирается пойти погулять по лесу, недалеко от дома, в поисках зрелых ягод. Степан, немного поворчав, отпустил его.

Могучий старый сосняк источал сильный сладкий земляничный аромат, который, перемешиваясь с запахом сосновой смолы, становился ещё сильнее и просто дурманил голову. Некоторые полянки казались просто красными от ягод, они сменяли одна другую и уводили мальчишку всё дальше и дальше от дома вглубь леса.

Внезапно ягодное изобилие кончилось, и перед Данькой возник светлый редкий березняк. Мальчика удивило то, что на фоне окружающих могучих деревьев эти берёзки были какими-то маленькими, с тонкими стволиками и отстояли далеко друг от друга. Под ними росла ровным ковром сочная изумрудная густая трава. Данила решил добраться до следующей земляничной полянки через этот березнячок. Тем более, что в лесу много завалов, и идти по нему труднее.

Но как только ножка маленького мальчика ступила на этот сочный зелёный ковёр, тут же погрузилась в холодную воду. Данька, не чувствуя дна, глубже погружался одной ногой в лесное болото, другая всё ещё оставалась на твердой почве. Руками он ухватился за тонкий ствол берёзки, но самостоятельно вытянуть затянувшуюся в топкое болото ногу не мог.

От страха Данька разревелся, что было мочи, и стал звать на подмогу деда, но старик был далеко.

Когда силы были уже на исходе, мальчик заметил, как из лесной чащи синим цветом сверкнули два больших глаза — огромная серая волчица стремительно приближалась к нему. Как ни странно, но ни тени страха в сердце Данилы не было — мальчик стих и только взглядом просил о помощи. Волчица, добежав, жа-

лобно заскулила, потом опустила на передние лапы, протянув голову в сторону ребёнка. Он, не мешкаясь, ухватился ей за загривок, а могучий зверь разом вырвал его из трясины. Мальчика охватило чувство защищённости, которое дети чувствуют рядом с матерью. Данька перебрался на спину волчицы, крепко ухватившись за густую шерсть, и она быстро, галопом, понесла его из леса. Перед глазами маленького седока мелькали полянки, на которых он недавно собирал ягоды, стволы деревьев. Лесной зверь ловко перепрыгивал через валежник, и тогда Данька будто бы взлетал над землей. Всё происходящее было до конца не осознаваемым, будто во сне. Волчица донесла его до границы леса, почти вплотную приблизившись к дому деда Степана. Она не спеша остановилась, упала на передние лапы, как тогда, когда Данька хватался за неё в трясины, позволяя ребёнку слезть. А когда мальчик опустился на землю, то опять заскулила, не желая прощаться, потопталась на месте, лизнула Данилу прямо в лицо и стрелой помчалась обратно в лес.

Из каютки навстречу внуку вышел дед. С хитрецей была улыбка на его загорелом морщинистом лице. Данька сначала всё ещё стоял и хлопал глазами, а потом бросился навстречу Степану:

— Знаешь, дед, что я тебе сейчас расскажу?!

Лада

1.

К маленькому деревянному домику, покрашенному синей краской, и с резными наличниками на окнах подъехала дорогая иномарка. Из неё вышли две среднего возраста женщины, потом одна из них открыла заднюю дверцу автомобиля и помогла выйти молодому мужчине. На вид ему было чуть больше тридцати лет, но его тяжёлый измученный взгляд и землистый оттенок кожи выдавали в нём признаки болезни. Короткие каштановые волосы, карие глаза, одет он был в коричневую кожаную куртку и чёрные джинсы. Приехавшие направились к ка-

литке домика. Молодой человек изо всех сил старался не показывать свою немощность, но одна из женщин держала его под руку, а другая шла рядом, готовая чуть что, подхватить.

Подойдя, наконец, к калитке, та, что держала парня под руку, позвонила в дверь, и через некоторое время на пороге дома появилась молодая девушка.

Одежда на ней была простая: хлопковая блузка под вязаной кофточкой, тёмная, ниже колен, юбка да старенькие туфли. Но сама внешность девушки завораживала: золотисто-соломенные пышные густые волосы, собранные в хвост, голубые, словно источающие мягкий свет, глаза, высокий стройный стан.

Потухший до того взгляд парня оживился, и он, почти не моргая, смотрел несколько минут на девушку, стараясь не пропустить ни одного её движения. Красавица смутилась, и вся картина будто замерла. Молчание прервала позвонившая в дверь женщина:

— Здравствуй, Лада!

Её почти перебила вторая:

— Здравствуй, Ладочка! Одна надежда на тебя и осталась! Тебе тётя Света должна была рассказать, что мы приедем сегодня. Спаси моего сыночка!..— при этих словах она поправила упавшие на лицо каштановые с проседью волосы и не смогла сдерживать больше слёз.

— Здравствуйте! Тётя Наташ, не плачьте, предупредила меня тётя Света, проходите, пожалуйста, — и жестом пригласила всех в дом.

Гости прошли на кухню, где хозяйка усадила женщин за накрытый стол, а больного мужчину позвала в гостиную.

2.

В одной молодой семье, жившей в частном секторе небольшого городка, ранним весенним утром родилась девочка. Роды, начавшиеся внезапно ночью, были очень стремительными. Муж Виктор дрожащими от волнения пальцами набирал номер скорой помощи. Через час молодая мама Олеся уже держала на ру-

ках маленькую голубоглазую дочурку. Она была вся такая ладная да складная, что родители единодушно решили назвать её Ладой. Приехавшая с опозданием карета скорой помощи всё же забрала на несколько дней молодую роженицу с приплодом в больницу.

Ладушка росла очень подвижным и общительным ребёнком. Втора своему имени, ладила со всеми, умела найти общий язык почти с каждым человеком. Она будто видела людей насквозь, казалось, слышала их мысли и чувства.

Пришла как-то в гости к ним в дом подруга её матери Светлана. Олеся суежилась на кухне с пирогом к чаю, и дверь открыла пятилетняя Лада.

— Здравствуй, Ладушка, — сказала гостья уставшим голосом.

— Здравствуйте, — ответила девочка, — у вас голова болит? — спросила она.

— Да. А как ты узнала?

— Проходите, тетя Свет, — малышка взяла женщину за руку и усадила в кресло, посмотрела на неё своими ясными, по-детски чистыми и большими голубыми глазами, отчего по телу гостьи стало разливаться тепло. Светлане стало так хорошо, что она и не заметила, как сильный приступ мигрени, мучавший её до этого, отступил.

В комнату вошла Олеся:

— Здравствуй, Света! А я тут с пирогом завозилась, еле управилась. Скоро будем пить чай!

Только тут Светлана поняла, что нет больше боли. Чувство удивления и смятения нахлынуло на неё.

— Ты, знаешь, Олеся, ведь я еле дошла до вас, так сильно разболелась голова. А тут дочка твоя за руку меня взяла, как-то посмотрела по-своему и, веришь ли, прошла моя голова, совсем не болит!

В доказательство своих слов женщина помотала головой в разные стороны, боли действительно не было.

В тот вечер женщины решили, что это, скорее всего, простое совпадение. Но уже через некоторое время случай с приступом

язвы соседки уверил их в обратном. Добавило достоверности необыкновенному дару Лады и вылеченное ею колено одного родственника. В общем, вскоре весть о маленькой целительнице облетела всю округу.

Лада росла... из маленькой девочки превратилась в изумительную красавицу-девушку. О своих способностях она не любила распространяться, чаще просто отшучивалась и помогала только в крайних случаях, считая, что человек должен сам справиться со своей болезнью. Она всегда пыталась объяснять, отчего произошёл тот или иной недуг. Да и мать всячески пыталась оградить дочку от навязчивых страждущих.

Ощущая в себе силу лечить людей, Лада поступила в медицинский вуз, мечтала стать терапевтом и работать у себя в районной поликлинике.

3.

Пышноволосяя красавица усадила молодого мужчину в кресло, а сама села напротив него на стул. Замерла. Не мигая, стала пристально смотреть на него. Из её голубых глаз исходило тепло, оно как бы пронизывало и окутывало молодого человека. Девушка встала, подошла к нему, провела несколько раз рукой по его спине. Больной ощутил необычайное тепло её руки даже через вязаный свитер. Будто растворяясь в этой неге, ему стало так хорошо, что даже растерялся немного от того, когда через какое-то время девушка похлопала его по плечу и сказала:

— Ну, кажется, пока на сегодня всё. Как вы себя чувствуете?

Михаил (так звали парня) встрепенулся и ответил:

— Вы не поверите, но впервые за долгие месяцы хорошо! Даже краски вокруг ярче что ли стали и лёгкость в теле необычная какая-то... Ах, да, простите, забыл представиться — меня зовут Михаил.

— А меня Лада, очень приятно!

— Ну вот и познакомились! — тут он почему-то по-мужски пожал ей руку, и, окончательно сконфузившись от этого своего жеста, засобирался к выходу.

Лада сама была немного смущена, и на неё нахлынула волна необъяснимого тепла. Атласные щёки заиграли румянцем, отчего она стала ещё красивее.

— Ну, так пойдёмте пить чай! — наконец предложила девушка, чем разрядила напряжённую ситуацию.

На кухне сидели Светлана и мама Михаила — Наталья. Женщина смотрела на своего сына заплаканными, но полными надежды глазами. Парень вошёл к ним с блестящим взором и твёрдой уверенной походкой подошёл к столу:

— Вы тут, наверное, все плюшки без меня съели! — пошутил он.

— Ой, Ладущ, милая моя! — начала говорить Наталья, — Спасибо, что не отказала нам! Миша мой не любит об этом говорить, но тут уж все свои. У него полгода назад начались проблемы с позвоночником. Врачи лишь разводили руками. Пришлось оставить любимое дело — он же у нас лётчик-испытатель! Перешёл на кабинетную работу. Ненавидит он с бумажками возиться, а что поделает, хоть сквозь окна и стены конторы слушал рёв самолётов... — тут на глаза Натальи навернулись слёзы.

— Мам, ну хватит, перестань... — поддержал её сын.

— Ладно, Миш, дай договорю, — продолжила Наталья. — Здоровье его становилось всё хуже и хуже, стали отказывать ноги. Больше всего он боялся остаться прикованным к постели. Шесть месяцев жизни превратились в сплошной кошмар. А недавно Света рассказала мне о тебе, о твоих способностях!

— Не переживайте так, — сказала девушка, — думаю, мы вместе справимся с этой напастью.

Её щёки снова запылали румянцем.

4.

На протяжении трёх месяцев два раза в неделю приезжали Наталья с Михаилом к Ладе. За это время парень и девушка очень подружились. После сеансов лечения пили чай и говорили обо всём на свете.

В один тёплый летний вечер, когда стало уже темнеть, и на ещё расцветенном закатными красками небосводе загорались

первые звёзды, Михаил понял, что засиделся у Лады. Время, отведённое для лечения, пролетело незаметно, и за увлекательной беседой он не увидел, что начало смеркаться. Их матери поначалу пили чай на кухне, а потом и вовсе куда-то ушли, оставив молодых людей наедине.

— Лада, извините, мне, наверное, уже пора. Мама куда-то ещё запропастилась, от дел вас отвлекаем только своими визитами, — произнёс Михаил.

Ему очень нравилось общество его целительницы, но в то же время было неудобно отнимать у неё так много времени.

— Михаил, не волнуйтесь, мама сказала мне, что они с Вашей матерью к тёте Свете в гости пошли.

— А давайте, Лада, немного по улице пройдемся! Из открытого окна так тянет свежим прохладным воздухом, очень захотелось им подышать!

— Давайте! Сейчас, минутку, я только накину что-нибудь.

Солнце уже спряталось. О нём напоминала только широкая светлая полоса в западной части неба, ещё немного золотистая к горизонту. На безлунном чистом тёмно-синем небесном своде гирляндами блистали звёзды. Стрекотание сверчков разносилось в прохладном воздухе, настоящем на ароматах трав и цветов после жаркого дня.

Молодые люди шли не спеша по широкой просёлочной дороге. Лада чувствовала, как уже успевшая лечь на траву холодная роса касается её ног через босоножки, но от наброшенной на плечи шали было тепло. И что-то другое, кроме этой шали, грело девушку изнутри. Михаил шёл немножко в стороне, боясь ненароком коснуться спутницы, и то окидывал взглядом потемневшие ночные лес и поле, то пристально вглядывался в небо, будто ища что-то в нём.

— Знаете, Лада, — нарушил тишину Михаил, — я всегда любил небо. Холодное лазурное днём, бесконечное и бездонное ночью. Оно загадочное, полное тайн, оно дарит ощущение свободы и причастности к огромному миру, который мы здесь, на земле, не видим и не можем постичь, ко всей Вселенной. Я

каждый день жил в предвкушении очередного полёта, чтобы снова и снова иметь возможность испытывать это прикосновение ко Вселенной. А сейчас мне очень хорошо здесь, на земле. Нравится чувствовать мягкость травы под подошвами ботинок, вдыхать этот воздух. Мне кажется, через эти ощущения я вижу и понимаю сейчас больше, чем там, в небе. Такое чувство у меня впервые...

— А я всегда чувствую Вселенную, Михаил. Через прикосновение к деревьям и травам, через пение птиц и журчание ручья, через мерцание звёзд и раскаты грома. Она вокруг нас и в нас. Она говорит с нами постоянно, только не все умеют слушать.

Лада остановилась и повернулась лицом к Михаилу. Было уже совсем темно, и он не мог видеть её глаз и лица, но чувствовал, что она улыбается, и что-то большое и тёплое окутало его всего и унесло наверх, к звёздам...

5.

Два последних раза Михаил приезжал один, без матери и сам вёл машину.

И вот наступил день, когда он стоял на пороге дома Лады с огромным букетом ярко-алых роз. Девушка узнала, что он недавно был у своего врача в больнице. Доктор, мягко говоря, был в шоке, обследовав его, и, придя к выводу, что молодой человек совершенно здоров, сказал, что вскоре он может вернуться за штурвал самолёта.

Было погожее осеннее утро. Легкий морозец пощипывал щёки. Михаил бодрый и весёлый, одев лётную экипировку, направлялся к новой модификации ЯКа. Предстояло опробовать самолёт в небе. Неделю до планового полёта инженеры проверяли всю бортовую электронику, общую готовность к полёту. Убедившись, что машина полностью подготовлена к испытаниям, руководство аэродрома поручило вести полёт опытному лётчику Михаилу Степанову.

Рядом с ЯКом стоял друг Михаила Артём, работавший авиационным техником на аэродроме.

— Ну что, поздравляю с первым в этом году полётом, Миш! Мы тут по тебе соскучились уже! — Артём поприветствовал Михаила крепким рукопожатием.

— Да и я и по вам, и по самолётам, и по небу! — ответил радостно Михаил, усаживаясь в кабину пилота.

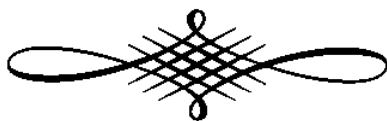
По взлетно-посадочной полосе самолёт шёл легко и быстро. Вскоре убрались шасси, набиралась высота. Крылья лёгкой машины рассекали безоблачное небо. Всё шло по плану. Пилот сделал несколько фигур в небе, облетел аэродром, пришло время возвращаться на землю.

Неожиданно самолёт потерял управление, Михаил с ужасом понял, что этот железный зверь больше его не слушается. Напрасно он пытался манипулировать ручным и ножным управлением, вскоре пропала связь с диспетчером. Горизонт несколько раз перевернулся в глазах пилота, кровь то отливала, то вновь прилиwała в мозг. Самолёт уходил в штопор. Далее всё было как в замедленной съёмке. В полной тишине отчётливо прозвучал женский голос:

— Не бойся, всё будет хорошо! Набирай высоту!

Снова загорелись лампочки бортовой электроники. Сам ничего не понимая, Михаил уже ехал по взлетно-посадочной полосе.

Навстречу ему бежали почти все находящиеся на аэродроме люди. Невнятно объяснившись с руководством и сославшись на плохое самочувствие, лётчик отпросился домой. Но не туда он поехал, а поспешил к маленькому домику с наличниками на окнах. Он узнал этот голос...

Наталья ПУГАЧЁВА

Пугачёва (Готовчик) Наталья Михайловна родилась в городе Кричеве Могилёвской области (Беларусь). Проживает в городе Жуковке Брянской области. Занимается педагогической деятельностью — преподаёт изобразительное искусство, мировую художественную культуру, основы православной культуры в Жуковской СОШ №1 им. Б.В. Белявского. С 2015 года является членом международного Союза педагогов-художников.

На протяжении нескольких лет работала литературным сотрудником в редакции газеты «Маяк» Новозыбковского района, заведовала районным отделом радиовещания. В редакции газеты «Знамя» Злынковского района руководила работой отдела писем, была ответственным секретарём газеты.

В 2016 году вошла в состав Жуковского литературного объединения «Стожары». Участвовала в поэтическом конкурсе в рамках Фестиваля и творчества «Жар-Цвет» в городе Могилёве Республики Беларусь, где стала лауреатом за серию стихов «О вечном».

Публиковалась в литературном альманахе Жуковского литературного объединения «Стожары». Автор сборников стихов «Признание» (2018) и «Маленькие истории» (2019). Презентация книг прошла в городах Карачев (Брянская область) и Кричев (Беларусь).

Приезд Пушкина в Михайловское

*События судьбой предрешены.
Сбываются несбыточные сны.*

*Рассвет забрезжил... В материнский дом
Вернулся ты. Всем пылким существом*

Отрёкшись от салонной суеты,
Вновь Божьей воле подчинился ты.
Вдали от городов, больших дорог,
Похоже, Он тебя и впрямь берёт.
А Петербург остался как во сне,
Друзья, салоны, встречи на Неве...
Твой гений, «арзамасский наш сверчок»,
Нашёл душе уютный уголок.

В Михайловском — родном селенье, рад
Быль вспомнить ты метель и снегопад,
Когда в передней с нянею сидел
И на вязанье мерное глядел,
На голову, опущенную ниц...
А няня, не откладывая спиц,
Всё говорила сказки в тишине,
И ветер выл в заснеженном окне.
Мурлыкал кот, забравшись на камин,
Волшебных сказок мудрый господин.
И от зелёной лампы тёплый свет
Лучился. Им ты тоже был согрет.

За письменным столом до темноты
Над рукописью вновь склонялся ты.
И Байрон — рядом был его портрет,
Давал тебе нечаянный совет.
И мысли вдаль мечты уже несли,
Строка к строке на чистый лист текли,
Онегин — друг печальных вечеров,
Вновь посещал Михайловский покров.
И Годунов за кружкой не зря
Мечтал о троне русского царя.
А то цыгане шумною толпой
Входили в дом с судьбой их роковой.

И рукопись с рисунками ты вновь
Держал в руках и думал про любовь.
Вставал и шёл, вновь подходил к столу...
И вновь влюблялся в эту тишину
Беспечных дней, в простор лугов, реки.
Здесь, в Сороти, ловили рыбаки
Лещей и щук. Несли к столу грибы
Из Лукоморья. В нём росли дубы,
И ели поднимались до небес –
Манил к себе усадьбы дивный лес.

В Бугрово ты захаживал порой,
Что в два двора стояло под горой,
В рубахе красной, шляпе непростой,
Соломенной, да с тросточкой смешной.
Говаривать с крестьянами любил,
Со здешними детишками дружил.
Без новостей прожить не мог ни дня.
Пускал в галоп строптивного коня
И мчал в Григорское вдоль Сороти, гоним
Порывом вольным и безудержным твоим.
Пунш на столе, шутливый разговор
И взгляды тайные, и всякий милый вздор.
В Петровском, где жил дед твой Ганнибал,
Ты старые архивы изучал.
Сидел за книгами подолгу, а потом
Спешил в Михайловское, в старый добрый дом.

Всё было мило... Всякий новый день
Отбрасывал назойливую лень.
С утра в село Воронич ты скакал,
Где местный «Шкода поп» уже встречал.
Священника Раевского любил,
Часами слушал, и благодарил.
Но спуску в спорах «Шкода» не давал,

За баловство отчаянно ругал,
И вновь прощал и баловство твоё,
И дерзкий ум за острое перо.

Так минуло полгода. Вновь пурга
Укрыла белым снегом берега,
Лохматый тёмный лес, широкий лог.
Не видно ни тропинок, ни дорог...
Но что пурга, коль друг былых пиров
Стремился под заснеженный покров.
И лошади несли, что было сил
Кривой тропой повозку, разносил
Морозный ветер звон. Вот поворот,
И сани у притворенных ворот.
Возница не справляется. Рывок!
И вот он долгожданный уголок!
Заснеженное белое крыльцо
И Пущина счастливое лицо!
Вдруг суета.., уже трещат дрова,
Слова, слова, слова, слова....
Горячий кофе, кружки на столе,
И разговор за полночь в тишине.

Под чистую прозрачную капель
Опять нагрянул солнечный апрель,
Приехал Дельвиг! Вдохновенью строк
Добавив поэтический урок.
Три дня в Михайловском... И чтение стихов
До утренних весёлых петухов!
А время шло и как-то невзначай
Осыпался черёмухою май.
Июнь под сенью липовых аллей
Пролил медовый сладостный елей.
Под звон пчелы, под шёпот ветра вновь
Проснулась в сердце новая любовь.

Ты шёл туда, где свет в тиши аллей
Манил под сень июльских светлых дней,
В Тригорское над Соротью-рекой,
Где был украден юности покой.
Здесь на поляне дуб уединён
Свидетель встреч, прогулок компаньон
Татьяны и Евгения стоял,
Здесь о любви и ты не зря мечтал.
И Анна Керн, небесный ангел твой,
Заставила забыть покой земной.
Да, шорохи Михайловских аллей
В ночи нам вновь напомнили о ней.

Минуло лето. Золотым дождём
Парк облетал. И солнечным теплом
Ласкала осень долгий листопад,
Роняя в Сороть свой небесный взгляд.
Осенней той поры святые дни
Как сладкий мёд размеренно текли.
Приняв заботу, ласку и любовь,
С судьбой своей смирился Пушкин вновь.

*События судьбой предрешены.
Давно сбылись пророческие сны.*

Николаю II и его Семье

Он сбросил с плеч, что мучило, что жгло.
Всё позади: и трон, и власть, и слава...
И, кровью обagrённая, держава.
Он знал: иначе быть и не могло.

Свершилось то, что было суждено:
Пройти их путь на Русскую Голгофу

С женой, детьми принять единым вздохом
Миг роковой бессмертья своего.

Анастасия, Ольга, Алексей,
Мария и Татьяна — эти дети
Предстали, просияв в нетварном свете,
Как агнцы Божьи, пред Россией всей.

А с ними Александра, Николай...
Их белыми, как снег, одежды стали.
Мы долгими молитвами смывали
Кровавый след, прошедший через край.

Лучится от иконы чистый свет.
Свет неземной, божественный, небесный...
Не оказаться вновь бы перед бездной,
Не повторить ошибки прошлых лет.

Поэту

Весна, весна, весна, весна...
Ах, сколько робких ожиданий,
Беспечных дней, ночей без сна
И не случившихся свиданий.
Ах, сколько их, когда душа
В капелях плакала и пела,
Вприпрыжку или не спеша
По снегу талому летела.
Весна, ещё одна весна...
Из голубых безбрежных далей
Летит навстречу нам она!
Встречайте, прочь тоску, печали.
Наш милый трепетный Поэт,
Пусть горьких дум поменьше будет.

И по утрам, когда рассвет
Придёт, Вас добрый ангел будит.
Пусть много дней и много лет
Поёт Ваш жаворонок в небе.
И пусть поменьше будет бед,
Чтоб не печалиться о хлебе.
Ваша душа окормлена
Великим даром сотворенья.
В безвременье парит она,
Рождая вновь стихотворенья.
Всегда мы рады Вам, наш друг!
Вы пишете богатым сердцем.
И замолкает всё вокруг,
Когда Поэт творит, поверьте!

*Александру Васильевичу
Малахову посвящается*

«Ах, какой же добрый взгляд
У маво-то Сашки!
Вроде каждому он рад!
Родился в рубашке».

Бабка Марфа у печи,
Суется, вздыхала.
И из жара калачи
Ловко доставала.

«Вот скажи ж ты, голубок,
Вырос — не узнаешь.
Только добрый, как телок.
Что, опять читаешь?»

Цап-царап... Крутился кот
Возле ног у Сашки.
«Ах и хитрый, обормот,
Видно, просит кашки!»

Так за бабкиной спиной,
За её дыханьем
Сашка рос и стал большой,
Получил признание.

Александром величать
Стали повсеместно.
Стих его пошёл в печать,
Сразу стал известным.

Сборник «Чистота» назвал.
Почему, не знаем.
Может, он и сам не знал.
А стихи читаем.

Так и есть — всё чистота.
Речка, лес да поле,
Всё знакомые места
До души, до боли.

А потом уж написал.
Он и «Сентябрины».
Словно ветку надломал
Пламенной рябины.

Загрустил. И заспешил
В милую деревню,
Погореловку, где жил
С Марфой незабвенной.

Здесь встречали земляки,
И встречали дали,

Заводи Ветьмы реки
Здесь отрадой стали.

Но грустить, кто запретит,
Коль душа страдает.
Коль поэт туда глядит,
Где она летает.

По ветру да ввечеру
Постучалась птаха.
И одели поутру
Чистую рубаху.

И остались на столе
Лишь «Горючий камень»,
«Цап-царап», как в детском сне,
С добрыми стихами.

Родина! Её любил,
Отворял всем двери.
За добро благодарил
И в Россию верил.

«Ах, какой же добрый взгляд
У поэта Саши!
Видно, каждому он рад!
И зовётся нашим».

Памяти А.С. Пушкина

Бахчисарайский фонтан

Среди долин, омытых южным солнцем,
Окутанных благоуханьем роз,
Стоял Бахчисарай меж гор на донце,
Дворец, где пролилось немало слёз.

В нём только хан Гирей не знал печали.
К нему в гарем из самых дальних стран
Везли невольниц. Тихо увядали
Они, страдая от душевных ран.

Никто не мог заставить сердце хана
Речами, ласками, покорностью своей
Любить. Во всём он видел тень обмана.
Был горд и непреклонен Крым-Гирей.

Но что случилось с ним, когда в долины
Скатились годы, и строптивый конь
Уж не срывал узду. И взор орлиный
Погас, а в сердце запылал огонь.

Но не было ответа. Обжигало
Нечаянное счастье и оно
Иссякло, словно сладкое вино.
А сердце всё настойчивей страдало.

Как розы источают ароматы!
Как в облаке лаванды тает ночь!
Наложница бежит от хана прочь...
Её уж нет давно, но боль утраты

Блуждает по дворцу Бахчисарая,
Спускаясь по ступенькам в тихий сад,
Где блещут розы, зреет виноград.
Где зелень никогда не увядает.

И снова возвращается туда,
Где каменное сердце Крым-Герей
Роняет слёзы, страстью пламенея,
К фонтану, где всегда журчит вода.

Где мрамор чистой белизной сиял,
Когда Омер из славного Ирана,
Познавший боль стареющего хана,
Фонтан бессмертной скорби изваял.

О горе! То, как хмель растёт оно,
То затихает, но сочатся слёзы,
Рождая упоительные грёзы,
Которым сбыться уж не суждено.

От чаши к чаше тянется печаль.
Любовь смывает боль слезами боли.
Нельзя заставить полюбить в неволе,
И гаснет жизнь, когда её не жаль.

Там, у фонтана, Пушкин, ощутив,
Печаль любви Гирея к полонянке
Диноре, милой девочке-смуглянке,
Две розы в чашу сердца опустил.

Две розы... Плачьте ветры по степям.
Две розы... Дань любви от иноверца.
Закрывается в мир тоскующее сердце,
И дышит грудь, прикована к цепям.

Поэт поэму написал, воспев
Любовь, что каменное сердце растопила,
Водой живительной природу напоила,
И победила зло, его презрев.

Уж нет поэта, но журчит вода,
И розы в чаше сердца пламенеют,
Печаль не исчезает, не стареет,
В фонтане слёз оставшись навсегда.

Александр РОНЖИН

Ронжин Александр Венедиктович родился 17 августа 1954 г. в г. Бежице (ныне Бежицкий район г. Брянска). Окончил Московский государственный историко-архивный институт. С 1976 года работает в архивной отрасли. Живет в Брянске.

А.В.Ронжин — автор книг «Третья война» (2003), «До нашей эры» (2005), «Тропюю Буриовой» (2006), «Двенадцать месяцев — как вся жизнь» (2007), «Русин из Корсуни» (2008), «Ученики аббата Вергилия» (2009), «Во Владимире и Вщиже» (2013),

«Дмитрий Ольгердович, князь брянский» (2018).

В соавторстве с Н.А. Мизеровой издал книгу «ОАО «Брянский машиностроительный завод»: Культура и быт заводчан в прошлом и настоящем» (2001).

Автор многочисленных краеведческих статей, опубликованных в периодической печати и научных сборниках, пьесы «Русский комиссар покоряет Париж» (2018).

Член Союза писателей России с 2007 года. Лауреат премии им. Николая Мельникова (2015 год). Руководитель прозаического семинара при Брянской областной писательской организации.

Гидель реликвии

«Да, всегда свята и благородна, но не всегда безопасна истина: много было у неё врагов во все века, но никогда больше, чем в наше время...»

Из письма Петрарки Арношту,
архиепископу Пражскому

Дипломатическая миссия шестерых монахов-бenedиктинцев чешского Эмаусского монастыря успешно завершалась. Глава миссии, аббат Никола Хорват вёз в своей сумке, перекинутой через плечо, архиепископу Пражскому Арношту бесценную реликвию — Евангелие, на котором присягал ещё французский король Филипп Первый.

Обычно монахи ходили пешком. Но, то обычно. Учитывая государственную важность посольства, Арношт всех заставил сесть верхом на коней.

— Время нынче беспокойное, — напутствовал он монахов перед поездкой. — Французский король Филипп Шестой слаб, он проиграл битву при Кресси, в которой погиб отец нашего доблестного императора, да будет священна память о нём!¹ Дабы избежать всяких неприятностей, которые иногда подстерегают путников на дорогах Империи и Франции, даю вам своих коней. И — неделю на подготовку. Чтобы целыми днями были вместе с конюхами во время выгула лошадей: только тогда ваши четвероногие друзья к вам привыкнут, не будут брыкаться, ещё издали завидев.

Увидев капли пота на лбу одного из послов, с улыбкой заметил:

— Не волнуйтесь, лошади весьма добрые и смиренные, конюхи постарались... Но и не клячи какие-нибудь, в случае необходимости могут увести от преследователей. И ещё. Обретёте рукопись — на обратном пути старайтесь избегать монашеских ке-

¹ Отец Карла IV, императора Священной Римской империи (1347-1378), короля Чехии (1346-1378) — Иоанн Люксембург, король Чехии с 1310 года, пал смертью героя в битве при Кресси 26 августа 1346 года, сражаясь на стороне Франции.

лий: любой монастырь сочтёт за честь обладать таинственной восточной книгой. Останавливайтесь в обычных гостиницах, постоялых дворах, там вы не исчезнете бесследно...

— Сделаем всё, владыка, как положено. И на коней сядем, и Благовествование добудем, — отвечал Никола. — И подмены сделать не позволим: наш земляк Крсто из Дубровника да ваш Янко русское письмо знают.

Теперь Никола был доволен, что нашёл Евангелие и везёт его в Прагу. А ведь вначале путешествия надежды на приобретение бесценной реликвии не было: король Филипп заявил, что священного кодекса у него нет.

— Кажется, я подарил сию древнюю рукопись архиепископу Реймскому: там венчались король Генрих и русская княжна Анна, там, в Реймсе, на этой книге давал клятву их сын при восшествии на престол. Вот и отправляйтесь в Реймс, а я сейчас отпишу своему другу...

Однако в Реймсе Евангелие благополучно отыскалось в соборной сокровищнице, за него архиепископ получил немало серебряных монет от Николы Хорвата.

На обратном пути в Чешское королевство монахи бурно обсуждали удивительную историю рукописи.

— Я слышал, не Прокопа¹ это писание, а неизвестного киевского монаха, что работал по заданию отца Анны, — неожиданно для всех высказал своё мнение Ян из Пардубиц. Неожиданно — потому что он был молчаливей всех, никогда не вставлял своего слова даже в горячих словесных перепалках, а тут — на тебе! — такое замечание.

— От кого слышал? Уж не от нашего ли владыки? Ведь вы с ним оба из Пардубиц, в одной школе, наверно, учились? — насмешливо переспросил аббат.

¹ Прокоп (Прокопий) Чешский (ок. 985-1055) — основатель и первый игумен Сазавского монастыря в Чехии. Он служил Литургию по римско-католическому обряду, но на церковно-славянском языке. В 1097 году славянские монахи были изгнаны из Сазавского монастыря.

Почему-то не сразу ответил Ян. После длительной паузы, усмехнувшись, предался воспоминаниям:

— В одной школе, да в разное время. Но не от него слышал, к тому же, владыку тогда не интересовали окружающие, он весь был в учёбе и постигал вечные истины христианского учения...

— В чём и преуспел. Извини, что перебил, всё же — от кого знаешь?

И на эту колкость Николы не ответил Ян, спокойно продолжил:

— Бывал я в Москве, вот там мне и поведали о дочерях киевского князя Ярослава Мудрого, о том, что Анна, направляясь во Францию к своему будущему супругу, останавливалась у Прокопа и получила от него благословение. Отсюда и легенда, что Благовествование сие Прокоп писал, легенда сазавских монахов. А рукопись у Анны уже была, из самого Киева везла...

— Не Прокоп, а святой Прокоп, — поправил своего подручного аббат. Потом, почесав бороду и потрянув головой, произнес:

— Ишь ты! В Москве бывал! А в Индиях ты не бывал? В Москве он бывал... Может, ещё в люльке путешествовал за пазухой у мамки? Ври, да знай меру!

Никола не мог поверить, что столь молодой монах (Яну едва исполнилось двадцать пять) уже успел побывать в столь далёких краях.

— Не вру я. Дядька у меня в Москве живёт...

— И что он там делает? Уж не послан ли туда самим императором? Если бы было так, ты бы не в монахах ходил, а при королевском дворе вельможей служил! — и засмеялся аббат заразительно, раскатисто своим низким сочным басом.

Были ещё вопросы Яну, но он решил не отвечать ни на один. «Пусть не верят, а я дядьке верю: он в Московии уже не один десяток лет живёт, изучил этих схизматиков так, что сам уже за жителя Москвы может сойти...»

— Так что же, нам владыку неверно сказал? Не святой Прокоп сию книгу написал? — аббат Никола обернулся назад и внимательно посмотрел на каждого, обращаясь как бы ко всем своим спутникам, а не только к Яну из Пардубиц.

Не услышав ответа, обратился к своему земляку:

— Крсто, ты русские знаки знаешь, почему молчишь?

Худой седой монах средних лет зашевелил губами, словно разжёвывая что-то беззубым ртом, затем произнёс:

— Не наши это литеры, не Кирилла и Мефодия¹... Однако если действительно Анна была у святого Прокопа, мог и Прокоп свой труд передать будущей королеве Франции...

— Да тот ли это труд, брат? Что же вы, братья мои дорогие, чешскую речь от русской не отличите? — удивился Никола, обращаясь к Яну и Крсто — монахам, знающим кириллическое письмо.

— Славянская речь в те давние времена была у всех одна... Переводы с греческого делали и святой Прокоп, и святой Войтех, и святые солунские братья, — заметил Крсто.

— А другие что думают? — нахмурившись, допытывался аббат.

— Мал я ещё что-то думать. Старших лучше послушаю, — ответил Стипан Стеневич.

«Врёт молокосос, он Благовествование лучше всех нас, пожалуй, знает», — подумал Никола.

— Я согласен с братом Стипаном. Знаний ещё маловато. А мне Господь о том, кто писал это Благовествование, знаков никаких не давал, — басом, почти таким же, как у аббата, ответил Петар Хорват, прозванный, в отличие от коротышки чеха Петра из Помук, Петром Длинным. Его ноги почти достигали земли и издали казалось, что всадник едет на шестиногом коне.

Последняя фраза вновь рассмешила старшего.

— Господь ему знаков не давал! Ха-ха-ха! И какие же ты хотел увидеть? Или услышать? Ну, признавайся!

Улыбаясь от заразительного смеха Николы, Петар заметил:

— Раз знаков никаких нет, учитель, значит, мы всё правильно делаем...

¹ Хорватские священнослужители были уверены, что Кирилл и Мефодий возродили письменность (глаголицу), автором которой они ошибочно считали св. Иеронима, жившего в IV веке.

— Какой я тебе учитель... Старший я здесь, вот и всё. Гляньте-ка, кажется, лес заканчивается, а вон и селение показалось! Как условились, при посторонних о деле — ни слова! По своим, духовным делам ездили, мирянам знать о том не положено...

Уже миновали Регенсбург, оставалась лишь одна ночёвка до того, как ступят они на чешскую землю.

Знакомый хозяин постоялого двора (у него останавливались ещё по пути в Париж) встретил радушно, разместил в лучшей комнате своего дома. Хорошее итальянское вино, обильная мясная пища да усталость сделали своё дело: на следующий день путники встали, когда до полудня оставался только один час. Позже выяснилось, что не еда и алкоголь были настоящими виновниками длительного и крепкого сна.

Первым очнулся Никола. По солнечному лучу из маленького оконца определил, что полдня уже миновало. Приподнялся на дрожащих руках.

— О, господи! Я выпил не больше обычного! Чем накормил нас этот негодяй? Он захотел отправить нас на тот свет? Вставайте, жалкие пьяницы! Чёрт, как трещит голова!

Поминая то бога, то чёрта, аббат стал расталкивать спящих.

Крсто, лишь открыв глаза, сразу показал Николе пустое место рядом с собой:

— А где Ян?

Этот вопрос поднял всех лучше любой брани. Кинулись к висящей на стене сумке аббата.

Она оказалась пуста.

Рыча, словно дикий зверь, Никола сильным ударом распахнул дверь комнаты, сорвав щеколду на ней.

— Хозяин!

Тот появился быстро, словно уже ожидал зова.

— Где мой монах? Куда ушёл? Давно?

— Давно, святой отец, ещё на рассвете, оседлал своего коня и уехал, просил вас не беспокоить, а вот куда — это вам, наверно, лучше известно.

С воплями и проклятиями Никола подскочил к владельцу гостиницы, одной правой схватил его за шкуру, и, приподняв над полом, затряс так, что с бедняги свалились башмаки:

— Говори, исчадие ада, что ты нам подсыпал? Хотел отравить, да? Ты с ним в сговоре? Убью, если не скажешь, куда он отправился! Ну?!!

— Я, владыко, кажется, понял... Вчера, когда моя жена уже приготовила для вас кувшины вина, к нам ворвался ваш сбегавший, крича: «Скорее, скорее, их надо разнять, иначе они перебьют всё в вашем доме!» Мы выскочили из кухни и увидели двух дравшихся парней. Один из них схватился за лавку... Их действительно пришлось разнимать. А когда вернулись за вашим вином, оно стояло без присмотра. Может быть... Конечно же, именно в этот момент он и мог подсыпать вам снотворное...

При этих словах все вспомнили, что слышали какую-то возню в коридоре, что Ян вчера почти не пил, сразу завалился спать и захрапел, а когда его будили, лишь переворачивался с боку на бок.

— Других объяснений у меня нет, — продолжал хозяин гостиницы. — Я не в сговоре с вашим человеком, не в сговоре... Мой двор пользуется хорошей репутацией, зачем мне портить её? У меня здесь кого только не бывает!

— Вот именно! Сброд всякий тоже бывает! — Никола отбросил беднягу, из которого вытряс вместе с башмаками почти всю душу, scomандовал своему отряду, как офицер солдатам:

— Седлать коней! В погоню! Я и Стипан поедem дальше, остальным — возвращаться в Регенсбург! Если в Регенсбурге его не будет, ты, Крсто, двигай на Зальцбург, а вы двое (Никола обратился к двум Петрам) продолжайте путь на Майнц! Неделю даю на поиски, через три недели встретимся в Праге! Встретите иуду — живым или мёртвым доставить его архиепископу, а главное — Евангелие! Бесценную реликвию найдёте — глаз с неё не спускать!

...И они разъехались в разные стороны.

Стипан еле поспевал за своим аббатом. Наконец, не выдержав быстрой езды, взмолился:

— Отче, нельзя ли потише? Ты в прошлом — славный витязь, я же... сейчас вывалюсь из седла!

Тот грозно посмотрел на юного монаха:

— Читай молитвы и прими сие божье наказание за свершённые грехи! Как видишь, я не ною и мужественно переношу все тяготы погони! Сами виноваты — самим и ошибки исправлять!

— У меня нет твоего опыта быстрой езды на лошадях...

— А у меня нет твоей молодости! — отрезал аббат и ещё быстрее поскакал по дороге.

«Ах ты, собака, сам лакаешь вино, как воду, а теперь мы виноваты! Ведь все брали с тебя пример! Прости меня, Господи, за грехи наши и мои особенно — вот и про аббата плохо подумал», — трясась в седле, размышлял Стипан.

Кони скоро устали, и, к радости юноши, монахи поехали намного тише. В последней гостинице, встретившейся за несколько миль до границы, останавливаться не стали: беглеца здесь не оказалось. Владелец постоялого двора, после словесного описания внешности Яна из Пардубиц, твердо заявил, что подобного обличия человек здесь не появлялся.

...Темнело, Чешский лес чёрными пятнами непроходимых зарослей глядел на путников неприветливо, словно говоря: «Ещё немного, и вы собьётесь с тропы, и тогда вам не избежать падения в моих оврагах или нападения лесных разбойников... Ваша жизнь в опасности!»

— Отче... Может, вернёмся, пока ещё можно отличить зверя от дерева... Мы из кустов хорошо видны, а вот если и сидит здесь Янко, мы его не заметим, — взмолился Стипан.

— Тш-ш-ш, — зашипел на молодого монаха Никола и пальцем указал на дальний огонёк в лесу. Сказал шёпотом:

— Привяжем коней здесь, а к огоньку подкрадёмся тихо.

И погрозил кулаком:

— Хрустнет ветка под ногой — убью!

Стипан молча, с улыбкой, кивнул: на коне в детстве ему ездить не приходилось, зато охотиться на диких зверей и птиц приходилось много-много раз! Искусству подкрадываться незаметно к своей жертве его учить не надо!

Отведя коней в сторону от дороги, успокоив и приласкав их, монахи стали осторожно приближаться к огоньку.

...И вот уже хорошо были видны три человеческие фигуры у костра, одна из которых, без сомнения, принадлежала Яну из Пардубиц.

Никола молча объяснил напарнику, что он кинется на самого крупного бандита, собьет его с ног и оглушит ударом кулака, Стипан должен повалить Яна, ну, а третий вор... Как Бог даст.

На всякий случай хорваты достали ножи, но не планировали пускать их в ход, а так, для устрашения, для подавления желания сопротивляться.

...Когда между преследователями и похитителями бесценной книги оставалось две-три сажени открытого пространства и два ряда кустов, под ногой Николы хрустнула ветка, и одновременно с предательским хрустом заржал конь Стипана.

Моментально в руках Яна оказался лук для стрельбы, в руках других разбойников — ножи.

— Не двигаться! — с этим криком Никола прорвался сквозь кусты и бросился на громадного роста верзилу. Рядом, чуть потстав, проридрался через густые заросли Стипан. Эти доли секунды решили всё.

Угрюмого вида гигант оказался довольно проворным малым и успел бросить в бегущего (точнее, совершавшего большие прыжки) аббата нож. Промахнуться было мудрено: Никола был не намного ниже, а полнотой своей, может быть, даже превосходил своего соперника. Однако на этот раз бросок оказался неточен: лезвие ножа лишь скользнуло по плащу и не причинило вреда. В следующий момент Никола сбил противника ударом кулака в грудь. Удар оказался настолько силен, что сердце гиганта не выдержало и остановилось. Упав, верзила уже не встал.

Ян оказался точнее своего сообщника: успел выстрелить и пронзить стрелой грудь Стипана насквозь.

Быстро повернувшись, Никола увидел: медленно падает его друг, ложится, словно устав от дальней дороги, на траву у кюстра, непослушными от дикой боли руками пытаясь вытащить стрелу, торчащую из груди.

Третий разбойник бросился было бежать, но аббат в три прыжка настиг свою жертву, и, развернув её к себе, вонзил свой нож прямо в сердце вора.

Ян успел достать очередную стрелу и прицелиться в аббата:

— Не подходи, убью!

— Не смей! — приказал аббат Никола, и, глядя в глаза врагу, твёрдой тяжёлой походкой стал приближаться к нему.

Ян попятился. Повторил угрозу:

— Ты — схизматик, еретик, я убью тебя!

— Не смей! Где книга?

Засмеялся Ян какими-то подленько-хихикающими смешками, сказал торжествующе:

— Книга? А нет её! Всё, нет!

Хотел бежать, но споткнулся о приготовленные для костра ветки, упал. Аббат сверху накинулся на предателя, быстро связал ремнями.

С врагами было покончено. А что же Стипан?

Наклонился над братом по вере и делу аббат Никола. Увидел: течет кровь из раны. Стекленеют глаза смертельно раненого.

— Стипан... А, Стипан?

Прошептал юноша:

— Почему?... Я хотел... На славянском языке... Я... Я могу...

И затих. Наверно, он хотел сказать, что смог бы на родном славянском языке донести до простых жителей Праги Божье слово, обучить пражских монахов славянской письменности; впереди, думалось Стипану, была большая жизнь, которую стоило заполнить хорошими мирными делами...

Слёзы закапали из глаз аббата. Он очень медленно, словно сомневаясь в наступившей смерти, закрыл глаза мёртвого друга.

Зашевелился Ян, пытаясь ослабить ремни...

— Не... В мою бытность воином от моих пут ещё ни одной вражине не удавалось освободиться, — развеял все надежды воира аббат Никола. Сорвал с предателя чёрную одежду бенедиктинского монаха, привязал его к ближайшему дереву, спросил каким-то глухим, чужим голосом:

— Кем были эти двое, не знаю, и знать не желаю. Узнал ли того, у кого жизнь отнял?

Ян молчал.

Тогда Никола подошёл к костру, взял сверху один полуобгоревший сук. Подумал: «Запахнет палёным мясом — всё скажет». И с ужасом увидел: под накинутыми сверху горящими ветками виднелись остатки сгоревших листков.

Быстро раскидал костёр, надеясь найти часть книги, что не поддалась огню. Всё тщетно, всё сгорело...

— Изверг... Чем Благовестие Христово тебе помешало? Чем виновата эта реликвия перед тобою? Кто ты? Иудей? Магометанской веры?

— В отличие от тебя, аббат, я истинный христианин, католик. Первая смерть здесь была от твоей руки. Стипан — вторая смерть, но вина опять на тебе. Последний, кого ты убил, за всю свою короткую жизнь не тронул ни одного человека, лишь честно мне служил. Может, ты и есть тайный сарацин?

— Складно поёшь, — сплюнул под ноги изменника Никола. — Да врёшь ты всё. Это — что?

И указал на гаснущий костёр.

— Это горит бесовская книга, — ответил Ян. — Рукой схизматика дьявол водил. Ведь писал ещё папа Григорий Седьмой нашему королю: «Бог всемогущий нашёл удобным, чтобы Святое писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понятно для всех, слишком низко бы его ценили и утратили к нему уважение». Три языка допустимы для священника: еврейский, греческий и латынь! Всё остальное — ересь! Даже если убьёшь меня сейчас, всё равно тебе не миновать суда святой инквизиции!

— Сумасшедший! Разве ты не знаешь, что разрешение вести службу на родном языке наш король получил от самого папы? От кого мы получили задание привезти книгу в наш монастырь? От самого архиепископа Пражского! Зачем убил Стипана, зачем святую реликвию погубил?

— Не верю, что наш король получил разрешение от папы. Не может того быть!

— А святые Кирилл и Мефодий? Разве не то же самое — иметь свои, славянские священные книги — занимало их всю жизнь? И всё было с разрешения папы!

— Константин Философ лишь вновь открыл забытые литеры святого Иеронима. И папа римский разрешил их только вам, хорватам, использовать. В знак преклонения перед вашей стойкостью в борьбе с дикими монголами. Здесь, в Священной Римской империи, есть только одна истинная вера, один язык, на котором читают священные тексты — латынь! А я тебе — не монгол! Развяжи, еретик, отпусти меня, не бери грех на душу!

— Враг в поле — это одно, его хорошо видно... А скрытого подлеца, что к сердцу льнёт, разглядеть сложнее... Вреда от иуды всегда больше.

Ещё раз глянув на пепел сгоревших листков, спросил Никола:

— Книга была с мощами святых на лицевой стороне, с камнями драгоценными, в золотом окладе... Не выбросил же?

— Вон кони наши привязаны, у вороного при седле сумка...

Хорват проверил, хорошо ли связал Яна, подкинул в костёр сухой травы и приготовленных для него веток: ночь полностью вступила в свои права, чёрный лес с густым подлеском не давал простора холодному свету показавшейся из-за деревьев луны.

Аббат привёл своих коней, поставил рядом с конями разбойников. Проверил сумку, на которую указал Ян: да, серебряный с позолотой по углам оклад вместе с прикрепленными к нему частичками мощей, изумрудами и рубинами, цел. Развернул доски.

О, чудо! Целы и некоторые листы рукописи! Немного, совсем немного, лишь несколько листочков... Показал вору:

— Вёз как доказательство своей работы? Кому? Какая дрянь за это готова была тебе заплатить?

— Есть добрые немецкие семьи в Праге... Можешь попытаться — не скажу, кому вёз. Докажи, что ты христианин! Отпусти меня. Не бери грех на душу! Не тебе меня судить! А если уж судить — пусть судит архиепископ Пражский Арношт, что посылал нас!

«А в Праге ты представишь себя ангелом, а меня — дьяволом, вывернешь всё наизнанку, язык у тебя змеиный», — подумалось Николе.

Вновь посмотрел на мёртвого Стипана. Много всего вспомнилось вдруг... Как учил юношу латыни и глаголице, объяснял тексты древних книг... Тайком показывал чудом сохранившиеся в одном из монастырей на острове Крк кирилловские листки... Как по дороге в Эмаусский монастырь учил всех, в том числе и Стипана, искусству рукопашного боя, искусству владения ножом как оружием при защите от лихих разбойников, которыми буквально кишели дороги центральной Европы... Как показывал правильное положение тела при езде на лошадях... А ответом на поучения всегда были устремлённые на него внимательные светло-карие глаза Стипана...

Самый дорогой ученик, умница... лежит теперь убитый этим оборотнем.

Глянул искоса на вора. Показалось в отблесках пламени — оскалился Ян в каком-то злорадстве от содеянного...

Поднял Никола с земли лук со стрелами:

— Меня будет судить чешский король и архиепископ Пражский. Только меня. Одного. А для тебя земным судом буду я.

Заскрежетал зубами Ян:

— Гореть тебе в аду, нехристь хорватская! Будь проклят! Из-за какого-то клочка пергамента жизнь у человека отнимаешь! Ничего у тебя не выйдет: тебя во всём обвинят, только тебя! Будь проклят! Проклят!

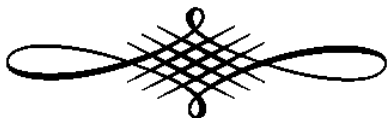
— Клочка пергамента, говоришь? — Никола натянул тетиву, прицелился Яну прямо в сердце...

И не смог выстрелить. Одно дело — сражаться с противником в открытом бою, другое — убивать безоружного. Опустил лук:

— Перед божьим судом пусть будет тебе суд нашей церкви. Вместе будем отвечать за содеянное. И пусть воздастся каждому по-справедливости.

Ян что-то хотел ответить, но аббат всунул ему в рот кляп, связанным посадил на своего коня. Потом, прочитав молитву над каждым убитым, положил трупы воров вместе, присыпал хвостом. «Завтра приведу сюда людей, вырою могилы», — подумал Никола, взглянув на тёмное звёздное небо.

Стипана привязал к его коню, сам сел позади Яна. Медленно вывел коней на дорогу, и смело продолжил путь, не боясь ни зверя, ни лесных разбойников, полагая, что душа друга там, на небесах, уберет с тропы всю нечисть, что водится в этих пограничных местах.

Валентина СЕРЯКОВА

Серякова Валентина Петровна родилась в 1941 году в д. Груздово Трубчевского района Брянской области. После окончания средней школы поступила в Новозыбковский педагогический институт. С 1964 года работала в Гостиловской школе учителем иностранного языка. Малолетний узник фашистских концлагерей. Живёт в п. Гостиловка Жуковского района. Пенсионер. Стихи публиковались в периодической печати, в коллективных сборниках. Автор стихотворных книг «Живи, родимый край» (2015) и «Всё это было» (2018). Участник Жуковского районного литературного объединения «Стожары».

За православную Русь!

Год 1380

* * *

Давно это было, в лихие года,
На Русь надвигалась Мамай орда.
Мечтал, как Батый, славным ханом он быть,
Славянские княжества в прах превратить.
Мечети поставить на месте церквей,
Людей приобщить силой к вере своей.
Был темник Мамай беспощадно жесток.
Орда его грозный, могучий поток
Безудержной, черной лавиной летит.

Открыты везде ей дороги-пути.
Ордынцы хитры и умелы в бою
И впредь не упустят добычу свою.

* * *

Москва собирала подвластных князей,
Вельмож, воевод, верных, смелых друзей.
Знал Дмитрий: набег обратится бедой,
Звал русичей храбрых на битву с ордой.
Владимир*, брат, первым помощником стал,
С Вольни князь Дмитрий Боброк прибывал,
С литовской земли — братья Дмитрий, Андрей
К Москве торопились с дружиной своей.
Белозеро, Новгород, Муром вели
Защитников преданных русской земли.
Звенигород, Углич, Можайск и Ростов...
Был каждый с татарами биться готов.
В едином порыве, на верном пути,
Устали постылое иго нести:
И дань, и поборы, и рабство, и плен —
Пора подниматься с согбленных колен.
Всех ратников шло тысяч сто пятьдесят,
Решили, что нет им дороги назад.

* * *

В святую обитель князь Дмитрий спешил,
У Сергия — старца совета просил,
И Сергий, игумен, угодник святой
Ему говорил: «В битве яростной той
Добудешь победу. Бог в помощь тебе!
Со славой вернешься, доверься судьбе.
Поганых татар в битве ты победишь,

* Владимир, князь Серпуховский — двоюродный брат Дмитрия. Вместе росли и учились воинскому делу.

Людей православных от них защитишь.
Двух воинов сильных тебе я даю,
Сподвижников-иноков, крепких в бою.
То бывший боярин-монах Пересвет
Да инок Ослябя. Таков мой ответ».
В дружину князь принял монахов-бойцов,
Могучих, отважных мужей-храбрецов.

* * *

На Девичьем поле, в лугах у Оки,
Всех воинов Дмитрий делил на полки.
Единое войско. Шесть крепких полков,
Князья-воеводы. Он к битве готов.
В поход отправлялась славянская рать
Путем потайным. Враг не должен узнать
Ни время, ни место, где князь предлагал
Отпор дать татарам. И брат поддержал.
Раздолье у вольного Дона-реки.
Гнездились во множестве там кулики,
Поэтому степь Куликовой звалась.
Её-то и выбрал для битвы наш князь.

* * *

Расставил крестом Дмитрий всю свою рать,
В бою чтобы можно манёвр применять.
В середине стояли Большие полки,
На флангах — полк Правой, полк Левой руки.
Был создан резерв, да за лесом густым
Засадный таился, ордынцам незрим.*
Монахи от Сергия в первых рядах,
Их жизнь — это подвиг в молитвах, трудах.
Клубился сентябрьский туман молоком,
Стояли на полюшке полк за полком.

* Незримый — незаметный, невидимый.

Икона у Дмитрия — Матерь Христа,
И князь на колени пред образом стал,
Молился Защитнице Русской земли:
«О, Мать Богородице! Сына моли,
Чтоб войско орды одолеть мы смогли.
Иной нет Помощницы разве Тебе,
Решается главное в нашей судьбе.
Ты помощь у Сына для нас испроси,
Свободной от ига татар быть Руси.
И голову в битве готов я сложить
За имя Христа, за свободную жизнь.
Поставь, Мати Бога, столп крепости нам,
Не дай победить православных врагам».
Окончив молитву, с колен князь вставал,
Вскочил на коня и дружине сказал:
«Мужайтесь, крепитесь, за Русь постоим!
Татар победим в сердце с Богом Живым.
Защитницы Матери образ святой
Ведёт нас на трудный, но праведный бой».

* * *

А в Троице ночью молитвы и звон.
И Сергей, игумен, явь видел, не сон.
Душой прозорливца* средь битвы он был,
У Господа Бога он помощь просил.
Все силы небесные, Божию Мать
Молил защитить православную рать.
Увидел воочию бегство орды
И реки окрашенной кровью воды,
Победные трубы услышал вдали
О полной свободе славянской земли.
И с вестью такую послал он гонца,
Чтоб князя и рать укрепить до конца.

* Прозорливец — умеющий предвидеть, предсказать.

* * *

Светало. Стал виден темнеющий лес.
Окрасило солнце границу небес
И цветом кровавым пожара туман.
Татарское воинство, как ураган,
Летело в степи, все дрожало кругом
От топота конницы лютых врагов.
Восток полыхал, и тревожил собой.
Сходились две рати на яростный бой.
Вперёд из орды Челубей выступал.
Кичился* он силой и славы искал.
Навстречу от русских полков — Пересвет,
За веру сражаться давал он обет.
С невиданной силой их кони несли,
Казалось, летели, не чуя земли.
Все ближе и ближе, и копья бойцов
Мгновенно пронзили сердца храбрецов.
Но первым на землю татарин упал.
То знак поражения Бог подавал.
Татарская охнула глухо орда,
Не знала такого она никогда.
За ним Пересвет головою поник,
Игумена Сергия друг, ученик,
За землю родную, за веру отцов,
Победу добыл для славянских бойцов.
Скомандовал Дмитрий: «Бог с нами! Вперед!
За Русь православную, храбрый народ!»
И сам он с полками, как воин простой,
Врубился отважно во вражеский строй.
Сверкали мечи, будто молнии, там
По шлемам ордынцев, по крепким щитам,
И стрелы, как ветер, свистели вокруг,

* Кичиться — гордиться, возноситься.

Лишь смерть вырывала оружие из рук.
Вся степь содрогалась. И ржанье коней,
И раненых стоны, и крики над ней,
И вороном черным кружилась беда,
Ведь тысячи жизней угасли тогда.

* * *

Мамай был уверен: числом победил,
Из стана на Красном холме он следил
За битвой. Взывали к Аллаху муллы,
На воинов Дмитрия слали хулы.
Мамаю казалось, славянская рать
Не может и знамя свое удержать.
Но инок Ослябя на помощь спешил,
Неверных татар он мечом порубил,
Упавшее знамя отбил у врага.
Как эта минута была дорога!
Взметнулся стяг Дмитрия вновь над полком,
Всем русичам символ победы знаком,
И воинский дух укрепился опять.
Ордынцам Мамаю того не понять:
Отчизны сыны нерушимой стеной
Стояли за веру и дом свой родной.
Последний резерв в битву кинул Мамай,
(Он думал, минуту победы поймал).
На левый фланг конница быстро неслась.
И битва неравная там началась.
Старались татары в тыл русским зайти,
Смятение, страх и разброд привнести.
И дрогнул, прогнулся полкевой руки,
Теснились, редели другие полки.
Мамай ликовал, что победа за ним,
Хан жаждою славы своей одержим.

* * *

Боброк-воевода с полком потайным
Обрушился смерчем, потоком сплошным,
Татарскую конницу в тыл уязвил,
И битвы кровавой он ход изменил.
И дрогнули воины черной орды,
Смешались, расстроились вражьи ряды.
За реку Непрядву татарская рать
Пустилась от смерти и плена бежать.
Полк Дмитрия князя, полк Правой руки
Увидели бегство татар у реки
И, тесно сплотившись, погнали врагов
В безводную степь от донских берегов.
Был гром, треск великий, ломались мечи,
К Непрядве и Дону стекали ручьи
Из крови горячей людей, лошадей.
И где ж оказался сам главный злодей?
Увидев бегущую в панике рать,
Он понял, что жизнь свою надо спасать.
Вскочил на коня и помчался на юг,
Искать у союзников крымских приют.
Спасал темник жизнь свою только одну,
Бежал он так быстро, что бросил казну,
Всё золото, серебро — плату орде,
Хан войско покинул в великой беде.
Широкий Дон вражеской кровью истек
К Азовскому морю на юго-восток.
Татары разбиты, взяла Русь казну,
Обозы, коней, «царь царей» улизнул.
Но в городе Кафе* отправлен к отцам.
Мамай побежденный не нужен был там.

* Кафа — генуэзская колония в Крыму, ныне Феодосия.

* * *

А где же князь Дмитрий? Неужто погиб?
Неужто убили татары-враги?
Не скоро у берега Смолки нашли.
Чуть жив. На носилках его принесли.
Он в чувства пришел и глаза приоткрыл.
Владимир, двоюродный брат, говорил:
«Все воины рады сказать тебе, брат,
Орду разгромили! Ты жив, и я рад.
Облечся* ты славой великой такой,
Что звать тебя будем мы Дмитрий Донской».

* * *

Земле предавали погибших бойцов
Что пали за волю, за веру отцов.
И были те дни для живых нележки.
Молились за павших у Дона-реки.
Закончив тяжелый, печальный обряд,
Колонны живых возвращались назад.
Был Дмитрий Московский на белом коне,
Он князь — победитель в той страшной войне.
И радость победы, печаль и беда
Объяли славянскую землю тогда.
От края до края плач жен и детей,
И потерявших сынов матерей.
Ведь сорок князей пали в грозном бою
За веру, свободу, Отчизну свою,
Да храбрых еще шестьдесят воевод,
Да тысячи ратников славных. Народ
Оплакивал всех, кто у Дона-реки
Геройски погиб от татарской руки.

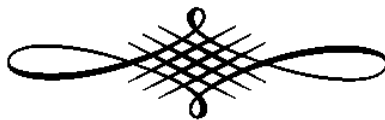
* Облечь — создать вокруг чего-нибудь особую атмосферу, снабдить, наделить доверием, полномочиями.

Но все ж ликовала единая Русь,
И радость победы умерила грусть.
Свободны все села и все города,
И свергнуто иго татар навсегда.
И праздничный звон в небо колокол лил
Во славу народа и Господа сил.

* * *

Прошли сотни лет, православный народ
Началом побед всех считает тот год,
А князя Донского — героем Руси
В ряду полководцев, кого ни спроси.
И слава о павших идет сквозь века.
Погибнуть за Родину — честь высока.
У Троицы в Брянске стоит Пересвет,
Горит на копье его солнечный свет,
Вдаль смотрит с деснянских крутых берегов,
Он символ победы над лютым врагом.
Во все времена, кто бы ни приходил,
Конец был захватчикам только один.
Великий народ покорить не смогли,
Характер такой православной земли.
И звон колокольный плывет по утрам
Над Родиной нашей навстречу ветрам.

2018 г.

Владимир СОРОЧКИН

Сорочкин Владимир Евгеньевич родился 21 января 1961 года в Брянске.

Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова).

Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах — «Наши современники», «Русская провинция», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Форум», «Литературная учёба», «День поэзии XXI век», «Поэзия», «Московский вестник»,

«Огни Кузбасса», «Волшебная гора» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Всемирная литература» (Минск), «Белая вежа» (Минск) и других. Стихи переводились на белорусский, украинский, болгарский языки.

Автор поэтических книг «Луна» (1995), «Тихое «да» (1997), «Завтра и вчера» (2005), «Потаённое небо» (2016), «Божье колесо» (2019).

Лауреат Всероссийских литературных премий им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» (2001), им. Н. С. Гумилёва (2018), премий им. А. К. Толстого «Серебряная Лира» (2014), «На земле Бояна» (2009), им. Н. А. Мельникова (2010), им. А. А. Фета (2017), международной литературной премии им. Кирилла Туровского (Белоруссия, 2010), дипломант конкурса им. Сергея Есенина (1997), V и VIII Московских международных поэтических конкурсов «Золотое перо» (2008, 2011) и др.

Председатель Брянской областной общественной писательской организации с января 2007 года, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства. Живёт в Брянске.

Помню о вас

Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова
Доброе слово сказать иль полслова –
Всем, кто ушёл.
Всем, кто в закатной разлил позолоте
Дни, промелькнувшие, словно в полёте
Крыльшки пчёл.

Помню о вас, кто с терпеньем и болью
Жил, на любовь отвечая любовью,
Помню о вас.
Помню, что сретенье — не за горами,
И проступает сильнее с годами
Кровная связь.

Живы во мне отголосками счастья
Все вы, родные, до смертного часа
Живы во мне.
Живы, печалям земным не внимая,
Веткой сирени весну обнимая
В радужном сне.

Какой портной...

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

Листья, травы...

Как всегда сильны и здоровы,
Схватят солнце под уздцы
Всей толпою: листья, травы,
Первоцветы-сорванцы.

И один другого краше,
В небо двинутся войной,
Чтоб себя размазать кашей
По тарелке земляной.

Вот они — в весёлом раже,
Выполняя вечный долг,
Маршируют в камуфляже
Вдоль асфальтовых дорог.

В наступленьях и погонях
Вдаль спешат за рядом ряд,
Словно звёзды на погонах
Одуванчики горят.

Травы тонут в ливнях мая,
Прорастают сквозь быльё,
Корешками обнимая
Счастье горькое своё.

Касаясь лица

А помнишь, снег кружился вразнобой,
Светясь алмазным нимбом над тобой,
Лица касаясь, тая в сгустках пара.
Зима уже куражилась и жгла,
И шаркала метельная метла
По стёртой грампластинке тротуара.

И ты смеялась — снегу, свету, снам,
И щедро время улыбалось нам,
Пересекая год привычным курсом,
А снег ваял, коснувшись пустоты,
На ветках букли, бантики, цветы,
Как говорится, просто и со вкусом.

Морозный мрамор хрупок. — Бог бы с ним...
Я знаю, что с тобой неразделим:
Не разлучат нас тени или стены...
Уже февраль, и сникшие снега
Белеют, как танцовщицы Дега,
На грязный холст сошедшие со сцены.

Без прикрас

Контуры сосен прибрежных,
Ряби озёрной слюда.
Мы не застанем нас прежних,
Снова вернувшись сюда.

Помнишь как плавали днями
Здесь, и качался рогоз,
И танцевали над нами
Синие стайки стрекоз...

Знаю, что путает часто
Время любые пути,
И возвращение в счастье
Неисполнимо. Почти.

Встретит нас шорохом листьев,
Этой живой тишиной

Домик — сырой и смолистый,
К лесу прижавшись спиной.

Где без обид и тревоги,
Простенько так, без прикрас
Счастье сидит на пороге
И дожидается нас.

Солнце запуталось...

Солнце запуталось в сетке ветвей.
День закатился под шкаф.
Бабочка спит на подушке твоей,
Крылышки сна расплескав.

Плющ зацепился за створку окна,
Тени склонились к ручью...
Вряд ли ты сможешь остаться одна
В этом притихшем раю.

Чтобы услышать, как щёлкает дрозд
Песню свою без обид,
Ты поскорей возвращайся со звёзд,
С непостижимых орбит.

К дальним светилам, окутанным тьмой,
К безднам, горящим во мгле
Я бы и сам полетел за тобой,
Но — мне милей на земле.

Здесь ожидают тебя дотемна
Тропка с осколками луж,
Бабочка, свет в перекрестье окна,
Ветром колеблемый плющ.

Потаённое небо...

Потаённое небо вишнёвого цвета
Разольёт осторожно — волна за волной —
Тёплый чай утонувшего в зелени лета —
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи — не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! — и не будь так строга и предвзята.
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

Петру Проскурину

Отзвуки погранной славы.
Боль позабытой любви...
Родина, горькие травы —
Разве они не твои?..

Разве, хрипя на коленях,
Ты растеряла, терпя,
Память о тех поколениях,
Что поднимали тебя?..

Родина, милая, если
Ты не настолько слаба,
Встань, чтоб навек не исчезли
Имя твоё и судьба!

Видишь: разбужен толпою
Татей, пошедших вразнос,
Крылья крестом над тобою
Огненный ангел вознёс.

Верхний Судок

Эта речка бежит, как подранок,
По оврагу, вдоль топкой тропы.
Никуда ей не деться из рамок
Берегов и бетонной трубы.

Неказиста и неприхотлива,
Знай, свои обдирает бока.
Даже в бурную пору разлива
Не бывает она глубока.

Но и ей, неуёмной, по нраву
В пору тёплых туманов и гроз
Напоить и деревья, и травы,
Приютить плавунцов и стрекоз,

Пригубить из весёлой криницы,
Из болотины взять тишину,
Прожурчать, прозвенеть, проструиться
И сорваться — с разбега — в Десну.

Сирень

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьёт остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Моё нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чём не виноват,
Но посмотри, как , изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

Как густ и сладок аромат
Цветенья, мая и печали.
Мы столько лет уже подряд
Лишь этим воздухом дышали. —

Так неразрывны и просты ,
И бесконечны в дымке смутной
И эта жизнь, и май, и ты,
И этот день сиюминутный.

Брянские волки

Фотохудожнику Аркадию Курдикову

Ушедшие поэты...
Стали строже
С годами лица их, и судеб миг.
Дрожжйн, Денисов, Козырев...
Но кто же
Из них дороже?..
Холодок по коже
Проходит, лишь подумаю о них...

Стихи их были , точно с кулаками,
С клыками даже — от избытка сил

И от любви, копящейся веками...
Не зря в романе «брянскими волками»,
Любя их, Юрий Фатнев окрестил.

Они до жизни были очень хватки,
Ложь не терпя, не ластясь ко двору...
Ты знал все их ухватки и повадки,
Знал цену дружбе — с этим всё в порядке —
Знал, как никто, свой в стае и в миру.

Просты в быту, но в творчестве — вели́ки,
Они прошли по жизненной меже
Красиво, трудно, в лёгком кураже...
Благодаря тебе живут их лики,
Их голоса звучат в твоей душе.

Поэт, как волк, охотится ночами
На строчки, устремляясь к небесам,
Один, в своём неведомом начале.
Они ушли, а волки измельчали.
Не те уже волчата, знаешь сам.

Пред творчеством твоим снимаю шляпу.
И серым братьям отдавая долг,
Пойдём и мы — в их стаю, по этапу —
Когда-то — по невидимому трапу...
Позволь пожать твою большую лапу,
Мой милый друг — последний Брянский волк!

Черёмуха цветёт

Как ночь черна! Черёмуха цветёт,
И кажется, за неимением веры,
Что в этом городке — наперечёт
Знакомы мне все улочки и двери.

Я здесь впервые. В мареве весны
Пусты глухие окна, как стаканы.
Спит городок. И сны ему тесны,
Но так наивны и благоуханны.

Лишь нависает влажною стеной
Черёмуха, обрушиваясь в плаче.
Ты — далеко. Ты даже не со мной.
Ты — там, где всё иначе. Всё иначе.

Как ночь черна в углах зелёных ниш!
Как жжётся запах, ластясь пеленою...
Я жду звонка. Сейчас ты позвонишь,
И эту ночь рассеешь надо мною.

Разлука

Разлука меня измотала,
Как будто, сливаясь в огне,
Тяжёлые капли металла
Тебя выжигали во мне.

С дыханьем рвалась ты наружу,
И мне не хотелось дышать,
И можно — казалось бы — душу,
Как слиток в руке подержать.

Когда-то алхимики так же,
Иного не зная греха,
Испачкавшись в угле и саже,
Крестясь, раздували меха,

И с тихой улыбкою счастья
Молились на образ святой,
И серый свинец превращался
В сияющий луч золотой.

Невзначай

Я и не думал, однако,
Снова касаться пера,
Всё — до последнего знака —
Выдав уже на-гора.

Но неразборчиво, дескать,
Очень спешил, — невзначай
Я напишу не по-детски:
«Здравствуй», «Люблю» и «Прощай»...

Эту никчёмную малость
Я бы и не говорил,
Просто ещё оставалось
В склянке немного чернил.

На Мутном. Февраль

На озере зябко и волгло. Светает.
Невзрачен кустарник на том берегу.
Лёд крепок, но всё же вода проступает,
Сочась по пунктирам следов на снегу.

А небо взлетело уже, словно голубь,
Цепляя деревья белёсым крылом,
И нет рыбаков, лишь крещенская прорубь
Темнеет поодаль замёрзшим крестом.

...Здесь летом своё отраженье макали
В озёрную гладь облака и кусты,
И в звонкой воде поминутно мелькали
То спины, то пятки, то чьи-то хвосты.

А нынешний вид уютен и жалок.
Февраль, не сдаваясь, отходит с трудом,
И как-то особенно жалко русалок,
Всю зиму проспавших на дне подо льдом.

Последний снег

А всё-таки и к нам пришла весна:
Сугробы почернели, как вина,
Как горы слов с их грязной правотою,
И плавит солнце снежную руду,
Как ни крути, а на её роду
Написано стать вешнею водою.

...И, уходя под утро, невзначай
Последний снег зима швырнёт на чай
Зевакам за ближайшей подворотней,
И с ним сойдёт на прежние места
Вселенская святая простота
С крахмальной чистотою первородной.

Прощаясь, проливаясь молоком,
Пылает стынть белёсым огоньком
Над фитилём, венчающим огарок,
И скудость дней уже не столь важна,
И долгою окажется весна,
А снег сегодня выпал, как подарок.

Божье колесо

Солнце катится под гору
Вопреки шальному хору
Разродившейся весны. –

Расплескавшаяся зелень
Мнит, что и закат бесцелен,
И потёмки — не важны.

Угольком лежит на веках
Свет, ещё сверкая в ветках,
Точно спицы в колесе.
Льётся, вьётся — так знакома! —
Радость тёплая, истома, —
Жизнь — во всей своей красе.

Мы гуляем, как бродяги,
Вдоль домов в сухом овраге,
Кружит улочка-вьюнок.
Угасая в дымке сладкой,
Словно курочка над кладкой,
Раскудахтался денёк.

И скользит вперёд по кронам,
По траве, овражным склонам,
Оттенья птичий свист,
По асфальту, окнам, крышам
Колесом — большим и рыжим —
Божий велосипедист.

Такие дни

Июнь смеётся, проходя
Неторопливо, без запинок,
Шуршаньем листьев и дождя,
Благоуханием тропинок,

Томленьем воздуха в жару,
Цветной оскоминою чая,

Когда ложишься поутру,
Минувшей тьмы не замечая.

Да здравствуют полутона
Мгновений, пролетевших мимо! —
Ты с летом переплетена
Невольно и неразделимо.

Когда, лучась, твои черты
Подобны выси небосвода,
Я понимаю то, что ты —
Моя последняя свобода,

А летний свет — тебе сродни,
Я не терзаюсь, не тоскую,
И я люблю такие дни,
И я люблю тебя — такую.

Дом детства

Проснёшься в детстве. Утро. Холод.
Оживший дом похож на храм,
В котором сны и тени ходят
В обнимку, прячась по углам.

Сквозь незавешенные шторы,
Как белоснежный райский сад,
Окна морозные узоры
Пушистым инеем блестят.

Печь пахнет мелом и весною.
Мать наливает в кружки чай.
Отец молчит, хотя со мною
Он часто шутит невзначай.

А мне ещё лет пять, не больше,
И я смышлён не по годам...
Теперь я много б отдал, Боже,
Чтоб оказаться снова там,

Где мы опять, как прежде, рядом
Друг с другом — не разлей вода,
И этот миг под детским взглядом
Не исчезает никогда.

В извечной тайне неповинны
Они, бесплотные, как дым,
Когда и жизнь, и смерть едины,
Как и грядущее с былым.

Они спят глаза, как солнце,
Там, за стеклом — отец и мать,
И к ним сквозь райский сад оконце
Я всё пытаюсь продышать.

Антонина ТЕРЕХОВА

Терехова Антонина Васильевна живёт в Жуковке. Пенсионер. Публиковалась в районных газетах, в поэтических сборниках Жуковского районного литературного объединения «Стожары». Автор книг стихов «Только для вас» (2015) и «За седыми далями» (2018).

Милая Родина

Радуюсь небу, лучистому солнышку,
Пью-выпиваю до самого доньшка.
Свет и тепло, и любовь, что мне дарится,
Жизнью зову! Дай Бог жить и не стариться!

Тихонький домик, вода в речке чистая,
А синева в небе плещет неистово,
Запах манит и дурманит смородины.
Всё, что вокруг — это милая Родина!

Росы прозрачные, блеск бриллиантовый,
Песни, сказанья, как клад с фолиантами,
Тёплое лето, метель тополиная —
Это всё Родина! С детства любимая!

Осень куражится — дева былинная,
Слышится нежная песнь журавлиная.
Русь, моя славная, мудрая, вольная,
Самая светлая и хлебосольная.

Земля обетованная

Я верю: есть земля обетованная,
Сияют там лазурью небеса.
Земля родная, людям Богом данная...
Запретная пред нею полоса.

Закрыта горизонтом и туманами,
С орбитой за неведомой чертой,
Но как найти её, свою желанную,
Дающую и радость, и покой?

Невидимая, светлая и дальняя,
С надеждою и верой без границ,
Не осквернённая и сострадальная,
Со щебетаньем нежным райских птиц.

Но с вьюгою, метелью и морозами,
Со звоном колокольным над селом,
И с тютчевскими ливнями и грозами,
С есенинским разгульным кабаком.

Лишь только от пути, когда устану я,
Покинув навсегда родимый дом,
Пойму: она и есть обетованная —
Земля моя с сиренью под окном.

Ладонь

Я совсем не спешу в синеву вековую,
Потому что скучать, горевать и смотреть
Тяжело с высоты... И, сорваться рискуя,
К вам уже не вернусь, о чём буду жалеть.

Понимаю сама, что не те уже силы,
Во спасенье себя осеняю крестом.
Родилась и живу я в любимой России,
Все дороги мои под белёным холстом.

Не хочу обгонять своё время и мысли,
Всё бегу босиком, обжигаясь росой,
И воды ледяной в вёдрах на коромысле
Принесу, окропив, ею угол святой.

Как виденья мелькнут купола золотые,
И в руках гармониста хмельная гармонь
Вдруг заплачет, меха развернув расписные.
Звук горячей слезой упадёт на ладонь.

Гостья

Пришла, как-то в гости
художница — Осень.
Смотри, — говорит мне, —
мазок кистью — просинь.
Краплю жёлтой краской —
крупиночки счастья...
Дождями отмою
беду и ненастье.

Все листья раскрашу
весёлым багрянцем,
И гроздь рябины
покроются гляncем.
Себе подведу
рыжей охрой ресницы,
Поэтам, влюблённым —
стихи на страницы.
А крик журавлиный,
как песнь и усладу,

Пролью на прощанье
над домом и садом.
Окутаю запахом
Осени грустной,
Родные просторы
земли нашей русской.

* * *

Прости меня, земля родная...
Вблизи разрушенных церквей,
В пыли дорожной, утопая,
Лежит тропа судьбы моей.

В гуденье, звоне колокольном
Застывший в ужасе набат,
И в смуте вечной и крамольной
Колокола звонят, звонят.

Кромсали Родину святую
Татары, немцы, упыри,
И звоном истину простую
Спасали наши звонари.

Родное всё держу под сердцем.
О, сколько в нём тревог, любви!
Впитала я ещё младенцем
Всю боль потерь своей земли.

Передо мной пылит дорога,
А вдоль неё лесная глушь,
Давно осевший холмик стога,
Да зеркала дождливых луж.

Прости меня, земля родная!
Тебя слезами окроплю.
На красоту твою взирая,
Скажу одной тебе: «Люблю»!

Время

Я прикрою глаза,
ощутив ветра свежесть,
и слезою непрошеной
выскажу всё.
Пронесёт по волнам
память годы и нежность
и забытую давность
родных голосов.

И в звенящей тиши
Опущусь на колени,
И ладони свои
погружу в толщу вод,
Загляну в зеркала,
и не справлюсь с волнением...
В отраженье найду
дней былых хоровод.

Ах, как время летит,
мне за ним не угнаться.
От усталости
ноги больные гудят.
Снова хочется — Быть!
И любить, и смеяться,
Только Время — оно
никого не щадит.

Памяти А. Малахова

Закружились листвой сентябрины
После летних и теплых дождей,
Ярким золотом между ветвей
Засверкали, как шёлк паутины.

Всё скажу. Объяснить не сумею,
Почему поселилась в груди
Ваша грусть. От неё не уйти,
Потому что я Вами болею.

Гомон птиц слышу многоголосье...
К Вам я, крылья расправив, лечу,
Вашим взором всё видеть хочу,
Чуть коснувшись созревших колосьев.

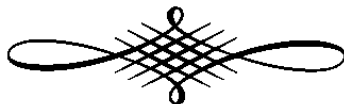
А Любовь! Вашу первую нежность,
Как ромашку влечу я в венок,
Горьким соком прольюсь между строк,
Превращаясь в сентябрьскую свежесть.

* * *

Не налюбуюсь красотой весны!
Пришла её пора, пора цветенья:
Комочки вербы, праздник Вознесенья,
И первые подснежники, как сны.

С ума схожу от запахов дождя,
От зимнего сбегая равнодушья.
А рядом дождь, прохладный и послушный,
Спешит за мной, кварталы обходя.

Приветствую зелёную листву.
Очнусь от взрыва, многоточья почек,
Коснусь губами, горьковатых, впрочем,
Листочков клейких, словно к Божеству.

Татьяна ФИЛИНА

Татьяна Геннадьевна Филина родилась в 1959 году в г. Поташка Артинского района Свердловской области. Окончила Брянский педагогический институт. Много лет преподавала в Жуковской средней школе №2. Живёт в Жуковке. В настоящее время работает в детском саду. Стихи публиковались в коллективных сборниках литературного объединения «Стожары».

* * *

Сгорел костёр несбывшихся мечтаний,
Настал предел душевной пустоты.
И не ищи напрасных оправданий
В плену у бесконечной суеты.

Всё в мире тленно, да и мы не вечны.
И зеленью, рождённою весной,
Как листопад уйдём все на покой.
Законны исполняя безупречно.

Играя красками и правды всей не зная,
Касаясь незаметно подлой лжи,
О лучшей жизни часто мы мечтаем.
Её ведь тоже надо заслужить!

Прощай, осень

Догорел закат над лесом,
Ночь осталась до утра.

Мы простились с бабьим летом.
Холодов пришла пора.

Осень щедро одарила
Землю солнечным теплом
И дорожки все укрыла
Золотой листвы ковром.

Свой мотивчик напевает
Лёгкий ветер-ветерок.
Словно ноты подбирает,
Каждый трогая листок.

Жёлтым светом отражая,
Юный месяц смотрит вниз.
Путь, дорогу освещая,
Острой льдинкою повис.

Разбросало в небе звездном
Мелких тысячи огней.
Воздух свежий и морозный
В поле дышится вольней.

Под крылом холодной ночи,
Над рекой туман плывёт.
Дни становятся короче,
На постой зима идёт.

Зима-невеста

Кружа, посыпались с небес
Снежинки-бабочки небрежно.
Вновь облачая дальний лес
В кристально-белые одежды.

Снежок искрился и порхал.
Вплетая бисера крупицы,

Средь нитей тонких покрывал
Зима вязала. Кружевница!

Укрыла всё: дома, постройки,
Снежком украсила крыльцо.
Лишь не хватает быстрой тройки
Со звонким русским бубенцом.

Зима — невинная невеста —
Венчальный выбрала наряд.
И, говоря без всякой лести,
Прекрасен чистый её взгляд!

В ожидании чуда

Огнями вывески горят.
Наш город с каждым днём моложе.
И фонари, склонясь, стоят,
В ночь освещающая путь прохожим.

С крутых небес спустилась мгла,
Храня покой морозной ночи,
Постелью белою легла
Зима, следов скрывая почерк.

Наш город — наша колыбель,
Гирлянды радугой играют.
А в новогоднюю метель
О встрече с чудом все мечтают!

Придёт весна

Сдаёт позиции февраль,
Весна картины пишет.
Но уходить зиме так жаль,
Хоть март в затылок дышит.

Звенит весенняя капель,
И на дорогах лужи.
Но на прощание метель
Зиме ещё послужит.

Становится короче ночь
И день благославляет.
Уходят сны под утро прочь,
А снег под солнцем тает.

Тепла могучие лучи
Бросают всюду стрелы.
И оголтелые грачи
Уже гнездятся смело.

Придет красавица Весна
С веселым птичьим пеньем,
Всё изумрудами она
Украсит с наслаждением!

* * *

Настроение уныло,
Дождик плачет за окном.
О прошедшем я забыла,
А что будет, подождём.

За окном мелькают тени —
То качаются дубы.
Осень лист последний стелет,
А в траве растут грибы.

Будни серые настали,
Осень машет нам крылом,
Журавлей крикливых стая
Покидает отчий дом.

Память дней моих суровых
Снова душу ворошит.
Здравствуй, день прекрасный, новый
В моей маленькой глуши!!!

Весна

По небу распластались облака,
В песках играет блёстками река,
Покрылись изумрудами леса,
Слышны повсюду птичьи голоса.

Стоят невесты-яблони в цвету.
На этот аромат опять иду.
Пленит природы буйное цветенье,
Самой Весны прекрасное творенье!
Гуляет по земле поющий май.
Как люб и дорог мне родимый край !!!

Каждому своё

Ветви-ниточки, листья-бусины.
Удивительны дары осени!
Среди сосен вы — малы деточки,
Не пробиться ввысь — хрупки веточки.
Неба синего не узнать очей,
Солнца ясного не достать лучей,
Ветра вольного не поймать гонца.
Неужели так жить до конца?

Мелькают кадры киноленты

Мелькают кадры киноленты.
Бежит стремительно строка.
И жизни страшные моменты
Мы видим. Память глубока.

Вот снова в бой идут ребята:
Братишки чьи-то и сыны.
Но зрелые уже солдаты,
Беду познавшие войны.

«Сынки! — им дан приказ комбата
Немедленно взять высоту! —
Вперед! Мы вас достанем, гады!
За мать, родную сторону!»

Так ринулись в атаку смело,
Крестясь и с криками «Ура!»
Земля стонала и горела,
Она страдала и терпела,
От боли трескалась кора.

Огонь навстречу бил свинцовый,
И в дымке падали тела.
Смесь крови, грязи — цвет багровый,
Цвет смерти страшный и бредовый,
За боем вслед она брела.

А смерть брала, не разбирая,
Тот — молод, тот — довольно зрел.
Все, кто погиб, достоин рая
И те, кто в битве уцелел.

Окончен бой. Высотка наша.
Молчит разбитый пулемёт.
Спят вечным сном Иваны, Саши,
А дома всех их кто-то ждёт.

...Мелькают кадры киноленты,
Спешит бегущая строка.
Стоят солдатам монументы,
Им наша память на века!

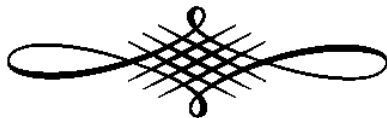
Воздух чист, теплом согретый
Первым солнечным лучом.
Где-то бродит бабье лето,
Жизнь красна и бьёт ключом.

Нитей тонких паутинки
Распустила кружева,
Осень — девушка с картинки,
Как из сказки ожила.

Спелым колосом пшеницы
Русы косы по плечам,
И берёзы в жёлтых ситцах
Тают в солнечных лучах.

Меж лесов и по равнине
Плавно движется река.
В ней, как в зеркале-витрине,
Нежно тают облака.

Осторожно, чуть ступая,
Бродит осень босиком.
Журавлей крикливых стая
Оставляет отчий дом.

Ольга ШАБЛАКОВА

Шаблакова Ольга Анатольевна родилась в посёлке Правдинск Балахнинского района Нижегородской области. Закончила Московский государственный институт культуры. Живёт в Брянске.

Член Союза писателей России, Международного союза писателей и мастеров искусств, лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Поэзия» (г.Орёл),

лауреат Международного литературного конкурса «С любовью к поэту» (г.Смоленск),

Лауреат премии имени Н.Мельникова (г.Москва), дипломант ряда литературных конкурсов. За активное участие в Международном фестивале-конкурсе поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» награждена дипломом и памятной медалью МСПМ «Почётный наставник творческой молодёжи».

Её сборник «Мельница дней» получил Диплом «Брянская книга 2016-2017» в номинации «Дебют». Её стихи публиковались в альманахах «Пересвет», «Литературный Брянск», «На земле Бояна», «Междуречье», «Венецианская мозаика», в литературно-художественном журнале «Подъём», в «Учительской газете», в коллективных сборниках, переводились на белорусский язык.

Первые шаги

Ласточки над городом летают.
 День июньский солнцем напоён.
 Заливает краска золотая
 Мой любимый Фокинский район.

Где в тени каштановой аллеи,
Делая неровные шаги,
По траве малыш идёт, робея,
Тянет ручки к маме: помощи.

Молодой отец свои ладони
Держит наготове, чтобы сын,
Оступившись, не упал, и понял:
Зыбок мир, но он в нём не один.

Я гляжу, завидуя немного,
Ведь и я когда-то так же шла.
Далеко с тех пор меня дорога
От родного дома увела...

Но остались рядышком незримо
Те, что помогали мне идти.
И зовёт вперед необоримо
Новизна нелегкого пути.

Двадцать пять

Только прыгала с припевочкой, декламировала стих —
Взрослой стала моя девочка... И нельзя ей запретить
Убегать без мамы из дому, уходить с ночёвкой в лес,
Увлекаться чем-то истово, доставать звезду с небес.

За неё уже не думаю: всё давно разрешено.
Ей — идти походкой юною, мне — глядеть вослед в окно,
Вспоминать, какой капризною и смешной она была,
И упрямо, с укоризною, расправляла два крыла.

Улетел птенец, и весело вьёт своё гнездо вдали...
Дом большой, да видно, тесно ей, если крылья унесли.
Незаметно, будто день один, четверть века позади.
Мне малышка улыбается — с фотографии глядит...

Мама

Домового с собой зазывала,
Новоселье справляла, грустя,
Что ни подпола нет, ни подвала.
И, как будто бы запропастясь,
Но на самом-то деле лукавя,
Он подглядывал в узкую щель,
Как глубоких тарелок наставив,
Наливала ты праздничных щей.

...Хлопотала с утра до заката,
До упаду. Чуть свет — на ногах.
Не стяжала ни званий, ни злата,
Не была ни в шелках, ни в долгах.
Предобрейшее сердце имела,
Отчего и страдала, но всё ж
Без заботы ни дня не сидела,
И довольна была, что живёшь.

Тем пронзительней, опустошённой
Твой внезапный и тихий уход,
И в глазах у людей отрешённой
Отражается времени ход,
Что в любви ты не знала разбора,
Всех жалея, умела прощать,
И унынье лечить разговором,
И гостей от души угощать.

Тем отчаянней противоречье
Между: ты где-то там, далеко,
И твоей молчаливою речью,
Что по сердцу струится легко,
Что понятна без азбуки-веди,
Что слышна сквозь дожди и года...
Знаю, ты никогда не приедешь.
Понимаю — во мне навсегда.

Лесной обелиск

Всё лето — жара, и грибов мы почти не видали.
С дождливой погодой надолго пришли холода.
Но вот в октябре прояснилось, затеплились дали,
И ближе к природе людей потянуло тогда.

...Скучать на обочинах брошены были машины.
Хоть тара грибная подчас оставалась пуста,
В лучах восходящих сияли деревьев вершины,
И верилось: где-то таятся грибные места.

Нам сладко дышалось в лесу на полянке пригожей,
Где мы, отдыхая, болтали о разных вещах.
Порою плутали, смотрели на солнце тревожно,
Ловили жужжанье моторов, дорогу ища.

...Поросшие мхом и травую встречались воронки,
Тяжёлые раны давно миновавшей войны.
И мне представлялось, что где-то над нами, вдогонку,
Гудящие «юнкерсы» мчатся, и нет тишины.

Но мирно в низине росли, разбредясь, сыроежки,
Их красные шляпки под листьями были видны.
И вдруг ты позвал меня. Я обернулась, помешкав.
Холодным ознобом меня обожгло со спины.

О да, я слыхала о том, что в сражениях часто
Без вести бойцы пропадали на страшном пути.
Но чтоб среди леса... могила... веночек цветастый...
И знак «под охраной» — такое случайно найти?

Хранил обелиск под звездой фамилии, званья.
Высокие сосны почётный несли караул.
Над теми, кто жизни отдал, выполняя заданье,
Лес ветви раздвинул, осеннюю синь распахнул.

А мы всё стояли в раздумье, не ведая сами,
Какими путями судьба нас сюда завела,
Где нет и тропинки, но явственна связь с небесами,
И вечная память о павших легка и светла.

Читать Есенина

Размашисто и уверенно,
Как будто своё вчера,
Читать нараспев Есенина
У гаснущего костра:
В янтарном сиянии вечера
У синей речной воды,
В берёз белоствольность весело
Бросая слова сквозь дым.

Затихшие, ошарашено,
Глядите во все глаза:
На дерзкого, эпатажного,
Звонящего жизнью за
Той гранью, что всем намечена,
И вновь, отвергая рай,
Тоскующего о женщине,
Поющего отчий край.

Ну разве такой забудется?
Амбиции, боль, и страсть,
И бешеный век с распутицей
Над ним потеряли власть!
Протянет в ладонях душу вам,
Упрямо сойдёт с листа —
Со всем, что в нём было лучшего,
В поэзии вечным став.

Он здесь, у костра грядущего,
В дурмане цветущих лип!

...Стихи его раздающая,
Рифмующая: то всхлип,
То горестное молчание,
То искреннее «прости»,
Я буду читать Есенина,
И вам его свет нести —

Размашисто и уверенно,
Как будто своё вчера.

Тютчев

Рядом с сыном, дочерью и зятем,
С Эрнестиной, преданной и милой,
Тютчев спит, последним сном объятый,
Белый крест вознёсся над могилой.
Не разбудит птичий звонкий гомон,
Не вернёт поэту вдохновенье.
Тютчев спит. В его именье, дома,
В Овстуге, прославленном рождением
Стихотворца, празднично и людно.
Говорят о нём, поют романсы.
Тютчев спит... Но нет, не беспробудно:
Он душой в поэзии остался!
Снова будоражит глубиною
Мыслей музыкальное течение,
Дышат строфы чувствами, весною,
И новы по-прежнему сужденья.
В творческой волшебной ипостаси,
Он — живой строкой — по свету мчится.
Тютчев спит, но сон его прекрасен,
Светлый сон поэта и провидца.

* * *

По улицам Венеции прекрасной
Красавец-гондольер ведёт гондолу.
Ему я симпатична, это ясно
По взгляду его, брошенному долу.

Размеренны, уверенны движенья,
Прищур насмешлив, губы неподвижны,
Величественно вытянута шея.
Посмотрит — ничего вокруг не вижу.

Но знаю, наша встреча быстротечна,
Судьбы не изменить, меж нами горы.
Влюблен в свою Венецию навечно
Красавец, управляющий гондолой.

Ф.И. Тютчев и Овстуг

Пусть жизнь человека для вечности — миг,
Что скажем вселенной не ново,
Но бьётся поэзии чистый родник —
Великого Тютчева слово.

Кто был он — мечтатель, поэт, дипломат,
Философ среди мрачного быта,
В поэзию свой воплотивший талант?
Какая в нём тайна сокрыта?

Родившийся в Овстуге, здесь он бродил
В свои подростковые годы,
Здесь папеньке первый свой стих посвятил,
Осилил Горация оды.

Какие красоты встречал он потом
В больших городах и столицах!

Но в памяти встанет родительский дом —
И грустно ему, и не спится.

И детские годы летят, как в дыму,
И ближе становится вроде
Отеческий край, где мечталось ему,
И вольно жилось на природе.

...Напомнят деревья, да пара камней
Поэту молодые скитания.
А новый усадебный дом на холме
Не видел дни Тютчева ранние.

Душой не помещик. Что светскому льву,
Оставившему увлеченья,
Труды захоlustья? — Лишь сон наяву,
Закатное солнца свеченье.

Ведь после блестящего Мюнхена здесь
И скучно ему, и убого.
В цензуре, в политике мыслями весь,
И снова — дела и дорога.

Как в Овстуг его Эрнестина ждала,
Любимого — всё понимала!
И не было в ней ни обиды, ни зла.
А в нём вдохновенье витало:

Здесь строчки рождались о дивной поре,
О днях, что прозрачно хрустальны,
О том, что в беспечной природы игре
Мы смутны и как-то случайны.

Восторгом объят к чародейке-зиме,
Иль в августе жарко-бредовом,
В Россию всем сердцем он верить умел,
И в ней продолжается Словом!

* * *

Мне бы жить в небольшом городке возле гор,
Где снега на вершинах не тают.
Где глазам открывается вечный простор,
И земля под ногами святая.

Ни о чем не жалея, смотреть на восток,
Свет небес принимая за данность.
Ввысь тянуться душою как нежный росток,
И ценить тишины постоянность.

Но даны мне сегодня иные края,
И живу я, с судьбою не споря.
Здесь своя красота, и люблю её я
Даже больше, чем горы и море.

Пусть мечты остаются мечтами! Ведь в них,
Словно в сказочном мире далёком,
Удаётся порою всё то сохранить,
Что реальность разрушит жестоко.

В том краю не хватает огней городских,
Речки, леса и поля с цветами.
Тишина там не та, в ней так много тоски.
Пусть мечты остаются мечтами.

Правда

Между сладким «чудесно» и бьющим наотмашь «ужасно»
Существуют оттенки,
Но я выступаю пристрастно,
Не скрывая своё отношеньё к решениям спешным.
Ведь молчание праздно,
И мне оно кажется грешным.

Я сама не святая, но, если представится случай,
Говорю только правду,

И, должное выполнив, мучусь.
И когда эта правда, как ветер сквозной, пролетает,
Я жалею о ней, что сидит на коне, как влитая.

Никому не нужны её принципы, стать и поддержка.
Неприятная многим, она не приучена мешкать,
И желающий слышать — услышит её иноходца,
А кому не нужна, на того она не обернётся.

Затаённой обидой горчат вызывающе взгляды.
Я теперь понимаю,
Как плохо бывает от правды.
Но ни слова назад не верну,
Потому что иначе
Мне придётся солгать...
Только ложью не купишь удачи.

* * *

Шла женщина с тяжёлыми глазами,
Налитыми слезами, и юдолью,
Невыплаканной перед образами —
С неразделённой, затворённой болью.

Она прошла, но шлейф её печали
Тянулся вслед, цеплялся за прохожих.
Казалось мне, глаза её кричали
О помощи, не подпуская всё же.

За ней стелились серые туманы,
Всё неуютней делалось на свете.
И почему-то не казалось странным,
Что плакали, её жалея, дети.

И стал пудовым лёгкий крест нательный,
Сочувствие невысказанно билось.
И, голову склонив пред «Семистрельной»,
Я о спасенье страждущих молилась.

* * *

Лыжня пересекала березняк,
Вдоль вырубки вела дорогой старой.
А наст осел, осунулся, размяк,
В нём утопала лыжных палок пара.

От любопытства лыжные носы
Высовывались, ехали неровно,
На заячьих следов густую сыпь
Заглядывались, на лесные кроны.

Стучал морзянкой дятел по сосне,
Взлетал огромный ворон из-под ели,
И лапками лиса строчила снег,
И весело скользя, полозья пели.

Слова

Замкнул уста, боясь произнести
Незначимое слово просторечно.
А мысль зажата бабочкой в горсти,
А семечко засыпано навечно.

От ужаса чудовище родить,
Остались нерождёнными герои.
И страшно сбиться с верного пути,
И солнца не увидеть за горою...

Не бойся быть наивным и смешным,
Казаться глупым или сумасшедшим,
И не молчи, когда слова важны,
И просятся в уста, с небес сошедши.

Камышовый кот

Кот камышовый, гуляющий сам по себе,
Старый вояка, скрывающий шрамы под шёрсткой,
Глупую птичку , певунью, он ловит в обед,
С крысой огромной, рыча, расправляется жёстко.

Острые длинные когти в подушечки лап,
Мягко, неслышно ступающих, прячет умело.
Но чужака с территории гонит в нахрап,
Как бы не ныло устало кошачье тело.

Прячась от волка и рыси среди тростника,
Знает, что этих врагов поопаснее — люди.
И потому с осторожностью, издалека
Смотрит на них, на глаза попадаться не будет.

Он замечает, что общего много у них:
Эти двуногие любят озера и речки.
Тоже порой у воды замирают они,
Ловят рыбёшку иль смотрят на звёздные свечки.

В красную книгу, он слышал, его занесли,
Вывели чаузи — помесь с домашнею кошкой.
Как бы там ни было, в силе родимой земли
Он еще черпает собственной силы немножко.

Это котёнка слепого дурачь и учи,
Но не того, кто и лиха хлебнул, и свободы.
Крепко сжимает зубами добычу в ночи
Гордый хозяин из редкой кошачьей породы.

Старые качели

Спят дома деревянные в ряд,
Двухэтажки зелёного цвета.
Занавески на окнах пестрят,
И распахнуты форточки в лето.

Дождь прошёл, и блестят провода,
Небо смотрится в зеркало лужи.
Ловят ветер ветвей невода,
Осыпая капелью жемчужин —

Всё даря, ничего не храня:
Ни к чему красоте казначей.
...А на детской площадке качели
Не скрипят, позабыли меня.

* * *

Старик молился в церкви. Бился лбом.
Просил усердно, преклонив колени.
Шла служба. Перед Божиим рабом
Горели свечи. Вдрагивали тени.

А он ушёл в себя. Он был не здесь.
К Отцу и Сыну и Святому Духу
Он всей душой зывал. О чём — Бог весть,
Поскольку недоступно это слуху.

Так искренне он каялся в вине,
Иль умолял избавить от напасти,
Что отчего-то стыдно стало мне
За тихое безоблачное счастье.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИМЕНА

Владимир Фёдорович ПРОНИЧЕВ

Следуя сложившейся традиции, в новой книге литературного объединения «Стожары» мы обращаемся к творчеству нашего коллеги, ушедшего из жизни в 2011 году.

Владимир Фёдорович около 40 лет работал в районной газете «Жуковские новости», в течение десяти лет возглавлял её редакцию. Член Союза журналистов. За свою деятельность был отмечен Благодарностью министра культуры и массовых коммуникаций России, на-

граждён юбилейной медалью «В память 200-летия Ф. И. Тютчева». Он стоял у истоков организации литературного объединения «Стожары», активно участвовал в его работе. Стихи Владимира Фёдоровича отличаются любовью к малой Родине, природе, жителям родного края. Рассказы навеяны приключениями во время походов на охоту и рыбалку. Он был душой любой компании, интересным рассказчиком, замечательно пел. А как мастерски рассказывал анекдоты! На любое событие Проничев мог моментально написать экспромт — будь то редакционная жизнь или заседание депутатов, каким он был много лет. Тонкий юмор и глубокая душевность никого не оставляли равнодушными. Потому он не забываем для своих друзей и коллег.

Любовь, уважение, память — незыблемая основа сборника стихов и рассказов «Задесенье», вышедшего в 2010 году — незадолго до смерти замечательного поэта. С отдельными произведениями из этой книги хотим познакомить читателей.

Признание

Я люблю край мой светом обласканный,
Каждый кустик, что с детства знаком,
Где по стёжкам вдоль речки, накатанным
Часто раньше бродил босиком.

Где тропинка любая известная
В нашем близком, родимом краю,
Где Десна стала русскою песнею —
Всюду этот мотив узнаю.

И теперь в этой жизни закрученной
Только радость осталась одна:
Подхожу к ней и стану над кручею —
Здравствуй, милая сердцу Десна!

Здравствуй, вир самый Чёрный под волнами,
Здравствуй, Борча, гостилловский плёс —
К вам с поклоном, пригоршнями полными
Я любовь свою все годы нёс.

И друзья мои, с кем я так дружен был,
Вы сегодня здесь, рядом со мной,
И туман, ранним утром разбуженный,
Над родной моей с детства рекой.

Годы мчат, как стремнина весенняя,
Неурядицы всюду видны —
Вот и ищешь душою спасения
У родной и любимой Десны.

Впервые

В светлый праздник Воскресенья
До поклонного креста
Я шагаю с упоением
И легка дорога та.

Успокоился душою.
Благость — звон колоколов.
Праздник вестью и большою
Прозвучал — Христос пришёл!

Оглянулся: церкви, храмы,
Люду сколь собралось здесь! —
Нынче вся Россия с вами
И над всеми — благовест.

В светлый праздник Воскресенья
У поклонного креста
Полный радости веселья
Принимаю я Христа.

Помощник

Катит заяц — белый шар
К белой горке по дорожке —
Кто-то зайцу помешал,
Пуганувши по порошке.

А? Так это же дружок —
Сторож деда Николая,
Собачонок сам с горшок
Гонит зайца, но без лая.

— Дед! — Кричу, — гляди, русак!
Дед с ухмылкой отвечает:
— Каждый день у них вот так —
В догонялки Друг играет.

Дед Никола сторожит
В задесенье дачу,
И Господь благословит
Деда на удачу:

— Раз, как помню, на заре
Было той весною,
Плыли лоси по Десне
Прямо под горою.

Тут Дружок как зарычит,
В лай давай ругаться.
К лесу им не дал доплыть,
Так и лезет драться!

Отогнал от дач лосей! —
Звери те не зайцы...
Так что с Другом веселей
Сторожить мне, братцы.

Ностальгия

Вчера был там, где вместе отдыхали,
Встречал над нашим озером рассвет.
Воспоминания как бабочки порхали.
Я сожалел, что рядом тебя нет.

Скосили луг, где мы ромашки рвали.
Кукушек смолк расчётный голосок.

Берёзки мне тебя напоминали,
Что проросли лужком наискосок.

Я, как тебя, их нежно обнимаю
И видятся любимые глаза.
И, как тебя, их так же обожаю,
Была бы рядом, всё тебе сказал.

Был там, где раньше вместе отдыхали,
Встречал над нашим озером рассвет.
Воспоминания как бабочки порхали.
Я сожалел, что рядом тебя нет.

Полнишь, товарищ?

Разлив души неспешно замерзает,
Как речка, покрываясь первым льдом.
Но сердце, не спросясь, напоминает:
Стареем, мил дружок, а всё ж живём.
Ещё года совсем не придавили,
Порою тянет на реку и в лес,
Припомни, сколько рыбы мы ловили,
Под сводом леса видели чудес?
Лист золочёный сыплется под ноги,
В осеннем небе гусь идёт в отлёт...
Лесной, заросшей лентою дороги,
Лисой уставшей наша жизнь идёт.

В Матрёновке

Я много раз бывал у обелиска
И холод каждый раз мне сердце жал
От взгляда матери: в нём ненависти искры.
Стоит она, сынка к себе прижав.

Ни пули, ни огонь и ни гранаты
Дух русский не сумели истребить:
То сорок третий был, а после — сорок пятый,
Сумевший путь к победе проложить.

Здесь многолюдно в мае ежегодно,
И братская могила вся в цветах.
Возвышенна всегда и благородна
Людская память со слезой в глазах.

Я много раз бывал у обелиска
И холод каждый раз мне сердце жал
От взгляда матери: в нём ненависти искры.
Стоит она, сынка к себе прижав.

И только соловей, певец весенний,
Солирует, трель каждая слышна,
Ему нет дела до людских лишений,
Что принесла кровавая война.

Вдохновение

Заря минутой пролетела,
И крыльев свист её затих.
Душа моя помолодела,
У озерка я — как жених.

Для счастья многого не надо —
С ружьём на зорьке постоять.
Охота — вот она, отрада,
Не обязательно стрелять.

Был август травами настоян
И ждали милые глаза...
Ты бодр и дальше жить настроен —
Вот такова твоя стезя.

Израненная Русь

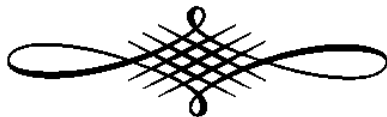
Отцу Ф. Г. Проничеву

Ревут моторы. И на взлёт машины
Торопятся, рулёжку заверша.
С утра, совсем промёрзшие кабины —
Ревут моторы. Замерла душа.

«Взлетаем! Газ моторам! Оторвались!» —
Аэродромная сломалась тишина —
Бомбардировщики на смертный бой собрались...
Шла та, особо страшная война.

...Хромал по Брянску, чубом сед, парнишка,
Курил «Казбек», что доктор подарил,
Горели в кровь натёртые подмышки.
Он сам себя, шагая, торопил:

«Я еду, Катя, мне чуть-чуть осталось,
Вот только до вокзала доберусь...»
Так постепенно к жизни возвращалась
На той войне израненная Русь.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
Архипов Владимир	4
Ашеко Людмила	14
Баранова Валентина	36
Баранова Галина	41
Берзин Вячеслав	52
Бычкова Валентина	66
Васечкина Маргарита	77
Зубова Мария	87
Кандаурова Наталья	97
Крисанова Валентина	106
Мишина Наталья	115
Никитин Александр	126
Прилепова Ольга	136
Пугачёва Наталья	149
Ронжин Александр	160
Серякова Валентина	174
Сорочкин Владимир	183
Терехова Антонина	198
Филина Татьяна	204
Шаблакова Ольга	211

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИМЕНА

Проничев Владимир Фёдорович	224
---------------------------------------	-----

**АЛЬМАНАХ ЖУКОВСКОГО РАЙОННОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ**

Подписано в печать 00.08.2019 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 13,48. Заказ № 0000. Тираж 100 экз.

Отпечатано